

Как цитировать: Цифровые технологии и право: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (г. Казань, 20 сентября 2024 г.) / под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 2. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. EDN: OMJFVA. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0842-0_2 – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.

For citation: Digital Technologies and Law: collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference (Kazan, 2024, September 20) / I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova (Eds.). In 6 vol. Vol. 2. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2024. EDN: OMJFVA. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0842-0_2 – 1 CD-ROM. – Title from the title screen. – Text: electronic.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
III Международной научно-практической конференции

20 сентября 2024 г.

г. Казань

В шести томах

Том 2

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

Collection of scientific articles
of the III International Scientific and Practical Conference

2023, September 22

Kazan

In 6 volumes

Volume 2

УДК 004:34(063)
ББК 67с51я43
Ц75

Издается по решению редакционно-издательского совета
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Рецензенты:

А. К. Жарова, доктор юридических наук, доцент, директор Центра исследований киберпространства, ассоциированный член Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

К. А. Пономарева, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Е. А. Рускевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

К. Л. Томашевский, доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;

Ю. С. Харитонова, доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ц75 Цифровые технологии и право: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (г. Казань, 20 сентября 2024 г.) / под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 2. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. EDN: OMFJVA. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0842-0_2 – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-8399-0859-8

ISBN 978-5-8399-0842-0 (Vol. 2)

Системные требования: операционные системы Linux, Windows; 120 Мб; 16 Мб; PDF Reader; дисковод CD-ROM, мышь

Вошедшие в сборник научные труды приурочены к III Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право», состоявшейся 20 сентября 2024 г. в Казани в рамках Международного форума Kazan Digital Week 2024, организуемого Правительством Российской Федерации совместно с Кабинетом Министров Республики Татарстан.

На конференции обсуждался широкий спектр теоретико-методологических, практико-ориентированных, междисциплинарных и отраслевых вопросов, касающихся приоритетов развития правового регулирования цифровых технологий, нормативного контроля над цифровой средой, перспектив влияния права на формирование и развитие новых общественных отношений.

Научные труды представленного тома систематизированы по современным трендам развития цифровых технологий в системе частно-правовых (цивилистических) и международно-правовых отношений; отдельно приведены труды зарубежных ученых и отечественных специалистов на английском языке.

Нашедшие отражение в многотомном издании идеи и предложения в своей совокупности являются ключом к пониманию интеллектуальной карты смыслов, которые будут интересны ученым-правоведам и экспертам в области цифровых технологий, практикующим юристам, представителям правотворческих и правоприменительных органов, государственным служащим и участникам реального сектора экономики, включая разработчиков и производителей продуктов на основе достижений цифровых технологий, молодым исследователям-студентам, магистрантам и аспирантам, всем интересующимся вопросами взаимовлияния цифровых технологий и права.

УДК 004:34(063)
ББК 67с51я43

ISBN 978-5-8399-0859-8

ISBN 978-5-8399-0842-0 (Vol. 2)

© Авторы статей, 2024

© Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова, 2024

Научное издание

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции
20 сентября 2024 г.
г. Казань

В шести томах
Том 2

Под редакцией И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой

Электронное издание

Главный редактор Г. Я. Дарчинова; редакторы: Г. А. Тарасова, Е. А. Маннапова;
технические редакторы: О. А. Аймураева, С. Р. Каримова; дизайн обложки: Г. И. Заретдинова

Дата подписания к использованию: 13.12.2024. Объем издания 2,46 Мб. Тираж 11 экз. Заказ № 9/2024
ISBN 978-5-8399-0842-0

Издательство Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, 42 Тел. (843) 231-92-90, E-mail: zaharova@ieml.ru 7

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

*Published by the decision of the Editorial-Publishing Board
of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov*

Reviewers:

A. K. Zharova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Center for Cyberspace Research, Associate Member of the International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair in Copyright, Related, Cultural and Information Rights” of the National Research University Higher School of Economics;

K. A. Ponomareva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher of Centre for Taxation Policy of Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Finance, Professor of the Department of Legal Provision of Market Economy, Higher School of Legal Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

E. A. Russkevich, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin;

K. L. Tomashevsky, Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov;

Yu. S. Kharitonova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy, Professor of the Department of Business Law at Lomonosov Moscow State University

Digital Technologies and Law: collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference (Kazan, 2024, September 20) / I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova (Eds.). In 6 vol. Vol. 2. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2024. EDN: OMJFVA. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0842-0_2 – 1 CD-ROM. – Title from the title screen. – Text: electronic.

ISBN 978-5-8399-0859-8

ISBN 978-5-8399-0842-0 (Vol. 2)

System requirements: Linux, Windows operation systems; 120 Mb; 16 Mb; PDF Reader; CD-ROM, mouse

The scientific works included in this collection are timed to coincide with the III International Scientific and Practical Conference “Digital Technologies and Law”, held on September 20, 2024 in Kazan as part of the International Forum “Kazan Digital Week 2024”, organized by the Government of the Russian Federation jointly with the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan.

The conference discussed a wide range of theoretical, methodological, practice-oriented, interdisciplinary and sectoral issues related to the development priorities of legal regulation in the sphere of digital technologies, regulatory control over the digital environment, prospects for the influence of law on the formation and development of new public relations.

The scientific works in this volume are systematized according to modern trends in the development of digital technologies within the system of private law (civil law) and international legal relations; a separate section is devoted to the works of foreign researchers and Russian specialists in the English language.

Taken together, the ideas and proposals reflected in this multi-volume publication are the key to understanding the intellectual map of meanings that will be of interest to legal scholars and experts in the field of digital technologies; practicing lawyers; representatives of law-making and law enforcement agencies; civil servants and participants in the real sector of the economy, including developers and manufacturers of products based on digital technologies; to young researchers: undergraduates, graduates, and postgraduates; to all those interested in the mutual influence of digital technologies and law.

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

ISBN 978-5-8399-0859-8

ISBN 978-5-8399-0843-7 (Vol. 3)

© Authors of articles, 2024

© Kazan Innovative University

named after V. G. Timiryasov, 2024

Scientific publication

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

Collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference

2024 September 20
Kazan

In 6 volumes
Volume 2

I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova (Eds.)

Electronic publication

Editor-in-Chief *G. Ya. Darchinova*; Editors *G. A. Tarasova, E. A. Mannapova*;
Technical editors: *O. A. Aimurzaeva, S. A. Karimova*; Cover designer *G. I. Zagretdinova*

Date of signing for usage: 13.12.2024. Volume of the publication 2,46 Mb. Number of copies: 11. Order No. 9/2024
ISBN 978-5-8399-0842-0

Poznaniye Publishing House of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
42 Moskovskaya Str., 420111 Kazan, Russian Federation; Tel. +7 (843) 231-92-90; E-mail: zaharova@ieml.ru

Редакторы:

И. Р. Бегишев, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;

Е. А. Громова, доктор юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета);

М. В. Залоило, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

И. А. Филипова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

А. А. Шутова, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Editors:

I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of the Research Institute of Digital Technologies and Law, Professor of the Department of Criminal Law and Process of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov;

E. A. Gromova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Director on international activity of the Institute of Law, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, South Ural State University (national research university);

M. V. Zaloilo, Cand. Sci. (Law), leading researcher at the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

I. A. Filipova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor and Environmental Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky;

A. A. Shutova, Cand. Sci. (Law), senior researcher at the Research Institute of Digital Technologies and Law, associate professor of the department of criminal law and process of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ) ОТНОШЕНИЙ

Агибалова Е. Н., Кирсанов В. О. ОБНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НОТАРИАТЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	10
Адельшин Р. Н. ПРАВОВОЙ ОБЗОР ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	21
Боул Д. В. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ УЧАСТИКОВ СИСТЕМЫ БЫСТРЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И ИХ КЛИЕНТОВ – ПОТРЕБИТЕЛЕЙ РАСЧЕТНЫХ УСЛУГ	26
Вилкова Н. Г. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	30
Гасанов З. У. НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ	40
Дудкин Д. А. ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОКАЗАНИЯ ДЕТЕКТИВНЫХ (СЫСКНЫХ) УСЛУГ: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	44
Ершова Ю. В., Ляпкина Т. С. ОСОБЕННОСТИ ЭМИССИИ АКЦИЙ В ВИДЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ ПРИ УЧРЕЖДЕНИИ НЕПУБЛИЧНОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	47
Карандашева Н. Н. ПРИНЦИП ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ ПРИ НАПРАВЛЕНИИ СУДЕБНЫХ ПОРУЧЕНИЙ ЗА ГРАНИЦУ	51
Кириллова Е. А., Зулфугарзаде Т. Э. К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	54
Лабабуева О. С. ВИРТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ	59
Лысаковская Ю. О. ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ АГЕНТИРОВАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ ЭЛЕКТРОННОМУ АГЕНТУ	64
Мавлекеев И. Ш. ПРАВОВЫЕ ДАННЫЕ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ ДОГОВОРЕ	67
Макарчук Н. В. ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	71

Минич С. А. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАСШИРЕНИЕ РОЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	74
Минкина Н. И. ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИАЦИИ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ	80
Киселев А. С., Новик О. С. ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ ДЛЯ РАСЧЕТОВ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	87
Пивненко Д. Л. ПРАВО НА ПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ ОБ ОБЪЕКТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ЧАСТНОПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	93
Пономарченко А. Е. ПАТЕНТ НА ИЗОБРЕТЕНИЕ, СОЗДАННОЕ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	97
Савельева Т. А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СМАРТ-КОНТРАКТОВ ПРИ ИПОТЕЧНОМ КРЕДИТОВАНИИ.....	101
Сварчевский К. Г., Саченко А. Л. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАЙНИНГА КАК ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	114
Сергеева О. В. МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	117
Тихалева Е. Ю. О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	126
Тумаков А. В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ	130
Умрихин С. Д. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОСЛЕДНИХ НОВЕЛЛ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОПОСРЕДУЮЩИХ ПРОВЕДЕНИЕ ОБЩИХ СОБРАНИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ.....	135
Усольцева Н. А., Усольцев Ю. М. МОРАЛЬНО-ВОЛЕВАЯ ДИЛЕММА ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	140
Федоров Н. И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	144
Федоров Д. А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ.....	148
Чижов А. И. ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ТОКЕНИЗАЦИИ	151

**ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Гончарова Н. Н., Дятлова Е. В. ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	159
Демидов В. П., Мохоров Д. А., Мохорова А. Ю. ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВОПРАВНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ОПЫТ ШОС.....	163
Камышанский Д. Ю. УГРОЗЫ РАЗВИТИЮ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ	166
Мазурова Н. Н. КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ЗАЩИТА ДАННЫХ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	172
Одегова Л. Ю., Базака В. В. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ И РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БОРЬБЕ С НИМ.....	175
Савельева Н. В. КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ГОСУДАРСТВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	178
Шумилов В. М. ГЛОБАЛЬНАЯ НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА И ГЛОБАЛЬНОЕ ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	186

**DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW
(СЕКЦИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)**

Ksenia M. Belikova. CERTAIN APPROACHES TO BUSINESS PROTECTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AND LEGAL SOLUTIONS	191
Nikolai Budnetskii. OVERVIEW OF APPROACHES TO DIGITAL ASSETS REGULATION IN THE UAE, GERMANY AND RUSSIA.....	196
Elena E. Gulyaeva. COURTROOM CHRONICLES: AI AND HUMAN RIGHTS IN INTERNATIONAL LEGAL PRECEDENTS.....	200
О. Ю. Латышев. ПРИОБРЕТЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ	207
Li Jingrong, Shawuya Jigeer. RISKS AND REGULATORY FRAMEWORK OF THIRD-PARTY PAYMENT IN CHINA	211
Serikbek Murataev. EVOLUTION OF THE FORMATION OF HUMAN SOCIETY AND THE GROWING DIGITAL SOCIETY ERA: LEGAL AND POLITICAL APPROACHES.....	220

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ) ОТНОШЕНИЙ

Е. Н. Агибалова,

кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В. О. Кирсанов,

магистрант,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ОБНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НОТАРИАТЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Данное исследовательское произведение посвящено обновлению законодательства Российской Федерации о нотариате в условиях цифровизации. Охватываются вопросы, коррелируемые с правовым положением нотариусов и лиц, уполномоченных на совершение нотариальных действий, в соответствии с новыми изменениями нормативной базы, регулирующей статусность нотариата. В исследовании представляются доктринальные соображения относительно заявленной темы, выделяются позитивные и негативные свойства нововведений, постигших рассматриваемую сферу деятельности. Наряду с этим работа содержит прогнозирование положения нотариусов в цифровом будущем.

Ключевые слова: законодательство, нотариат, нотариус, нотариальные действия, единая информационная система нотариата, цифровизация.

THE NOVELIZATION OF RUSSIAN LEGISLATION ON NOTARIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. This research work is devoted to the novelization of the legislation of the Russian Federation on notaries in the context of digitalization. The issues correlated with the legal status of notaries and persons authorized to perform notarial acts in accordance with new changes in the regulatory framework governing the status of a notary are covered. The study presents doctrinal considerations regarding the stated topic, highlights the positive and negative properties of innovations that have befallen the field of activity under consideration. Along with this, the work contains a prediction of the position of notaries in the digital future.

Keywords: legislation, notary, notary, notary actions, notary's unified information system, digitalization

Введение. В современных реалиях процесс взаимодействия граждан, организаций и государственных органов между собой становится все более формализованным. Наверняка стоит связать этот момент и с настигшей нас цифровизацией, навязчивые нарративы которой повсеместно наполняют нашу жизнь [7]. Тем же моментом среди субъектов правоотношений отмечается рост потребности в государственных услугах.

Основная часть. Пожалуй, до настоящего времени не наблюдалось такой пиковой активности в интернет-сетях и электронных ресурсах государственных органов. Это подтверждается и статистической информацией, представленной на сайте Правительства Российской Федерации: «В период с января по июль 2023 года россияне подали 336 млн заявлений на Госуслугах, что на 32 % больше аналогичного периода прошлого года», – заявил Заместитель Председателя Правительства России Д. Н. Чернышенко [4].

Приведенная статистика явным образом демонстрирует динамику повышения уровня использования такого сервиса, как «Госуслуги», а соответственно, и других цифровых платформ, отражающих государственное взаимодействие с участниками правоотношений.

Безусловно, такой «переход на цифру» нашел свое место и в отрасли нотариального права.

Известно, что с 29 декабря 2020 года нотариусы могут совершать ряд нотариальных действий в удаленном формате, то есть без личного посещения заявителем нотариальной конторы, а с использованием веб-сервиса единой информационной системы (далее – ЕИС) нотариата [17].

Действительно, указанное сведение вполне упрощает процедуру обращения граждан и организаций в нотариальный орган для более скорого получения результата по интересующему вопросу, однако не все столь прозрачно: следует отметить, что существуют как проблемы, возникающие с интернет-сайтами государственных структур, так и проблемы с самими субъектами обращений в нотариат, которые порой не сведущи в теме электронной подачи заявлений, документов, подвергающихся совершению нотариальных действий.

Это предопределяет отрицательную сторону существа цифровизации нотариальных услуг в период совершения которых нотариусом посредством загрузки данных в ЕИС нотариата могут быть разглашены данные о лицах, которые держат некоторые факты о своей личной жизни в тайне.

К слову, о тайне. В условиях роста использования интернет-сети и социальных платформ коммуникации становится неясным вопрос о том, что же признается тайной и как ее будет воспринимать правоприменитель. Так, в части электронного документооборота в нотариальной деятельности упрощается способность внутренней корреспонденции и архивации данных граждан; помня о гарантиях нотариальной деятельности, описанных в статье 5 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [16] (далее – Основы), «нотариусу запрещено распространять сведения, оглашать документы, которые стали им известны в связи с совершением нотариальных действий», естественно в обход тех случаев, что сами указаны в Основых.

Небезызвестен тот факт, что ни одно лицо не застраховано от привлечения к определенному виду юридической ответственности, особенно в случае совершения преступления. В этом контексте нам кажутся недопустимыми изменения, предлагаемые МВД РФ в проекте Федерального закона «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 14.08.2023. Принятием указанного закона указанное ведомство стремится приобрести доступ к сведениям о лицах посредством исследования предметов, документов, пребывающим в цифровом пространстве, в частности, в сети Интернет [12].

В этой связи следует легально закрепить такого рода дефиниции, как объем, содержание тайны, категорию субъектов, коим доступны сведения о ней, а также конкретизировать их, обозначив признаки.

Любая тайна подлежит сохранности и обеспеченности должным образом, каждый человек должен понимать это на интеллектуальном уровне. Однако переход к цифровому документообороту повышает риск несанкционированного доступа к нотариальным документам. Необходимо разработать надежные системы защиты информации, включая шифрование, что одновременно предвосхищает потребность в разработке специализированных программных продуктов для обеспечения безопасности нотариальных процессов. В противном случае использование того же искусственного интеллекта для анализа больших данных может привести к непреднамеренному раскрытию конфиденциальной информации.

Так, говоря об обновлении института нотариата в электронной среде, приводится в пример положение части 6 ст. 71 Основ о том, что перед предоставлением свидетельства о праве на наследство на земельный участок нотариус должен внести сообщение о намерении выдать свидетельство о праве на наследство на такой земельный участок в специальный реестр основных сведений, отражающих факты экономической деятельности конкретных субъектов [16].

Очерченная выше нормативная позиция, отражающая регуляцию деятельности нотариата, имеет специфическое значение: в прошлом сведения, связанные с указанным свидетельством, вносились в реестр в момент совершения нотариального действия, то есть «по факту надобности». В настоящее же время это не просто поэтапная процедура регистрации действия, а потенциальное раскрытие коммерческой тайны, возможно существующей в документации вышеобозначенных субъектов.

Схожий случай мы можем наблюдать в обновлении положений Основ относительно наследственных правоотношений. Еще в 2018 году статью 73 названного акта внесено изменение, связанное, на наш взгляд, напрямую с оглашением персональных данных, а равно и личной, семейной тайн, идущих вкуче. Закон возлагает на нотариуса обязанность идентифицировать всех наследников, которым по закону полагается обязательная доля наследства. После оформления соответствующего свидетельства нотариус должен без промедления передать в электронном виде в регистрирующий орган заявление о соответствующей государственной регистрации права [16].

Такое же место имеет измененная в 2023 году норма, содержащаяся в пункте 9 Приказа Министерства юстиции РФ от 14.12.2022 № 397, который

освещает порядок хранения электронных носителей и цифровых данных. Данная норма указывает на то, что при поступлении наследственного дела на хранение, сотрудник архива производит его регистрацию в ЕИС, а именно в категории наследственных дел, следом за чем вносит все необходимые сведения о деле в соответствующую запись базы данных [15].

Но не станет ли все обозначенное обходом закона? Известно, что обходом закона является использование формально допустимых, но не предусмотренных законодателем правовых механизмов для достижения целей, к которым закон относится негативно. Проще говоря, обход закона – лазейка, позволяющая обойти прямой запрет, но не меняющая неправомерной сути действий (причем сама юридическая конструкция обхода закона может иметь как публично-правовой, так и частноправовой характер, то есть носить двойственную правовую природу, коей обладает нотариальная деятельность).

Истолковывая приведенные выше нормы, обращается внимание на становление сведений граждан публичными в рамках придания им цифрового значения; иными словами, если до изменений о доле в наследстве (или ином имуществе, передаваемом по завещанию) знает лишь определенный круг лиц (например, супруг(-а), дети), то на данный момент в связи с публикацией такого рода данных осведомленными оказываются и потенциальные кредиторы.

Данная норма устанавливает не только проблему раскрытия личной информации, но и способствует привлечению стороннего, зачастую нежелательного, внимания. Упрощает ли это делопроизводство нотариусов? Возможно, но и только; наряду с этим, вряд ли граждане, не приспособленные к цифровым носителям, оценят данную новацию позитивно.

В противовес определенной выше критике цифрового подхода к деятельности нотариусов стоит поставить статистический комментарий президента Федеральной нотариальной палаты К. Корсика о том, что развитие цифровых технологий привело к появлению инновационных форм нотариальной деятельности. Благодаря возможности совершать нотариальные действия в электронном виде и признанию равнозначности электронных и бумажных документов, граждане получили доступ к более удобным и оперативным юридическим услугам [8].

Вероятно, что и впрямь цифровой механизм регулирования нотариального делопроизводства в данном случае оптимизирует процедуры обращения физических и юридических лиц к нотариусам и облегчает совершение нотариальных действий последними. Однако возникает резонного характера вопрос: а не скажется ли электронный оборот документов на самом приеме данных? Иначе выражаясь, не станет ли прихотью нотариуса подача документов лишь в электронной форме?

Вполне очевидно, что в настоящее время многие специалисты считают личную подачу документов атавизмом правового регулирования. Но, пожалуй, стоит противопоставить им позицию о том, что, ликвидируя личное обращение как способ взаимодействия, законодатель нарушает конституционное право лица на обращение, что также более конкретно описывается в части 1 ст. 2 Федераль-

ного закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: «Граждане имеют право обращаться лично» [13].

Развивая тему нововведений в части нотариальной деятельности, стоит воспользоваться содержанием вступившего в силу с 1 июля 2024 года Федерального закона от 24.07.2023 № 361-ФЗ, связанного с некоторыми изменениями Основ; сведения из него описывают определенные новшества для российской общности. Так, например, прописана обязанность уполномоченных на совершение нотариальных действий лиц удостоверить документы с применением сертифицированных средств криптографической защиты информации через федеральный орган исполнительной власти [11]. Информация, хранимая нотариусом, имеет длительный срок хранения и высокую юридическую значимость. Это означает, что криптографические алгоритмы должны быть устойчивы к взлому в течение длительного времени.

В этом прослеживается положительный нарратив; криптографическая защита известна своей методикой шифрования, кодирования информации, без ключа доступа к которой лица, не обладающие правом ознакомления, использования такой информации, не смогут осмотреть содержимое файлов. Однако системы шифрования, используемые нотариусами, должны быть совместимы с другими информационными системами, используемыми в правовой сфере, такими как государственные реестры и системы электронного документооборота.

Посредством такого новшества форма хранения информации в базах данных нотариата будет более совершенной, бесспорно.

Очередную схожесть мы можем наблюдать в вышеназванном Приказе Минюста России № 397, пункт 14 которого закрепляет сведения о том, что нотариус удостоверяет документы квалифицированной электронной подписью, сертификат которой выдан удостоверяющим центром, уполномоченным осуществлять функции по формированию, выдаче и аннулированию сертификатов ключей такой подписи [15].

Это тоже способствует обеспечению безопасности данных, вносящихся в реестровые базы.

Деятельность с документами, хранящимися в нотариальной базе и имеющими в ней оборотоспособность, напрямую регулируется Правилами нотариального делопроизводства, которые также претерпели изменения в 2022 году, что ознаменовало переход к цифровому архивированию и уничтожению данных [18]. Это сносно влияет на оптимизацию работы с архивными данными и сведениями, поступившими к нотариусу.

Несколько слов необходимо сказать о самых последних новшествах нотариального законодательства. Вновь принятым 25 июля 2024 года в третьем чтении Законом, вносящим изменения в Основы, установлены требования и к участникам нотариальных правоотношениях. Они коснулись и переводчиков. Данные специалисты получили дополнительные обязанности в процессе нотариального удостоверения документов. Параллельно с этим нотариус теперь вправе удостоверить подпись переводчика только при наличии подтверждения его квалификации [19].

Такая новация отмечается позитивным восприятием. Стоит иметь в виду, что взаимодействие заявителей и нотариусов посредством данных процедур облегчается, а это кратко сокращает время совершения нотариального действия.

Национальный портал в сфере Искусственного интеллекта указывает на то, что в настоящее время федеральные министерства уже оснащают себя передовыми цифровыми технологиями, первенство среди которых занимает ИИ. Так, Министерство юстиции стремится повысить эффективность правовой экспертизы и доступность юридических услуг за счет внедрения ИИ; Министерство промышленности и торговли использует ИИ для ускорения процессов рассмотрения поступающих заявок и повышения качества государственных услуг; Министерство строительства применяет цифровые технологии для оптимизации документооборота и повышения прозрачности процессов аттестации [5, 14].

Однако мы сталкиваемся с рядом проблемных аспектов, связанных с внедрением такой диковинности в профессиональную деятельность. Согласно публикации издательского агентства РАПСИ, специализируемого на работе с правовой литературой и юридическими источниками, нотариат подчеркивает, что искусственный интеллект не может полностью заменить нотариуса при консультировании по вопросам недвижимости и наследства, так как сам по себе не способен адекватно оценить все нюансы конкретной практической ситуации и дать исчерпывающую юридическую консультацию, способную помочь в решении вопроса. О несовершенстве искусственного интеллекта рассказала член Нотариальной палаты Свердловской области Ольга Филиппова [9].

Кстати, для сделок с недвижимостью и их нотариального удостоверения можно создавать детальные виртуальные модели объектов, что позволило бы сторонам более детально ознакомиться с предметом правоотношений, одновременно с чем следует определить ответственность нотариусов за действия, совершенные с использованием новых технологий.

Резонно полагать, что в преддверии «нотариального обезчеловечивания» посредством интегрирования ИИ в деятельность нотариальных органов следует уделить особое внимание и время контролю за рисками и прогнозированию негативных последствий от действия новых технологий в указанной деятельности. Например, в отсутствие такого независимого консультанта, отраженного во мнении О. Филипповой, способна ли будет нейросеть с ИИ автономно и качественно обработать запрос заявителя с целью нотариального удостоверения сделки, либо же действий, связанных с завещательным возложением, а равно с завещательным отказом? Однозначно определяется, что на данный момент перечисленные категории и процедуры – весьма сложные юридико-технические действия, совершение которых требует высококвалифицированного специалиста, а не сетевого помощника в виде ИИ.

Поэтому, развеивая миф об исключительной полезности ИИ в нотариальной деятельности, следует отметить то, что на данный момент такой уникальный инструмент может быть распространен лишь поверхностно. В этой связи непреодолимой силой на сей момент выступает факт того, что цифровая трансформация нотариата, подкрепленная искусственным интеллектом, открывает новые горизонты для заявителей. Мобильные приложения могут стать «виртуаль-

ными оракулами» нотариальных контор, которые, в свою очередь, будут загружать информацию на сервер, а ИИ будет распространять ее далее в структурные разделы, тем самым предоставляя услуги в любое время и в любом месте. Вполне вероятно, что такая прагматика позволит сделать нотариальные услуги максимально доступными и удобными для каждого.

Однако же стоит сказать, что теме доступности нотариальных действий противопоставлена и тема их оплаты. 11 октября 2023 года на 553-м Пленарном заседании Совета Федерации Федерального Собрания остро обсуждался вопрос регулирования федеральных и региональных тарифов, ценз которых варьируется в зависимости от вида нотариального действия. Председатель СФ В. И. Матвиенко подняла вопрос о снижении цен на их совершение, публично возмущившись чрезвычайно завышенной стоимостью нотариальных услуг [3].

По нашему мнению, процесс снижения цен движется очень медленно. Нами выражается уверенность в том, что тарифы на нотариальные услуги должны реально отражать трудозатраты и быть доступными для всех слоев населения, исходя из уровня зарплат.

В ход мыслей об оплате результатов совершения нотариальных действий следует и дискуссия о вхождении цифрового рубля в правовое поле, в частности, по вопросу воздействия его на статус нотариуса. «Нотариус, как лицо, имеющее двойной правовой статус, должен иметь два счета цифровых рублей: один – для личного использования, второй – для профессиональной нотариальной деятельности», – прокомментировал результаты работ в области цифровизации нотариата доцент Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления РАНХиГС Михаил Смирнов [10].

Анализируя позицию ученого, следует отметить проблему, имеющую потенциальные недочеты при запуске цифрового рубля в нотариальной среде: нотариус, предположительно имея два указанных счета, должен будет, с одной стороны, принимать на профессиональный (нотариальный) счет уплату средств как сумму за совершение нотариальных действий, а с другой – фиксировать платеж при исполнении гражданско-правовых сделок сторонами. Это, на наш взгляд, наложит негативный отпечаток на цифровую бюрократизацию действий.

Фокусируя внимание на цифровом рубле и его действии в области нотариата, заметим, что цифровой рубль, являясь инновационным финансовым инструментом, ставит перед нотариатом новые вызовы. К примеру, вопрос о возможности депонирования цифровых активов у нотариуса актуален, однако существующая законодательная база, ориентированная на традиционные денежные средства, требует доработки. Необходимы новые нормативные акты, которые позволят интегрировать цифровые валюты в нотариальную практику.

К слову, скажем об объектах тех правоотношений, что ныне признаются виртуальными. Применительно к отношениям, построенным на основании завещания, с ходом цифровизации документооборота автор А. Е. Канакова в своей работе пишет, что завещание, исполненное в письменной форме, не устраняет вопрос о том, какую форму придать желанию передать наследникам виртуальную вещь; автор задумывается о том, сохраняет ли завещание свою юридиче-

скую силу в отношении цифрового актива, если пароль от аккаунта был изменен после составления завещания, но до смерти завещателя? [6].

Мнение автора стоит признать существенным и имеющим право на законотворческое развитие; мы выражаем позицию, что указать перечисленные автором категории электронной информации – малое дело. Следует куда в большем объеме и формате конкретизировать, какие элементы виртуального пространства необходимы и достаточны для того, чтобы что-либо удостоверить и закрепить как подлинное. Еще важным является «маркер», подтверждающий совершение изменений идентификационных и инициализационных данных для входа, например, в тот же аккаунт: доподлинно неизвестно, было ли такое изменение совершено до или после составления завещания, на что обращает внимание А. Е. Канакова. В подтверждение ее позиции мы указываем на обязательность фиксации изменений данных в сетевом кластере, когда любое техническое действие будет сопряжено со специальной базой и зафиксировано в ней. Однако в этом вопросе назревает и другой, связанный, как ни странно, с обеспечением тайны личности и сообщений, звонков, переписок в целом, о чем прежде уже упоминалось в настоящей научной работе.

И все же проблема правового регулирования наследования виртуального имущества в России остается нерешенной. Отсутствие четких законодательных норм в этой сфере обусловлено ее новизной, однако необходима разработка детального правового механизма, определяющего как объекты наследования в виртуальном пространстве, так и порядок их передачи по наследству. В настоящее время российское законодательство существенно отстает от зарубежных аналогов в решении данной проблемы, в то время, когда, например, в штате Делавэр (США) один из законов гарантирует наследникам или опекунам полный контроль над цифровыми активами умершего или недееспособного лица. Любое доказательство родства или полномочий позволяет получить доступ к учетной записи и распоряжаться имуществом в соответствии с волей наследодателя или решением суда [20].

Наряду с такого рода факторами весьма значимым является вопрос о распространении таких технологий как машинное обучение для создания интеллектуальных систем поддержки принятия решений, генеративные модели и мульти-модальные нейросети. В то же время весьма прагматично задуматься насчет пригодности таких оснащений: способны ли они будут удовлетворить все или наиболее широкий спектр потребностей современного общества? На данный момент это, как ни странно, неизвестно.

Пожалуй, об искусственной составляющей говорить можно сколь угодно долго в силу безграничного потенциала ныне развивающейся цифровой инфраструктуры. Тем не менее нами не раз затрагивалась человеческая составляющая. Не менее актуален вопрос о роли помощников нотариусов в осуществлении нотариальной деятельности. В Совете Федерации на упомянутом Пленарном заседании обращалось внимание на нужду строго отрегулировать статус таких лиц; отмечалось это и председателем СФ, высказавшим опасения относительно профессионализма кадрового состава нотариата.

Вдобавок, толкуя о значимости кадров, автоматизация нотариальных процессов с помощью искусственного интеллекта несет в себе риск сокращения штата нотариусов. По мере того, как машины берут на себя все больше рутинных задач, потребность в человеческом труде в этой сфере будет снижаться. Юристы будущего будут вынуждены осваивать новые навыки, связанные с работой с искусственным интеллектом, чтобы оставаться востребованными на рынке труда.

Несмотря на популярность ныне развиваемых голосовых, правовых и иных виртуальных помощников, видимым является плачевный прогноз насчет того, постигнет ли такое новомодное явление нотариат. Тут можно сказать, что численность кадров в нотариальных органах еще больше снизится.

В общем-то, к сожалению, нечасто наше общество задается вопросом о минусах сокращения кадров, тем паче в условиях замещения «человеческого ресурса нечеловеческими руками».

Однако же определение судьбы нотариата выглядит ясно: в будущем в данную сферу деятельности по-прежнему продолжают вносить изменения, касающиеся цифровой политики внедрения новшеств, а также процессуальных особенностей, процедурных планов регулирования нотариальной деятельности.

Определяются и национально направленные нарративы нотариата: в настоящее время следует тенденция к повышению спроса на нотариальные услуги. Основной спрос действует на классические процедуры. Обычно к такому относят составление документов в следующих сферах: 1) договор купли-продажи; 2) подготовка завещания; 3) получение наследства; 4) оформление доверенности [2].

В этой связи стоит заметить, что нотариальные взаимоотношения, возникающие по вышеобозначенным категориям, также находят в себе цифровое развитие. Помимо удаленности совершения нотариальных действий, сами документы для их совершения, вполне вероятно, найдут свою реализацию в частоте электронной очереди.

Активно прослеживается изменение порядка обращения с документацией самих нотариусов; вносятся новшества в Правила нотариального делопроизводства, регулируется деятельность, связанная с архивированием данных, совершенствуется процесс заключения в базы данных таких сведений.

Как справедливо отмечает Е. Н. Агибалова, в настоящее время цифровизация нотариата – это многогранный процесс, включающий в себя не только разработку масштабных нормативных актов и внедрение новых технологий, но и создание инфраструктуры, обучение персонала, изменение технических процессов и многое другое [1]. Вторя сентенции, стоит отметить, что рассматриваемая сфера деятельности наполнена многими аспектами развития «нотариата в цифре». На текущий момент, равно как и на будущий, можно предугадать направление законодательного внимания на формирование некоторых функций нотариальных органов, которые уже сейчас можно называть «искусственно-интеллектуальными».

Цифровизация нотариата, несомненно, несет в себе множество преимуществ: ускорение процессов, повышение прозрачности, доступность услуг. Од-

нако, как и любая другая масштабная трансформация, она сопряжена с определенными рисками и недостатками.

Де-факто любые централизованные цифровые системы становятся привлекательной мишенью для взломщиков, что может привести к утечке конфиденциальной информации заявителей, подделке документов и другим нарушениям. Следом идет проблема аутентификации: как гарантировать, что именно заявитель, а не иное лицо, подписывает электронный документ? Данный аспект становится особенно актуальным и проблемным при удаленных нотариальных действиях.

Заключение. Таким образом, следует обращать внимание на две ключевые проблемы: (1) проблему несовместности цифровой возможности взаимодействия с нотариатом для отдельных категорий граждан, а также (2) проблему раскрытия персональных данных, над решением которой стоит подумать законодотворцу. Мы определили, что не все люди обладают достаточными цифровыми навыками для самостоятельного использования электронных сервисов нотариата; это создает дополнительную нагрузку на нотариусов и может приводить к ошибкам, равно как и то, что цифровизация может привести к чрезмерной формализации нотариальных действий и снижению гибкости в решении нестандартных ситуаций. «Оцифровка» нотариальной деятельности опережает развитие законодательства в этой области, что создает правовую неопределенность и увеличивает риски судебных разбирательств. Соответственно, следует отыскать панацею от перечисленных проблем обновления законодательства о нотариате в свете цифровизации.

Список литературы

1. Агибалова Е. Н. Развитие института нотариата в современных социально-экономических условиях: традиции и новации // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: сборник докладов XIII Московской юридической недели: в 4-х ч. Ч. 3. Москва, 21–24 ноября 2023 года. М.: Изд. центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 421–424.

2. Брониславский А. Какие услуги чаще всего заказывают у нотариуса // «Нотариус»; Обзор журналистики и блогосферы, жур. «Нет цензуре», 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cenznet.com/2022/10/15/какие-услуги-чаще-всего-заказывают-у-н/> (дата обращения: 07.08.2024).

3. Глава Совфеда Матвиенко возмутилась ценами на услуги нотариусов // Рубрика «Власть», Российская газета, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2023/10/11/glava-sovfeda-matvienko-vozmutilas-cenami-na-uslugi-notariusov.html> (дата обращения: 07.08.2024).

4. Дмитрий Чернышенко назвал самые популярные госуслуги среди граждан в 2023 году // Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», разд. «Государственные и муниципальные услуги». Правительство Российской Федерации, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/49268/> (дата обращения: 07.08.2024).

5. Искусственный интеллект Российской Федерации. Индекс готовности приоритетных отраслей к внедрению искусственного интеллекта // Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации. «Национальный портал в сфере искусственного интеллекта», 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ai.gov.ru/ai/implementation/> (дата обращения: 07.08.2024).

6. Канакова А. Е. Цифровая смерть: наследование цифровой информации // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 130–138.

7. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2024.

8. Корсик: цифровизация значительно повысила возможности нотариата // Лента новостей «Риа новости», 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20230426/tsifrovizatsiya-1867871144.html> (дата обращения: 07.08.2024).

9. Нотариат выступает за ограничение ИИ в сфере консультаций по недвижимости и наследству // Раздел «Публикации», Российское агентство правовой и судебной информации, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rapsinews.ru/digital-law-publication/20230904/309179140.html> (дата обращения: 07.08.2024).

10. Нотариусы готовятся к работе с цифровым рублем и искусственным интеллектом // Раздел «Новости», «Нотариат.рф: средство массовой информации». Федеральная нотариальная палата, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://notariat.ru/ru-ru/remote/> (дата обращения: 07.08.2024).

11. О внесении изменений в статьи 34.3 и 38 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 361-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 31 (ч. 3). – Ст. 5787.

12. О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Проект Федерального закона от 14 августа 2023 г. // ЭПС «Система Гарант» / НПП «Гарант-сервис-университет» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/56967150/> (дата обращения: 07.08.2024).

13. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

14. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Официальное опубликование правовых актов pravo.gov, 2020. Номер опубликования: 0001201910110003 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910110003> (дата обращения: 07.08.2024).

15. Об утверждении Порядка хранения нотариальных документов в электронной форме, электронных образов нотариальных документов, созданных на бумажном носителе, содержащихся в единой информационной системе нотариата, включая технические требования к форматам таких документов, использования усиленной квалифицированной электронной подписи при их хранении и доступа к таким документам: Приказ Министерства юстиции РФ от 14 декабря

2022 г. № 397 (ред. от 28.07.2023, с изм. от 09.08.2023) // Официальное опубликование правовых актов pravo.gov, 2022. Номер опубликования: 0001202212160070 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202212160070> (дата обращения: 07.08.2024).

16. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I (ред. от 08.08.2024) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 357; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1. – Ст. 11; 2018. – № 32. – Ст. 5131.

17. Удаленные нотариальные действия: обращение к нотариусу через интернет // Актуальные материалы, «Нотариат.рф: средство массовой информации». Федеральная нотариальная палата, 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://notariat.ru/ru-ru/remote/> (дата обращения: 07.08.2024).

18. Утверждены новые Правила нотариального делопроизводства // Новости и аналитика, разд. «Общество». Информационно-правовой портал «Гарант.ру», 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/news/1592780/> (дата обращения: 07.08.2024).

19. Федеральный закон, направленный на совершенствование правового регулирования в сфере нотариата, принят в третьем чтении // Раздел «Новости» Министерства Юстиции Российской Федерации, 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50233/> (дата обращения: 07.08.2024).

20. Act to amend title 12 of the Delaware code relating to fiduciary access to digital assets and digital accounts: House Bill, June 30, 2014, № 345 // Oregon State Legislature [Electronic resource]. – URL: <https://digitaldeathguide.com/delaware-enacts-fiduciary-access-to-digital-assets-act/> (дата обращения: 07.08.2024).

Р. Н. Адельшин,

кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия

ПРАВОВОЙ ОБЗОР ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассмотрены критерии обязательства в цифровой среде и сформулированы выводы о возможности выделения свойств обязательства: взаимность, обусловленность, потестативность. Особым звеном выделена секундарность в обязательственных отношениях в цифровой среде.

Ключевые слова: обусловленное исполнение, потестативность, секундарное право, виртуальное обязательство, утилитарное цифровое право, цифровой финансовый актив, производный финансовый инструмент

LEGAL OVERVIEW OF OBLIGATIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. The article criteria for obligation in the digital environment are considered and conclusions are formulated about the possibility of identifying the properties of obligation: reciprocity, conditionality, potestativity. A special element is highlighted in relation to obligations in the digital environment.

Key words: conditional performance, potestativity, second right, virtual obligation, utilitarian digital right, digital financial asset, derivative financial instrument

Введение. Не получила окончательной детерминации «теория договорного права 2.0 в связи с превалирующим жестким оспариванием этого подхода в данной области права, получившего отчасти в доктрине название технотерминализма, апеллируя к этому тезису тем, что это избранный сторонами технологический прием исполнения договорного обязательства» [2. С. 35].

Не решен окончательно вопрос, «является ли возможным применение здесь классических принципов гражданского права к договорным обязательствам в полном объеме и каков адекватный предел их применения» [12]. Полное отсутствие взаимодействия систем права без синергии утилитарности и частного интереса влечет усугубление проблематики в области регулирования работы высокотехнологичных сервисов (совокупностей платформенных технологических решений), к примеру в виде влияния с помощью компьютерного кода на формирование подходов в ценообразовании (антиконкуренции) крупных бизнес-структур по отношению к потребителям, а также возможного недобросовестного использования правового положения информ-посредников в этой сфере посредством ограничения ответственности и прочие.

Основная часть. Неопределенный характер обязательств, уже известный гражданскому праву в срочных сделках с производными финансовыми инструментами (далее – ПФИ) – это «контракт», не имеющий на момент вхождения сторонами в сделку критериев по параметрам цены и ее формирование определяется рыночными критериями (к примеру: спросом и предложением), условиями транзакций и издержек для его исполнения, то есть имеющий стохастические условия. В таких сделках важен параметр срока, на который они заключены. В связи с этим такие сделки получили также название срочные сделки. Такая стохастическая суть таких обязательств явилась в свое время предтечей появлению терминологии, ассоциированной с финансовыми инструментами в этой области, обладающей ярко выраженным межотраслевым характером. Однако появление новых финансовых «генераторов» рыночных конструкций вне централизованного регулирования породило подходы в праве, «экспандирующие» в сторону абстракций и их моделей в виде виртуализированной модели обязательства [4, 8, 10, 13].

В связи с чем, актуальность вопроса, что первично код или договор будет еще долго дискуссионен. Поэтому отмечается, что отличия между «кодом как законом» (code is law) и *lex mercatoria* выражаются в противоречии *ex-ante* самоисполняемых программным кодом жестких правил и взаимосвязью специальных

обычаев и новаторского применения, которые могут быть применены ex-post специализированными судами-арбитражами [14. С. 1]. Конечно, договорное право во многом – это инструмент ex-post регулирования ранее возникших между контрагентами сделочных отношений, по применительно к «смарт» – самоисполнению сделка, являющаяся основанием для возникновения соответствующих обязательств, еще и частноправовой регулятор. При этом для возможного обоснования «виртуальной имущественности» стоит упомянуть «теорию юридических коррелят и юридических противоположностей, заключающуюся в деконструировании правовых отношений до четырех пар: прав требования/обязанностей, привилегий/отсутствия прав, властей/претерпеваний и иммунитетов/неспособностей» [15. С. 710].

Таким образом, очевидно, что такое действие или бездействие (код решает за обе стороны, или как минимум за одну) определяет, когда, по сути, проявится «властная» сущность такого действия/бездействия одной из сторон, и от которых будет зависеть наступление условия по обязательству, т. е. проявится его потестативная сущность. Такую сущность скорее всего потребуется определить очертаниями в праве, применительно к таким обязательственным конструкциям, несмотря на общее отсутствие восприятия в позитивном праве потестативности, отданной на усмотрение судов. Таким образом, условно-исполнимое обязательство благоприятно для «существования» в цифровой реальности, которая является безликой, абстрактной, воспринимающей в качестве референтных точек программный код [1, 3, 9, 10].

В то же время рассматривать смарт-контракт как сугубо форму, «технологический прием» исполнения обязательства не совсем верно. Следует согласиться с тезисом о том, что недопустимо приравнивать смарт-контракт только к специфической форме договора, так как его использование влияет на права и обязанности субъектов соглашения сторон [1. С. 20].

Продолжая тематику прошлых положений настоящей статьи об условности и потестативности, исследуя секундарность, следует упомянуть и дать короткий анализ применения норм о встречности согласно упомянутой ранее ст. 328 ГК РФ с учетом возможности сравнить «диджитал формат» исполнения обязательства и классическую секундарность.

Итак, классическое секундарное право на отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или на одностороннее изменение условий такого обязательства может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы/исполнение обязанности другой стороне обязательства (п. 3 ст. 310 ГК РФ). Что вполне имеет место в «смарт»-исполнении в факультативном варианте исполнения обязательства.

«При рассмотрении секундарных прав, сопутствующих обязательствам, что вполне может иметь место в «цифровом» обязательстве, необходимо четко выделять их автономность и отсутствие какой-либо обязанности, корреспондирующей секундарному праву. Преимущественно, наличие секундарного права является юридическим критерием факультативных обязательств» [5, 6, 11].

Заключение. Стохастическая суть таких обязательств явилась в свое время предисловием появлению терминологии, ассоциированной с финансовыми инструментами в этой области, обладающей ярко выраженным межотраслевым характером.

Отсутствует окончательный ответ на вопрос о правовой природе и структуре обязательства в цифровой среде, нет выработанной методологии и окончательного терминологического аппарата, позволяющего поставить точку в развитии позиции о глобальном регулировании смарт-конструкции обязательства в цифровой среде.

Полное отсутствие взаимодействия систем права без синергии утилитарности и частного интереса влечет усугубление проблематики в области регулирования работы высокотехнологичных сервисов.

Договорное право во многом – это инструмент *ex-post* регулирования ранее возникших между контрагентами сделочных отношений, но применительно к «смарт» – самоисполнению, сделка, являющаяся основанием для возникновения соответствующих обязательств, еще и частноправовой регулятор, определяющий условия, на которых будут сформированы обязательства.

Особым образом выглядят условные детерминанты в виде условности этих обязательств, исполняемых программой в общей конструкции условной сделки и обусловленности обязательств в связи исполнением одной стороной против исполнения противоположной. Первоочередность исполнения встречной обязанности заложена в самой обусловленности.

В «смарт»-исполнении в факультативном варианте исполнения обязательства классическое секундарное право на отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или на одностороннее изменение условий такого обязательства может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы/исполнение обязанности другой стороне обязательства (п. 3 ст. 310 ГК РФ).

Список литературы

1. Ахмедов А. Я., Волос А. А., Волос Е. П. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: монография / под общ. ред. А.А. Волоса. – М.: Проспект, 2021.
2. Богданов Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // *Lex russica*. – 2023. – Т. 76. – № 3. – С. 35.
3. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // *Lex Russica*. – 2019. – №8 (153). – С. 55–56.
4. Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – № 1(110). – Том 15. – С. 83.

5. Захаркина А. В. Понятие факультативного обязательства в истории цивилистической мысли // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 4. – С. 170–176.
6. Карнушин В. Е. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В. П. Камышанского. – М.: Статут, 2016. – 256 с.
7. Коцарь Ю. А. Смарт-контракт как форма исполнения обязательства с обусловленным исполнением // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5. – С. 46.
8. Кулаков В. В. Разумный баланс интересов участников гражданских правоотношений: методологические проблемы интеграции разных типов правопонимания // Методологические проблемы цивилистических исследований/ Сборник научных статей. Ежегодник / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – Вып. 2. – М. Статут. 2017. ISBN: 978-5-8354-1309-6. – С. 11. – 423 с.
9. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32–59.
10. Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. – 2018. – № 9. – С. 118–119.
11. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. – М.: Статут, 2005.
12. Сергеева О.В., Власова Н.В. Договорное право в цифровую эпоху (обзор онлайн-заседания круглого стола) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – № 3. – С. 112–118.
13. Янковский Р. М. Государство и криптовалюты: проблемы регулирования [Электронный ресурс] // Научно-образовательный центр «Право и бизнес» Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. – URL: <http://msu.edu.ru/papers/yankovskiy/blockchain.pdf> (дата обращения 30.06.2024).
14. Hohfeld, W. N. Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning // Yale Law Journal. – 1917. – №8(26). – P. 710–770. URL: <https://doi.org/10.2307/786270>
15. Jünemann M., Milkau U. Can Code Be Law? [Электронный ресурс] // Цифровой бизнес. Право. – URL: <https://digitalbusiness.law/2021/08/can-code-be-law/> (дата обращения: 01.09.2024)
16. Варбанова Г. Правовая природа смарт-контрактов: договор или программный код? // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – №1(4). – С. 1028–1041. URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.44>. EDN: igaziz
17. Ламатпулаге Донн Т. Д. Смарт-контракты в международной торговле: европейские правовые стратегии преодоления трудностей // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – №1(4). – С. 1042–1057. URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.45>. DN: gvbwbi

Д. В. Боул,
старший инспектор,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ УЧАСТИКОВ СИСТЕМЫ БЫСТРЫХ ПЛАТЕЖЕЙ И ИХ КЛИЕНТОВ – ПОТРЕБИТЕЛЕЙ РАСЧЕТНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье автор приходит к выводу о том, что потребители расчетных услуг в рамках системы быстрых платежей в целом совпадают с любыми другими банковскими клиентами, с учетом некоторых особенностей.

Ключевые слова: потребитель, расчетные услуги, система быстрых платежей, платежные услуги, Банк России, клиент, эквайринг

CIVIL LAW RELATIONS BETWEEN PARTICIPANTS OF THE FAST PAYMENT SYSTEM AND CONSUMERS OF SETTLEMENT SERVICES

Abstract. In article conclusion, the author comes to the conclusion that, in terms of its subject composition, the group of consuming participants is as close as possible to the category of any other banking clients.

Key words: consumer, settlement services, fast payment system, payment services, Bank of Russia, client, acquiring

Можно утверждать, что именно потребности клиентов кредитных организаций в совокупности с публичными целями Банка России по защите экономического суверенитета России породили инициативу по созданию СБП после ухода с российского рынка ряда международных платежных систем и компаний. И именно эти факторы продолжают ее уверенное развитие: доля СБП уверенно растет в структуре расчетных услуг российского рынка, и за 2023 год количество и объемы платежей увеличились более чем в два раза, через СБП было проведено 7,2 млрд операций на сумму 31,0 трлн рублей [1].

Но какова структура отношений, возникающих в процессе использования СБП между участниками СБП и их клиентами (которые непосредственно и пользуются расчетными услугами)? Являются ли эти отношения по своей сути аналогичными тем, что возникают в процессе реализации иных банковских услуг и операций?

Для ответа на этот вопрос следует взглянуть на отношения участников СБП и их клиентов в разрезе следующих признаков:

- а) субъект;
- б) объект (цель);
- в) метод и способы регулирования отношений.

Субъекты отношений

Первую часть субъектов рассматриваемой группы составляют кредитные организации – участники ПС Банка России, на которых Правилами ПС Банка

России возложена обязанность обеспечить возможность использования функционала Системы быстрых платежей для собственных клиентов.

Здесь они выступают в статусе исполнителя в процессе оказания банковских услуг (т. е. совершают банковские операции и сделки, перечисленные в статье 5 Закона о банках) и на них в полном объеме распространяются ограничения, установленные применимым законодательством.

Необходимо отметить, что в обязанностях кредитных организаций, оказывающих услуги СБП, имеется определенный нюанс: предоставление возможности использования СБП своим клиентам является для кредитных организаций обязанностью, установленной Положением 732-П и Правилами СБП, но при этом такая обязанность не является публичной в отношении клиента кредитной организации.

Договоры, заключаемые кредитными организациями со своими клиентами при использовании СБП, не отнесены нормами гражданского законодательства к публичным договорам, т. е. формально банки свободны в заключении договоров со своими клиентами при оказании услуг в рамках Системы быстрых платежей. Так, кредитные организации могут отказывать клиентам в заключении договоров на перевод денежных средств с использованием СБП по причине отказа ОПКЦ СБП в регистрации соответствующего клиента или по причине самостоятельно выявленного негативных сведений о клиенте.

Вторую часть участников рассматриваемой группы составляют собственно клиенты кредитных организаций – физические и юридические лица, которые получают расчетные услуги СБП от кредитных организаций, создают спрос на эти услуги и формируют доходы участников ПС Банка России от СБП, оплачивая комиссию за совершение операций.

Понятие «клиент участника СБП» не раскрывается в Положении 732-П, а в Правилах СБП используется в разных значениях. Основной нормой Правил СБП в части обязанности участника СБП предоставлять услуги СБП собственным клиентам является п. 4.1.3. указанных Правил: «...Участник СБП обязан... обеспечить использование СБП клиентами Участника СБП по всем Операциям, реализованным Участником СБП в соответствии с Правилами ОПКЦ СБП и Стандартами ОПКЦ СБП...» [5]. Правила ПС Банка России устанавливают аналогичные обязанности в главе 3 Положения 732-П.

Кроме наличия расчетного счета и использования специального оборудования, программного обеспечения, дополнительных каких-либо специальных требований к клиентам кредитной организации – участнику СБП – Правила ПС Банка России или Правила СБП не предъявляют. В этой связи можно предположить, что требования эти в целом аналогичны требованиям, стандартно применимым к клиентам, принимаемым на расчетное обслуживание.

Однако более детальный анализ показывает, что в качестве особенностей, отличающих клиентов кредитных организаций, использующих расчетные услуги в рамках Системы быстрых платежей, от любых клиентов, использующих другие банковские услуги, можно отметить следующие обстоятельства:

– клиенты кредитных организаций, использующие Систему быстрых платежей для получения денежных средств, всегда будут иметь банковский счет или

счет в органах Федерального казначейства для осуществления расчетов, т. е. такие клиенты будут всегда являться лицами, идентифицированными в личном присутствии по смыслу Закона 115-ФЗ;

– клиенты кредитных организаций – физические лица, осуществляющие перевод денежных средств в пользу других физических лиц, всегда будут иметь платежное приложение и номер мобильного телефона, используемые в качестве способа и идентификатора для совершения операций с использованием Системы быстрых платежей.

Статус клиентов кредитных организаций также имеет несколько особенностей:

1. Клиенты кредитных организаций, использующие функционал Системы быстрых платежей, не имеют прямых отношений с Банком России, АО НСПК или банками-корреспондентами своих обслуживающих кредитных организаций. Соответственно они не имеют никакой категории участия в ПС Банка России и на них прямо не распространяются обязанности, предусмотренные Правилами ПС Банка России для участников СБП.

2. Такая модель организации взаимоотношений в целом скопирована с международных платежных систем и позволяет делегировать права, обязанности и ответственность в отношении конечных потребителей расчетных услуг от оператора соответствующей платежной системы к ее участникам.

Цели (объекты) участников отношений

Однако применительно к Системе быстрых платежей цели клиентов кредитных организаций не ограничиваются только фактом получения услуги, выполненной кредитной организацией надлежащим образом. Существенное значение для клиента имеет размер стоимости услуг, так как императивное ограничение тарифов по операциям, осуществляемым в рамках Системы быстрых платежей, прямо распространяется на тарифы, взимаемые кредитными организациями со своих клиентов.

В отношении операций оплаты товаров, работ, услуг Банк России прямо противопоставляет Систему быстрых платежей аналогичным расчетным механизмам с использованием платежных карт, отмечая «...обычный эквайринг – 3 %; СБП – 0,7 %» [4].

Таким образом, цели клиентов могут быть определены как общие цели клиентов кредитных организаций на получение расчетных услуг, мотивированных низкой стоимостью услуг в рамках Системы быстрых платежей.

Регулирование отношений

Указанные выше цели и состав участников в значительной степени определяют метод регулирования отношений участников потребляющей группы. Метод этот является исключительно частноправовым и построен в основном на договорных связях кредитных организаций и их клиентов.

Однако такое регулирование имеет свои особенности, первой из которых можно указать возможность стандартизации всего договорного регулирования отношений кредитных организаций и их клиентов в рамках СБП через применение к таким договорам правил о публичном договоре.

По своему функциональному назначению и договор эквайринга, и договор об осуществлении расчетов с использованием СБП можно рассматривать как договор об организации расчетов, прежде всего расчетов безналичных. Л. Г. Ефимова, анализируя правовую природу договора эквайринга [2], отмечает, что именно организация безналичных расчетов является основной функцией в договоре эквайринга, а все остальные функции являются второстепенными.

Анализ показывает, что используемые российскими банками договорные конструкции по СБП, имеют схожие формулировки и предмет регулирования с договорами эквайринга [6], а обязательственный комплекс сторон в этих договорах также совпадает по существу.

Заключение. В заключение отметим следующее:

1. По своему составу кредитные организации и их клиенты, потребляющие расчетные услуги с использованием СБП, максимально похожи на любых других банковских клиентов. Небольшой особенностью клиентов участников СБП будет персональная идентификация и наличие банковского счета.

2. Целью вступления физических и юридических лиц в отношения, связанные с переводами в рамках Системы быстрых платежей, является финансовая мотивация, а именно низкая стоимость услуг.

3. Метод регулирования отношений между участниками СБП и их клиентами является исключительно частноправовым и построен в основном на договорных связях кредитных организаций и их клиентов.

Можно отметить, что, за небольшими исключениями, кредитные организации при оказании услуг Системы быстрых платежей не связаны какими-либо правилами о публичности заключаемых договоров либо правилами о способе заключения договоров и используют для оказания услуг договорные конструкции, аналогичные используемым по продуктам эквайринга с использованием платежных карт.

Список литературы

1. Годовой отчет Банка России за 2023 год // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49041/ar_2023.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

2. Ефимова Л. Г. Понятие и правовая природа договора эквайринга // Банковское право. – 2017. – № 4 (дата обращения: 23.08.2024).

3. Защита прав потребителей финансовых услуг / отв. ред. Ю. Б. Фогельсон. – М.: Норма. Инфра-М, 2010. – 368 с.

4. Официальный сайт Системы быстрых платежей // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <https://sbp.nspk.ru/business> (дата обращения: 10.08.2024).

5. Правила оказания операционных услуг и услуг платежного клиринга в СБП. П.117. Версия 8.1. Применяются с 30.06.2024 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nspk.ru>

6. Условия проведения расчетов по операциям, совершенным с использованием платежных карт (ПОС-эквайринг с оборудованием предприятия). – URL: <https://www.vtb.ru/-/media/paris/krupnyj-biznes/rasschety/kartochnye-resheniya/ehkvajring/20220407-usloviya-provedeniya-raschetov.pdf> (дата обращения: 30.08.2024).

Н. Г. Вилкова

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье анализируется цифровизация важнейших документов, которыми оформляется внешнеторговая деятельность: документы отгрузки, платежные документы, документы экспортно-импортной очистки, включая лицензии и таможенное оформление. Принятие деловыми кругами и банками разработанных цифровых документов позволит увеличить их использование в обороте. В статье рассматривается опубликованный в апреле 2024 г. документ «Анализ и рекомендации цифровых стандартов-Интегрированная структура для цифровизации всей цепочки поставок. Ключевые торговые документы и элементы данных», подготовленный созданным в 2020 г. новым подразделением Международной торговой палаты «Инициативы по стандартам цифровой торговли», выделяются стандартизированные документы, которые можно использовать взамен бумажных документов.

Ключевые слова: цифровизация, замена бумажного оборота цифровым и ее значение, оцифровка торговых процессов в цепочке поставок от документов отгрузки до документов оплаты товара, Международная торговая палата, ЮНСИТРАЛ, стандартизированные документы

DIGITIZATION OF FOREIGN TRADE OPERATIONS: RESULTS AND PROSPECTS

Abstract. The article analyzes the digitalization of the most important documents used to formalize foreign trade activities: shipping documents, payment documents, export-import clearance documents, including licenses and customs clearance. The acceptance of the developed digital documents by business circles and banks will increase their use in circulation. The article discusses the April 2024 document “Digital Standards Analysis and Recommendations–An Integrated Framework for Digitalization of the Entire Supply Chain. Key Trade Documents and Data Elements, prepared by the International Chamber of Commerce's new Digital Trade Standards Initiative, created in 2020, highlights standardized documents that could be used to replace paper documents, standardized documents.

Key words: digitalization, replacement of paper with digital and its significance, digitization of trade processes in the supply chain from shipping documents to payment documents for goods, International Chamber of Commerce, UNCITRAL

Введение. Торговля определяется как один из ключевых факторов реализации Целей устойчивого развития до 2030 года. Содействие торговле является важной тенденцией в ее устойчивом развитии и, как ожидается, будет способствовать ускорению роста международной торговли, а также улучшит экономические, экологические и социальные аспекты устойчивого развития. Через цифровизацию документов, используемых в международном товарообороте, процедуры торговли становятся более эффективными.

Трудно в XXI веке представить, что более чем в 90 % данные о торговых операциях и цепочке поставок хранятся в виде бумажных форм (на бумаге или в формате pdf), которые множатся каждый раз, когда товары и услуги пересекают границы, прежде чем попадут к конечному потребителю. Учитывая современные факторы, цифровизация документов, оформляющих многочисленные сделки, реализуемые участниками международного коммерческого оборота, имеет первостепенное значение. Эта работа ведется межправительственными организациями (ООН, ЮНСИТРАЛ и др.), а также неправительственными организациями, среди которых важное место занимает Международная торговая палата (International Chamber of Commerce ICC).

Основная часть. Раздел «Электронная торговля» появился на сайте ЮНСИТРАЛ в 90-е годы XX века. Разрабатываемые ЮНСИТРАЛ документы можно разделить на две группы: первая – международные конвенции, которые утверждаются Генеральной Ассамблеей ООН. К ним относятся Конвенция ЮНСИТРАЛ [1].

Особенностью деятельности ЮНСИТРАЛ является принятие типовых законов, которые впоследствии являются основой принятия государствами национальных законов, что весьма удобно, учитывая рекомендательный характер типовых законов и возможность составителям национальных законов учитывать правила национального законодательства, многие специфические детали, свойственные отдельным правовым системам и особенностям взаимоотношений с другими странами [2–5].

Принятие ЮНСИТРАЛ Типового закона об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг и одобрение ею в 2019 г. Комментариев по основным вопросам, связанным с договорами об облачных вычислениях, создало первую согласованную на глобальном уровне единообразную правовую основу для идентификации физических и юридических лиц в режиме онлайн, а также для обеспечения гарантий качества данных в электронной форме, в том числе в трансграничном контексте» [6].

Большое значение имеет деятельность Международной торговой палаты, МТП (International Chamber of Commerce, ICC) [7]. В частности, ряд упомянутых типовых законов, принятых в рамках ЮНСИТРАЛ, был разработан в сотрудничестве с МТП.

В направлении цифровизации важным событием в деятельности МТП явился запуск в марте 2020 г. новой инициативы. Это не только новая проблематика в практике МТП, но и новая организационная форма деятельности. Ее работа направлена на ускорение развития глобально гармонизированной цифровой торговой среды как ключевого фактора динамичного, устойчивого и инклюзивного роста. Офис этой программы находится в Сингапуре. На открытии программы ICC DSI генеральный секретарь МТП Джон Дентон (John W.H. Denton AO) подчеркнул, что «универсальные стандарты соединят существующие цифровые острова и позволят рыночным силам улучшить качество обслуживания клиентов». Как ведущему и нейтральному голосу в отрасли имело смысл передать этот проект под эгиду ICC. Это позволит ICC DSI возглавить и координировать усилия по разработке стандартов и протоколов для оцифровки торговли. ICC DSI уникален среди инициатив по цифровизации торговли благодаря своему коллективному характеру. Слишком часто цифровизация осуществляется посредством двусторонних соглашений между учреждениями, которые требуют, чтобы их члены работали на одной платформе. Это привело к разрознению данных и индивидуализированным процессам торговли и торгового финансирования [8].

Обосновывая востребованность «Инициативы по стандартам цифровой торговли», МТП подчеркивала, что Цифровизация глобальной торговли и цепочек поставок является приоритетом как для общественности, так и для частного сектора. **Для частного сектора** цифровая торговля является ответом на потребности в эффективности, гибкости и устойчивости цепочки поставок в сочетании с возможностью представления для повышения конкурентоспособности и расширения бизнеса за счет агрегирования структурированных данных и превращения их в идеи и услуги.

Однако, несмотря на высокий приоритет цифровизации в целом, не существует широко принятых моделей цифровизации поставок. Имеется множество индивидуальных инициатив и общепромышленных инициатив. Тем не менее коллективные усилия по изменению климата не привели к прогрессу, который должен был быть возможен, учитывая быстро развивающийся и передовой технологический ландшафт. Поэтому ICC DSI был основан для решения некоторых из этих проблем и работы над цифровизацией трансграничных поставок.

В апреле 2024 г. был опубликован весьма значимый документ: «Анализ и рекомендации цифровых стандартов – Интегрированная структура для цифровизации всей цепочки поставок. Ключевые торговые документы и элементы данных (Digital standards analysis and recommendations – An integrated framework for digitalising the entire supply chain. Key Trade Documents and Data Elements)» (далее – KTDDE) [9]. Этой публикации предшествовали серьезные исследования, результатом которых в марте 2018 г. и в ноябре 2023 г. стали публикации по отдельным торговым документам, вошедшие в документ апреля 2024 г.

Данная публикация стала возможной благодаря ряду факторов, как отмечают составители KTDDE. Значимость данного документа состоит в том, что эта работа иллюстрирует мосты, которые ICC DSI построила между разработкой стандартов организациями, отраслевыми ассоциациями, международным бизнесом, финансовыми структурами и услугами поставщиков по всей цепочке поста-

вок. Интерес представляет подход составителей: 1) цифровизация связана не с разработкой новых или «лучших» технологий, стандартов, а, скорее, с выделением стандартов, которые в значительной степени уже существуют, и представлены в руководстве, как различные торговые документы (и общие данные, которые определяют эти документы), работают вместе во всех отраслях и между всеми игроками; 2) наибольшую ценность приносит сотрудничество между организациями, имеющими значительный объем работы в области цифровой торговли, чьи индивидуальные усилия не были использованы другими, и наоборот; 3) каждый участник – от малого бизнеса до транснациональной корпорации, ежедневно проводящий тысячи транзакций, выиграет от более простых и надежных базовых стандартов для каждой части цепочки поставок, которые затем могли бы стать для него стартовой площадкой для начала (или масштабирования) работы по цифровизации торговли.

За основу был взят список из 39 документов в изданном ВТО ЮНСИТРАЛ и ЭСКАТО «Инструментарии по трансграничной безбумажной торговле». Еще несколько организаций были представлены на протяжении всего творческого процесса, включая ЕЭК ООН/СЕФАКТ ООН, ВТО, GS1 и ИЗО. Для содействия цифровизации всех процессов цепочки поставок, которые представлены ключевыми торговыми документами, ICC DSI создал основу для: 1) оцифровки всех ключевых торговых процессов на всем протяжении цепочки поставок, используя существующие стандарты данных; 2) согласования и совместного использования и защиты элементов данных по мере их перемещения по цепочке поставок; 3) прокладывания пути к принятию «единого источника правды» (данные) в цепочке поставок по финансам, устойчивому развитию или другим секторам для решения различных потребности в услугах по всей цепочке поставок.

В издании 2024 г. проанализировано 36 документов, используемых при поставке товаров, оказании услуг и в других международных контрактах.

Результаты исследования представлены в табл. 1.

Другим критерием, использованным в исследовании, является разделение документов по их целенаправленности и на их основе определение уровня стандартизации, цифровизации и ее внедрения **по четырем разделам документов.**

Первый раздел А «Коммерческие процессы» включает два документа: Заказ на покупку и Счет-фактура – документы, регулирующие отношения продавец-покупатель в рамках их договорных отношений.

Второй раздел В «Транспортные процессы» включает 14 документов, из которых наиболее важными представляются: Товарная накладная, Коносамент, Морская накладная, Авианакладная, Автодорожная накладная – CMR, Документ страхования груза. Эти документы регламентируют отношения продавец – покупатель, отношения стороны, заключающей договор перевозки с перевозчиком, стороны, осуществляющей погрузку товара (не всегда это продавец или его экспедитор), стороны, осуществляющей разгрузку товара, таможенные органы, банки, которым представляются отгрузочные документы, страховая организация в случае страхования товара от коммерческих рисков или от гибели, международный арбитраж или государственный суд, если между продавцом и покупателем возник спор.

Таблица 1

Состояние цифровизации документов цепочки поставок

Стандартизованы	Стандарты существуют, но не совместимы	Ранняя стадия стандартизации
1. Счет-фактура. 2. Коносамент. 3. Морская накладная. 4. Порядок доставки судна. 5. Авианакладная. 6. Манифест морских грузов. 7. Манифест авиагруза. 8. Железнодорожная накладная. 9. Декларация о безопасности отправок. 10. Непреференциальный сертификат происхождения. 11. Таможенная декларация. 12. Официальный сертификат универсальной модели CODEX. 13. Фитосанитарный сертификат. 14. Разрешение/сертификат СИТЕС. 15. Карнет АТА. 16. Книжка МДП. 17. Документ транзитного сопровождения. 18. Административные документы, использованные в системе акцизного контроля движения. 19. Подтверждение оплаты. 20. Переводной вексель. 21. Простой вексель	1. Заказ на поставку. 2. Инструктивное письмо грузоотправителя. 3. Упаковочный лист. 4. Сертификат проверки органических продуктов. 5. Advanced Ruling Application. 6. Аккредитив	1. Дорожная накладная. 2. Документ о страховании груз. 3. Складская квитанция. 4. Международный ветеринарный сертификат. 5. Декларация об опасных грузах. 6. Таможенная гарантия. 7. Лицензия на экспорт/импорт для сельскохозяйственной продукции. 8. Акцизная гарантия. 9. Льготные сертификаты происхождения

Третий раздел С «Пограничные и регуляторные процессы» включает 19 документов, из которых наиболее важными представляются: Лицензия на экспорт/импорт сельскохозяйственной продукции, Таможенная декларация, Международный ветеринарный сертификат, Карнет АТА, Книжка МДП. Эти документы также затрагивают более широкий круг участников, нежели продавец-покупатель.

Четвертый раздел D «Финансовые процессы» включает 4 документа: Аккредитив, Подтверждение оплаты, Вексель, Простой вексель. Эти документы в основном затрагивают отношения продавец – банк и покупатель – банк. Следу-

ет обратить внимание, что Банковской комиссией МТП разработаны электронные версии используемых и российскими участниками международных контрактов, в частности, Унифицированные правила и практика для документарных аккредитивов (ICC Uniform Customs and Practice for Documentary Credits for Electronic Presentation (eUCP) 824 Version 2.0), Унифицированные правила по инкассо (ICC Uniform Rules for Collections. Supplement for Electronic Presentation (eURC) Version 1.0. [10]

По мнению исследователей проблем с документами, оформляемыми в ходе международных торговых операций, имеются дополнительные факторы, требующие дальнейшей разработки:

- **Стандартизация электронной документации.**
- **Законодательное и нормативное обеспечение.**
- **Индустриальная Конвергенция** через взаимодействие отраслей и привлечение ключевых пользователей.
- **Внедрение в мировом масштабе, когда цифровизация преодолевает национальные границы, получая законодательную поддержку.**

Семантика – это направление лингвистики, которое изучает значение слов. Но в маркетинге у семантики другое значение. Это набор ключевых слов и фраз, которые нужны для продвижения сайта. Если правильно ее собрать, высоки шансы получить более высокое место при ранжировании в поисковых системах.

Ключевые торговые документы в цепочке «покупка – доставка – оплата»:

А – Коммерческие процессы

1. Заказ на поставку

Заказ на поставку находится на промежуточном уровне цифровизации (как отмечают авторы – 50 %), как со значительным использованием различных электронных стандартов: ООН/CEFACT, формат UBL, GS1 EDI и ANSI X.12.850. По данным исследователей около 200 000 компаний по всему миру используют стандарты GS1 EANCOM и XML. Вывод: отсутствие единого стандарта требует семантической совместимости для обеспечения согласованности данных, их понимания и обработки, поэтому целесообразна гармонизация различных технических форматов (XML, EDIFACT), использование совместимых моделей данных и упрощение реализации.

2. Коммерческий счет-фактура

Коммерческий счет-фактура находится в средней стадии цифровизации, что означает широкое внедрение платформ электронного выставления счетов и цифровых стандартов во всем мире. Такие платформы, как E-Futura, Factura Electronica и Tradeshift вместе с обширными трансграничными платежами на сети SWIFT, демонстрируют значительное цифровое использование. Хотя используются различные стандарты, такие как СЕФАКТ ООН и ISO/IEC 19845:2015 (UBL), важно понимать, что различия в стандартах часто заключаются в синтаксисе (EDIFACT, XML, X.12, СII и т. д.), а не в семантике. Семантика ISO/IEC 19845 (UBL) во многом идентична или совместима с СЕФАКТ ООН, подчеркивая семантическую совместимость. По мнению исследователей, наличие нескольких стандартов не обязательно препятствует цифровизации при условии, что они сохраняют и продолжат укреплять семантическую совместимость в будущем.

Однако фрагментация рынка в первую очередь из-за несопоставимого применения одного и того же стандарта в различных сетях и странах остается серьезной проблемой в оцифровке коммерческого счета-фактуры. Речь идет о различиях требований национальных законов для электронного выставления счетов, что обусловлено нормативными требованиями, включая различные модели обмена счетами (например, постаудит, оформление и отчетность в режиме реального времени, а также налоговое законодательство). Все это влияет на методы, форматы и темпы внедрения оцифрованного счета-фактуры [11]. Решение проблемы может быть достигнуто путем использования широко известных стандартов ISO 174423 и ISO/IEC 154594.

Б – Транспортные процессы

3. Инструктивное письмо грузоотправителя

Письмо-инструкция грузоотправителя (SLI) или Инструкция по отправке экспортных грузов находится в промежуточной стадии цифровизации. Его использование распространено на практике, но ему не хватает общепризнанного стандарта или формата, особенно по электронной почте в различных форматах (PDF, DOC, обычный текст). Это приводит к изменению уровня внедрения цифровых технологий. Существование стандартов, таких как «Экспедиторы ФИАТА» Инструкции» (FFI) и планов по цифровому согласованию с мультимодальной системой СЕФАКТ ООН, Транспортной эталонной модели данных (MMT-RDM) указывают на движение к цифровизации.

Отсутствие законодательных требований к SLI предполагает, что его принятие и формат в большей степени обусловлены коммерческими потребностями, чем соответствием нормативным требованиям.

Упаковочный лист

Значение Упаковочного листа в отношениях международных сделок по передаче товара (особенно купли-продажи, поставки товаров для реализации договоров строительного подряда) трудно переоценить, поскольку этот документ является решающим при установлении, например, недочеты того или иного элемента поставки.

Упаковочный лист находится на промежуточном уровне цифровизации, в основном используемый в транзакции В2В с различными уровнями внедрения цифровых технологий.

Авторы исследования объясняют это тем, что использование этого документа важно для указанных участников международных сделок именно на стадии реализации контрактов.

Отсутствие конкретных номеров использования и указание на то, что можно использовать любую платформу для обмена данными В2В, предлагает гибкий, но неопределенный уровень внедрения цифровых технологий. Отсутствие частных или публичных правовых требований для документа В2В указывает на его использование больше обусловленное потребностями отрасли, чем соблюдением нормативных требований.

В качестве выводов исследования приводятся следующие рекомендации:

– поощрение более широкого внедрения в отрасли стандартизированных моделей данных, таких как UN/CEFACT BSP-RDM для повышения согласован-

ности и совместимости в транзакциях B2B, а также использование ISO15459 для идентификации содержащихся предметов торговли в упаковочных листах;

– разработка конкретных цифровых платформ, адаптированных к Упаковочному листу, что позволит оптимизировать процессы и улучшить эффективность;

– интеграция с цепочкой поставок Документы, что направлено на улучшение общей эффективности логистики и транспортных процессов.

Морской Коносамент

О значении электронного коносамента свидетельствует тот факт, что еще 29 июня 1990 г. Международным морским комитетом были приняты Правила ММК для электронных коносаментов (CMI Rules for Electronic Bills of Lading) [11].

Хотя прошло 34 года, Коносамент находится на промежуточном уровне цифровизации. Заинтересованные международные организации: Балтийский и международный морской совет – Baltic and International Maritime Council, BIMCO, Ассоциация цифрового контейнерного судоходства – Digital Container Shipping Association (DCSA), Международная федерация экспедиторских ассоциаций – International Federation of Freight forwarders associations, ФИАТА привели свои стандарты в соответствии с ООН/СЕФАКТ и ММТ-RDM. Однако внедрение оцифрованного коносамента ограничено из-за сложившейся деловой практики представления товарораспорядительного документа банкам, контрагентам, использования коносамента при перепродаже товара в пути и также вследствие правовой неопределенности использования коносамента в различных юрисдикциях.

Авианакладная

Авианакладная находится на продвинутой стадии разработки цифровизации (ежегодно оформляется 45 млн авианакладных). Об этом свидетельствует высокий уровень внедрения электронных авианакладных (e-AWB) и продолжающийся переход на стандарт IATA ONE Record. Отраслевая реализация обычно определяется резолюциями и инициативами ИАТА, например, инициатива IATA ONE Record и дальнейшее использование сообщений IATA Cargo-XML демонстрируют приверженность цифровым технологиям стандартизации. Обработка электронных AWB через системы грузового сообщества (CCS) и интеграция электронных AWB в ООН/Справочник СЕФАКТ по мультимодальным перевозкам Модель данных (ММТ-RDM) свидетельствует о расширенном использовании платформы.

14 марта 2024 г. Международная ассоциация воздушного транспорта (ИАТА) объявила о запуске Хартии лидерства в области цифровизации. ИАТА озадачена ускорением процесса цифровизации отрасли авиаперевозок. С этой целью в Хартии изложены Руководящие принципы цифрового лидерства: разработка единой и совместной цифровой стратегии, повышение организационной устойчивости, стремление к устойчивой цифровизации, этичное использование новых технологий [12].

Железнодорожная накладная ЦИМ (CIM)

Железнодорожная накладная находится на промежуточном этапе цифровизации. Хотя документ обеспечивает правовую основу для электронного приме-

чания, но это редко используется в международном железнодорожном транспорте. Руководство СИМ по ж/д накладной рекомендует как бумажные, так и электронные заметки. Поэтому авторы предлагают оптимизировать имеющиеся стандарты Межправительственной организации по международным железнодорожным перевозкам – OTIF, в которую входит 47 государств, включая Российскую Федерацию.

Автодорожная накладная CMR

20 февраля 2008 г. принят Дополнительный протокол к Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ), касающийся электронной накладной [13].

Как отмечают авторы исследования, Центр ООН по Упрощению Процедур Торговли и Электронным Деловым Операциям (СЕФАКТ ООН) разработал бизнес-требования спецификации, основной компонент e-CMR структура сообщения и XML-сообщение стандарт. По их мнению, увеличение внедрения цифровых технологий может быть реализовано через гармонизированные правила для обмена данными с государственными органами и посредством стандартизированной цифровой записи передачи грузов.

Документ страхования груза (страховой полис)

Документы по страхованию грузов находятся на ранней стадии цифровизации. Они выпускаются различными страховыми организациями по всему миру в формате PDF или бумажном формате, действующих на основании национальных законов. Международные конвенции или иные документы в сфере страхования отсутствуют, что тормозит цифровизацию.

Однако эти документы не получили широкого распространения. В 2022 г. был принят стандарт для структурированных страховых данных, впервые предложенный Ассоциацией данных по страхованию грузов (CIDA).

Предложения авторов исследования включают разработку специализированных платформ для страхования грузов, продвижение стандартов структурированных данных, более широкое использование стандарта данных CIDA.

Нами приведены наиболее актуальные разделы международного товарооборота с точки зрения его цифровизации. С иными разделами и рекомендациями составителей документа читатель может ознакомиться на сайте ICC [9].

Заключение. Таким образом, можно констатировать не только интерес международного сообщества к цифровизации документов, оформляемых в международной торговле, но и разработку Международной торговой палатой интереснейшего документа, который может быть использован отечественными участниками внешнеэкономической деятельности, а также организациями, занимающимися вопросами цифровизации внешнеторговых и иных документов.

Список литературы

1. Конвенция ЮНСИТРАЛ об использовании электронных сообщений в международных договорах принята в 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/conventions/electronic_communications (дата обращения: 29.08.2024).

2. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг принят в 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://uncitral.un.org/ru/mlit> (дата обращения: 29.09.2024).

3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг (2022г.) [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records (дата обращения: 29.08.2024).

4. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (2001 г.) https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures [Электронный ресурс]. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures (дата обращения: 29.08. 2024).

5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996 г. с доп ст. 5bis в 1998г.) [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (дата обращения: 29.08.2024).

6. Комментарии ЮНСИТРАЛ по основным вопросам, связанным с договорами об облачных вычислениях создало первую согласованную на глобальном уровне единообразную правовую основу для идентификации физических и юридических лиц в режиме онлайн, а также для обеспечения гарантий качества данных в электронной форме, в том числе в трансграничном контексте 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/19-09105_r.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

7. Вилкова Н. Г. Цифровые технологии и исполнение международного контракта // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой: в 6 т. Т. 5. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – С.133–140. EDN: BVPNNQ. DOI: [http:// dx.doi.org/10.21202978-5-8399-0818-5_5_380](http://dx.doi.org/10.21202978-5-8399-0818-5_5_380)

8. Инициатива по стандартам цифровой торговли (ICC Digital Standard Initiative, DSI) [Электронный ресурс]. – URL: <https://iccwbo.org/news-publications/news/digital-trade-standards-initiative-launches-under-the-umbrella-of-icc/> (дата обращения 29.08.2024).

9. Интегрированная структура для цифровизации всей цепочки поставок. Ключевые торговые документы и элементы данных (Digital standards analysis and recommendations – An integrated framework for digitalising the entire supply chain. Key Trade Documents and Data Elements» (далее: KTDDE) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dsi.iccwbo.org/files/ugd/8e49a6_9f8444133fc64fc9b59fc2eaaca2888e.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

10. Унифицированные правила и практика для документарных аккредитивов (ICC Uniform Customs and Practice for Documentary Credits for Electronic Presentation (eUCP) 824 Version 2.0), Унифицированные правила по инкассо (ICC Uniform Rules for Collections. Supplement for Electronic Presentation (eURC) Version 1.0. [Электронный ресурс]. – URL: <https://2go.iccwbo.org/explore-our-products/free-downloads/banking-finance.html> (дата обращения 30.08.2024).

11. Комментарий к Инкотермс 2010: понимание и практическое применение, Приложение 2. Публикация ICC № 720 / Ян Рамберг, пер с англ. Н. Г. Вилковой. – М. Инфотропик Медиа. 2011. – URL: <https://comitemaritime.org/work/rules-for-electronic-billing-of-lading/> (дата обращения: 01.09.2024).

12. Хартия лидерства в области цифровизации IATA [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iata.org/en/pressroom/2024-releases/2024-03-14-01/> (дата обращения 02.09.2024).

13. Дополнительный протокол к Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ), касающийся электронной накладной [Электронный ресурс]. – URL: <https://unece.org/DAM/trans/conventn/e-CMRr.pdf> (дата обращения 02.09.2024).

З. У. Гасанов,

кандидат юридических наук, доцент,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

Аннотация. В статье анализируются перспективы передачи цифровых финансовых активов по наследству. Рассматривается процесс перехода цифровых прав в рамках наследственных процедур. Подчеркивается важность создания единой информационной системы, объединяющей нотариуса, управляющего процессом наследования, и операторов, занимающихся выпуском цифровых финансовых активов. Нотариус, будучи участником этой системы, получает необходимые полномочия после открытия наследства. Впоследствии наследник, основываясь на свидетельстве о праве на наследство, полученном у нотариуса, приобретает возможность распоряжаться этими цифровыми финансовыми активами.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, наследование, наследство, процедура наследования, нотариус, наследодатель, наследник, банковская ячейка, электронный кошелек

INHERITANCE OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Abstract. The article analyzes the prospects for the transfer of digital financial assets by inheritance. The process of transferring digital rights within the framework of inheritance procedures is being considered. The importance of creating a unified information system that unites the notary who manages the inheritance process and the operators involved in the issuance of digital financial assets is emphasized. The notary, being a participant in this system, receives the necessary powers after opening the inheritance. Subsequently, the heir, based on the certificate of inheritance obtained from a notary, acquires the ability to dispose of these digital financial assets.

Key words: digital financial assets, inheritance, inheritance, inheritance procedure, notary, testator, heir, safe deposit box, electronic wallet

Введение. В современных условиях в научной среде вопросам о наследовании посвящены немало важных научных трудов, в частности, вопрос об уни-

версальном правопреемстве, процедуре перехода имущественных, личных неимущественных прав и др. [3; 4]

По нашему мнению, вопросу о процедуре перехода цифровых прав посвящено не так много научных работ, так как явление цифровых прав является достаточно новым для российской науки и общества и требует не только тщательного исследования, но и законодательного закрепления.

Первая криптовалюта под названием Bitcoin или «биткойн» появилась в 2008 г. Однако в России Bitcoin появился в 2009 году вместе с выпуском первой версии программного обеспечения. Со временем Bitcoin в России получил большую популяризацию, как и во многих других странах, спрос на него значительно возрос. Bitcoin стал средством выполнения различных операций, таких как покупка товаров и услуг, инвестирование и отправка денег и др. В России регулирование и отношение к Bitcoin прошло через ряд изменений и дебатов. В начале 2014 года Банк России опубликовал предупреждение о рисках использования криптовалют, включая Bitcoin, и произнес, что они не являются законным средством платежа в России. В 2017 году был предложен проект закона, который должен был запретить использование криптовалют в России, однако этот законопроект не стал полностью реализован [1. С. 18–22; 10].

В последние годы интерес к криптовалютам в России значительно увеличился. Все больше людей и компаний используют и инвестируют в криптовалюты. В связи с этим важно иметь эффективное и прозрачное регулирование, которое будет обеспечивать безопасность и защиту интересов участников рынка.

Банк России активно работает над разработкой регулирующего криптовалюты законодательства. Одними из основных задач банка являются обеспечение финансовой стабильности и защита прав потребителей. Банк продолжает исследования по вопросам эмиссии, регулирования и надзора над криптовалютами, сфере блокчейн-технологий и цифровых финансовых активов. Блокчейн-технология имеет потенциал изменить различные сферы жизни, включая финансы, логистику, медицину и многое другое. Она обеспечивает прозрачность, безопасность и децентрализацию. Россия активно исследует применение блокчейна в различных отраслях и регулирование обращения криптовалют является неотъемлемой частью этого процесса.

На практике нет единого подхода к регулированию криптовалют и операций с ними [13]. В Сальвадоре и Центральноафриканской Республике на биткойн распространены статус платежного средства [14]. В ряде стран оборот криптовалют не регламентируется действующим законодательством [16]. Европейский союз в течение последних пяти лет активно прорабатывал этот вопрос [9], как результат в 2024 г. вступит в силу документ, направленный на регулирование рынков криптоактивов, Regulation on Markets in Crypto-Assets (MiCA Regulation) [12].

Это создает основу для стабильного и устойчивого развития рынка криптовалют в России. Однако регулирование криптовалют все еще является процессом, который требует дальнейшего совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям и технологиям.

Развитие выпуска криптовалюты в теневом секторе экономики лишает другие экономические субъекты, в первую очередь государство, некоторых воз-

можностей. Как и в любой сфере, связанной с финансами, существует риск мошенничества и незаконной деятельности в сфере криптовалют. Хорошо разработанное и эффективное регулирование помогает снизить риски и обеспечить защиту для пользователей криптовалют. Необходимость защиты от мошенничества и противодействия незаконной деятельности обусловлена тем, что криптовалюты могут быть использованы для мошенничества, отмывания денег и финансирования терроризма. Грамотное правовое регулирование обращения криптовалют помогает предотвратить такую незаконную деятельность и обеспечить безопасность пользователей.

В России также разрабатывается законодательство относительно налогообложения операций с криптовалютами. Действующими правилами установлена обязанность налогового учета при совершении сделок с криптовалютами и уплате соответствующих налогов [5]. Следует отметить, что оборотоспособность криптовалюты в сфере налогового учета и уплаты соответствующих налогов являются предметом дискуссий и требуют дополнительного правового регулирования [7. С. 36–40].

Шайдуллина рассматривает несколько сценариев правового регулирования оборота криптовалют в РФ, где особое внимание уделяется формированию фундаментальных основ законодательства [8. С. 90–94]. Егорова и Белицкая предлагают признать майнинг видом предпринимательской деятельности для целей налогообложения [2. С. 129–136]. Также отвергается идея признания криптовалюты бездокументарной ценной бумагой ввиду отсутствия характерных для данного актива эмиссионных этапов.

Законом предусматривается возможность для регулирования и надзора за криптовалютным рынком в стране, поощряется развитие цифровой экономики и внедрение инновационных решений. Таким образом, Bitcoin присутствует и используется в России, но регулирование обращения криптовалют, включая Bitcoin, продолжает развиваться и совершенствоваться.

Тогда как криптовалюта имеет ряд преимуществ перед другими платежными способами, такие как: децентрализованность, конфиденциальность, безопасность и прозрачность системы пользователей, быстрый срок выполнения платежей – все это позволяет бороться с существующими несовершенствами банковской системы.

Необходимо отметить, что Россия лидирует в мире по доле теневых криптовалютных операций [7. С. 67–71]. Глобальный подход к регулированию криптовалют поможет избежать «серой» зоны обращения криптовалют.

Криптовалюты основаны на технологии блокчейн, которая представляет собой распределенный реестр, где все транзакции записываются и хранятся в виде блоков.

Заключение. По-нашему мнению, при признании цифровых финансовых активов объектами гражданских прав как любое другое имущество, оно может наследоваться. После смерти гражданина-наследодателя нотариус устанавливает круг лиц, призываемых к наследованию. При наследовании цифровых финансовых активов у нотариусов могут возникнуть проблемы при установлении персонализации. Данная схема упрощает процедуру открытия и принятия цифровых

финансовых активов в порядке наследования, и тем самым устанавливается законный оборот цифровых финансовых активов, иначе о ее легальности – уменьшается теневой оборот.

Список литературы

1. Абрамова Е. Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. 2019. № 3. С.18–22.
2. Егорова М. А., Белицкая А. В. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № (4). С.129–136.
3. Мейер Д. И. Русское гражданское право // СПС «КонсультантПлюс. Классика Российской цивилистики» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/online/base> (дата обращения: 05.09.2024).
4. Мейер Д. И. Русское гражданское право: курс лекций. – 5-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2023. 846 с.
5. Письмо Минфина от 26.09.2019 № 03-04-05/74126, от 20.08.2019 № 03-04-05/63704, от 28.12.2021 № 03-04-05/107093.
6. Токарев С. И. Налогообложение цифровых валют (криптовалют) в условиях отсутствия специального правового регулирования (правового вакуума) // Финансовое право. – 2020. – № 9. – С. 36–40.
7. Ушаков А. Ю., Поздышев Р. С. О правовой регламентации и рисках криптоэкономики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2. С. 67– 71.
8. Шайдуллина В. Н. Правовое регулирование оборота криптовалюты в Российской Федерации: мнение экспертного сообщества // Теория и практика общественного развития. 2019. № 4(134). С. 90–94.
9. Wronka C. Crypto-asset activities and markets in the European Union: issues, challenges and considerations for regulation, supervision and oversight // Journal of Banking Regulation. 2023. DOI: 10.1057/s41261-023-00217-8.
10. Cryptocurrency regulations by country // Thomson Reuters. – 2022. – URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/wp-content/uploads/sites/20/2022/04/Cryptos-Report-Compendium-2022.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).
11. Cambridge Bitcoin Electricity Consumption Index // Cambridge Centre for Alternative Finance. – URL: https://ccaf.io/cbnsi/cbeci/mining_map (дата обращения: 01.06.2024).
12. Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) // ESMA. – 2023. – URL: <https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/markets-crypto-assets-regulation-mica> (дата обращения: 29.05.2024).
13. «Как регулировать майнинг в России?» // ЦСР. – 2022. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/fe5/is5zwlpf79vf70lrdep9ol7xjck2jiz.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).
14. Первая страна Старого Света узаконила биткойн как платежное средство // РБК. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/62694a859a79470d31cdd903> (дата обращения: 03.06.2024).

15. Deutsches Burgerliches Gesetzbuch mitEinführungsgesetz: Introduction. law to Civ. regulation / Per. with it.; scientific editor A. L. Makovsky (and others). – М.: Wolters Kluver, 2022. – 816 p.

16. Kosarev I. E. The right of limited use of another's real estate (Eases) // Jurisprudence. – 2022. – № 3. – Pp. 99–109.

Д. А. Дудкин,
старший преподаватель,
Академия управления МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОКАЗАНИЯ ДЕТЕКТИВНЫХ (СЫСКНЫХ) УСЛУГ: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье исследуется цивилистический подход применения цифровых технологий в процессе оказания детективных (сыскных) услуг, делаются соответствующие выводы и предложения.

Ключевые слова: детективная (сыскная) деятельность, детективные (сыскные) услуги, договор оказания детективных услуг

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS PROVIDING DETECTIVE (DETECTIVE) SERVICES: A CIVIL APPROACH

Abstract. The article examines the civil approach of using digital technologies in the process of providing detective services, and draws conclusions and suggestions.

Keywords: detective (detective) activity, detective (detective) services, contract for the provision of detective services

Вопросы сущности услуг и их нормативного регулирования давно обсуждаются в рамках дискуссий цивилистов, тем не менее до сих пор не существует единого легального или доктринального определения понятия «услуга» и его признаков [1–5].

Обратим внимание на ключевые аспекты, касающиеся понимания и анализа договора оказания услуг. Рассмотрим основные моменты более детально.

Цель договора. Важно подчеркнуть, что цель, ради которой заключаются договора, служит основным критерием для их классификации [6. С. 92]. В случае договора оказания услуг основной идеей является достижение определенного положительного результата, что подчеркивает динамический характер этого вида обязательств.

Правовое значение цели. Несмотря на наличие множества исследований, посвященных различным аспектам целей в праве [7. С. 13], сам вопрос о правовом значении цели часто остается за пределами научного обсуждения [8]. Это

важно для дальнейшего понимания того, как цель может влиять на толкование условий договора и правовые последствия его исполнения.

Цивилистическое толкование. Для определения понятия «услуга» и других связанных с ним терминов важно применять цивилистический подход. Это включает как лексический, так и юридический анализ, что позволяет не только рассмотреть термины с точки зрения языка, но и понять их юридическую природу. Задача состоит в том, чтобы четко определить, что подразумевается под «оказанием» и «услугой» [9]. Это требует анализа существующих юридических норм, комментариев и судебной практики для формирования ясного и практического понимания.

Предложенный подход показывает важность комплексного анализа в области договорного регулирования и может служить основой для более глубокого исследования в данной области [10].

Термин «услуга» в гражданском законодательстве имеет большое значение и может рассматриваться в различных контекстах. Применительно к гражданским правоотношениям определим правовую суть «услуги» в узком и широком смыслах [3].

Узкое понимание услуги. В этом контексте услуга определяется как вид гражданских правоотношений, который характеризуется тем, что одной стороной (исполнителем) осуществляется определенное действие в интересах другой стороны (заказчика) на возмездной основе. Услуги могут быть как материальными (например, ремонт автомобилей), так и нематериальными (например, юридические консультации). Важно отметить, что услуга, как правило, не приводит к созданию нового физического объекта, а проявляется в форме действий, которые удовлетворяют потребности заказчика.

Широкое понимание услуги. В этом смысле услуга рассматривается как более обширное понятие, которое включает в себя не только действия исполнителя, но и результаты этих действий, а также правовые отношения, возникающие в процессе оказания услуг. Это может включать в себя такие аспекты, как гарантия качества услуги, ответственность сторон за ненадлежащее выполнение обязательств и правовые механизмы защиты потребителей.

Так как термин «оказание услуг» в гражданском законодательстве не имеет единого легального определения, это порождает необходимость его анализа в контексте общих правовых норм ГК РФ (ст. 779). Оказание услуг понимается как действия, направленные на помощь или извлечение пользы для другого лица, что подчеркивает его двусторонний характер: одна сторона выступает в роли заказчика, а другая – исполнителя [3].

В рамках гражданского законодательства услуги рассматриваются как разновидность обязательств, где всегда предполагается наличие двух сторон – исполнителя и заказчика. Гражданский кодекс РФ в ст. 779 указывает на участников таких отношений, однако не дает исчерпывающего определения «услуги». На практике термин «оказание услуг» часто используется в связи с защитой прав потребителей, где ключевые характеристики услуг, такие как договорный характер, безопасность и соответствие определенным требованиям, играют важную роль [3; 11–16].

Таким образом, оказание услуг – это многоаспектное понятие, охватывающее как юридические, так и практические моменты, что требует учета как нормативных, так и практических положений для его правильного понимания и применения.

Заключение. Подводя итоги, можно утверждать, что установленные квалифицирующие признаки помогают четко определить специфику и особенности услуг, предлагаемых детективами, что позволяет отличить их от других видов услуг, таких как консалтинг, простая юридическая помощь или другие профессиональные услуги. Данная дифференциация особенно важна для обеспечения правовой защиты заказчиков и установления стандартов качества в данной сфере.

Список литературы

1. Закон РФ от 11 марта 1992г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. – № 100. – 30.04.1992.
2. Шаронов С. А. Сходства, различия и проблемы договорного регулирования частной охранной и частной детективной деятельности на современном этапе развития гражданского оборота // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 300.
3. Дудкин Д. А. Цифровая трансформация оказания детективных (сыскных) услуг как предмета договора // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции / под ред. И. Р. Бегишева [и др.]. В 6 т. Т. 5. – Казань: Познание, 2023. – С. 160–164.
4. Левушкин А. Н. Интервью с доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина Левушкиным Анатолием Николаевичем // Право и экономика. – 2023. – № 8(426). – С. 9.
5. Вольвач Я. В. Правовые подходы к пониманию цели (causa) как существенного системообразующего признака, присущего категории услуг // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 4. С. 21–31.
6. Батлер Е. А. Непоименованные договоры. – М.: Экзамен, 2008.
7. Мызникова Е. А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ. – Краснодар, 2011.
8. Керимов Д. А. Категория цели в советском праве // Изв. вузов. Правоведение. 1964. № 3. С. 12–18; Филиппова С. Ю. Классификация правовых целей (в контексте частно-правового исследования) // Вестник пермского университета. Гражданско-правовые науки. – 2010. – Вып. 4 (10). – С. 21–27.
9. Васильева А. А. «Гонорар успеха» в договоре возмездного оказания юридических услуг // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 3. – С. 57–63.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989.
11. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

12. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» // Вестник ВАС РФ. – № 11. – 1999.

13. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 11 августа 2020 г. по делу № А32-42597/2019 (документ не опубликован) // СПС «Консультант Плюс».

14. Дудкин Д. А. Правовая природа оказания детективных услуг // Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы: сб. статей Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2022.

15. Бабайцева Е. А. Оказание услуг как объект предпринимательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – № 4(45). – С. 277.

16. Детективное агентство «Возможно все» в г. Челябинск. – URL: <https://detectivexpert.ru> (дата обращения: 20.08.2024); Детективное агентство «Просто правда» в г. Челябинск. – URL: <https://prosto-pravda.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

Ю. В. Ершова,

кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Оренбургский институт (филиал)

Т. С. Ляпкина,

магистрант,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Оренбургский институт (филиал)

ОСОБЕННОСТИ ЭМИССИИ АКЦИЙ В ВИДЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ ПРИ УЧРЕЖДЕНИИ НЕПУБЛИЧНОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Акционерные права, удостоверенные ЦФА, их объем устанавливаются решением о выпуске и представляют собой цифровые права, относящиеся к категории имущественных прав. Данные права не являются новым видом прав, а вся особенность содержится именно в способе фиксации – на базе блокчейна. Эмиссия акций в виде ЦФА имеет ряд особенностей.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые финансовые активы, уставной капитал, цифровая корпорация, непубличное акционерное общество, блокчейн, корпоративные права, смарт-контракт

SPECIFICS OF THE ISSUE OF DIGITAL FINANCIAL ASSET SHARES UPON NON-PUBLIC JOINT-STOCK COMPANY IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The shareholder rights certified by the DFA and their scope are established by the resolution on issue and represent digital rights belonging to the category of property rights. These rights are not a new type of rights, and the whole peculiarity is contained in the method of fixation – on the basis of blockchain. The issuance of shares in the form of DFAs has a number of peculiarities.

Keywords: digitalisation, digital financial assets, share capital, digital corporation, non-public joint stock company, blockchain, corporate rights, smart contract

Введение. Цифровизация, столь обширно исследуемая в настоящее время, проникает активно и во множество корпоративных отношений [3. С. 164]. Формирование уставного капитала корпорации, о котором неоднократно говорилось в научной литературе [9], возможно посредством использования конструкции цифрового финансового актива.

Современные исследования уже вводят термин «цифровая корпорация» [4], под которой понимают децентрализованные автономные организации (далее – DAO), договорные гибридные структуры. DAO могут иметь юридический статус, а могут и не обладать им, сочетая принципы генеральных соглашений и технологии блокчейна [12. С. 261]. Их ключевой особенностью является отсутствие традиционного управления: сделки заключаются через смарт-контракты, а система управления автоматизирована, что минимизирует функции участника корпорации [5. С. 32–36]. Для цифровых корпораций смарт-контракты дают возможность автоматизировать выполнение договоров, финансовых расчетов и других бизнес-процессов без необходимости участия посредников. Это сокращает затраты и время на проведение операций. Так, цифровые технологии способствуют более гибкому управлению активами и операциями, автоматизации процессов.

Основная часть. В российской правовой системе конструкция цифровых финансовых активов нашла свое законодательное закрепление благодаря Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). Блокчейн выступает основной технологией для создания и обращения ЦФА. Благодаря распределенной структуре блокчейна участники сети имеют доступ к информации о состоянии активов.

Непубличное акционерное общество (далее – НПАО) изначально выпускает акции исключительно в виде ЦФА, законодатель запрещает таким обществам переходить к выпуску традиционных акций. Это существенно отличает НПАО от DAO [6].

Акционерные права, удостоверенные ЦФА, их вид и объем, определяются решением об их эмиссии и представляют собой цифровые права, относящиеся к категории имущественных прав [10].

Следует обратить внимание, что использование записей в информационной системе на базе распределенного реестра для фиксации участия лица в

уставном капитале не порождает новых прав, ранее не предусмотренных российским правом. Однако выпуск акций в форме ЦФА существенно увеличивает скорость их оборота [10]. Так технология блокчейна предоставляет прозрачность, безопасность и автоматизацию операций с ЦФА. Это открывает новые перспективы для финансовых рынков, позволяя цифровым финансовым активам быть более ликвидными и доступными в глобальной экономике.

Выпуск, учет и обращение ЦФА осуществляются в соответствии с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (далее – Закон о рынке ценных бумаг) с учетом ряда особенностей, закрепленных п. 1 ст. 25 Закона об АО и ч. 3 ст. 13 Закона о ЦФА.

НПАО, выпускающим акции в форме ЦФА, запрещено приобретать публичный статус, осуществлять выпуск эмиссионных ценных бумаг, за исключением акций в виде ЦФА, а также проводить конвертацию акций, выпущенных в ЦФА, в иные акции НПАО, даже в случае реорганизации [10].

Для возможности выпуска акций в виде ЦФА это должно быть изначально закреплено в уставе НПАО. Устав обязан предусматривать ведение учета акций в форме ЦФА в информационной системе (ИС) [10].

Решение о выпуске акций в виде ЦФА должно предусматривать их учет в ИС, на платформе которой они выпускаются, содержать сведения о рисках, связанных с приобретением таких акций [10; 12].

Банк России наделен правом устанавливать дополнительные требования к содержанию данного решения. Так, Банк России является регулятором ЦФА, осуществляющим надзорные функции.

При этом, как отмечает Банк России, выпуск акций, удостоверяющих право участия в капитале НПАО, аналогично выпуску традиционных акций, проходит регистрацию до момента регистрации акционерного общества в качестве юридического лица [1].

Данное решение подлежит размещению на сайте указанного лица, а также на сайте оператора информационной системы (далее – ОИС), в которой осуществляется выпуск акций. Оно должно быть доступно в открытом доступе до полного исполнения обязательств перед всеми держателями ЦФА. Регистрация выпуска ЦФА возможна только через оператора, который ведет ИС для работы с ЦФА. Для выпуска и размещения акций в форме ЦФА оператор открывает номинальный счет, где эмитент выступает бенефициаром.

Банк России имеет право запрашивать у эмитента цифровых финансовых активов или у оператора информационной системы сведения о бенефициаре. Также важно отметить, что корпорации, выпустившие акции в форме ЦФА, лишены возможности публичной продажи акций АО неограниченному кругу лиц (IPO). Однако в настоящее время создание таких компаний осложнено противоречиями между Законом о ЦФА и другими нормативными актами, в том числе такими, как Закон об АО и Закон о рынке ценных бумаг [7].

Теоретически, данный вид ЦФА может оказаться удобным инструментом для формирования компаний специального назначения, или «проектных компаний» – SPV (от англ. special purpose vehicle), предназначенных для реализации крупных проектов, требующих значительных объемов финансирования. В такой

ситуации доля каждого участника SPV будет определяться количеством принадлежащих ему ЦФА. Благодаря смарт-контрактам, на которых основаны цифровые финансовые активы, в будущем можно будет автоматически предусмотреть механизмы распределения прибыли, выход участников из проекта, а также реализовать функции корпоративного управления и принятия решений акционерами дистанционно.

В связи с непубличным статусом акционерных обществ сложно предоставить точную статистику по данному виду ЦФА. Однако можно предположить, что непубличное акционерное общество «Управляющая компания инновационного научно-технологического центра «Аэрокосмическая инновационная долина» (ИНН: 6234202719; ОГРН: 1236200000981,) может проявить интерес к выпуску акций в форме ЦФА.

Заключение. Таким образом, капитал данного общества представлен исключительно цифровыми правами, которые включают права участия в уставном капитале НПАО. Цифровое право участия в капитале акционерного общества возникает у его первоначального держателя с момента внесения записи о зачислении ЦФА. Это не просто право на право, а самостоятельный объект гражданского права, адаптированный для оборота в информационной системе [1].

Акционерами НПАО, выпускающего акции в форме ЦФА, являются обладатели цифровых прав. Эти лица включены в реестр пользователей информационной системы и имеют доступ к системе через уникальный код. Этот код позволяет владельцу права участия в капитале НПАО получать информацию и управлять активом через систему. Так система позволяет передавать права на ЦФА между участниками через транзакции в блокчейне, обеспечивая безопасный и быстрый обмен активами без необходимости участия посредников.

Основные характеристики акций, удостоверяющих ЦФА, заключаются в следующем:

- токенизация акций (процесс перевода их в цифровую форму);
- юридическое удостоверение прав в рамках ИС оператора, который подотчетен ЦБ РФ;
- регулятивный контроль ЦБ РФ.

Список литературы

1. Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. – 432с.
2. Глазунов Д., Ушаков О. О цифровых финансовых активах [Электронный ресурс]. URL: https://LegalAlert_Ф3оЦифровыхфинансовыхактивах_03082020r.docx.pdf (epam.ru) (дата обращения: 17.08.2024).
3. Ершова Ю. В. О начале правового регулирования цифровой экономики // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. В 6 т., Казань, 22 сентября 2023 года. – Казань: Издательство «Познание», 2023. – С. 164–170.
4. Карцхия А. А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. – 2020. – № 4.

5. Олейник Е. В. Цифровизация корпоративного права: современные тенденции // Гражданское право. – 2023. – № 4.
6. Олейник Е. В., Шевченко О. М. Понятие и правовое регулирование цифровых корпораций // Предпринимательское право. – 2023. – № 2.
7. Предложения по развитию регулирования сферы цифровых финансовых активов // Совет ТПП РФ по финансово-промышленной и инвестиционной политике. – М. Апрель, 2024.
8. Стройкина Ю. В. Имущественная обособленность как конструктивный признак коммерческой организации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Оренбург, 2002. – 175 с.
9. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Волгоград, 2022. – 211 с.
10. Чеховская С. А. Искусственный интеллект в корпоративном управлении: основные направления и риски использования // Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / отв. ред. О. В. Гутников. – М., 2021.
11. Чеховская С. А. Модель корпоративного права для цифровых корпораций // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2019. № 4 (35).
12. Ярутин Я. К., Гуляева Е. Е. Международное и российское правовое регулирование оборота криптоактивов: понятийно-терминологическая корреляция // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1(3). – С. 725–751. – URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.32>. EDN: hgbbql

Н. Н. Карандашева,

аспирант,

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРИНЦИП ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ ПРИ НАПРАВЛЕНИИ СУДЕБНЫХ ПОРУЧЕНИЙ ЗА ГРАНИЦУ

Аннотация. Цель исследования – анализ процессуальной экономии в контексте международного гражданского процесса и ее влияния на оптимизацию судебных процедур. Автор рассматривает применение принципа процессуальной экономии в судебной практике Российской Федерации, анализирует его влияние на выбор механизмов взаимодействия между компетентными органами государств при направлении иностранных судебных поручений и признании и исполнении иностранных судебных решений. Доказано, что принцип процессуальной экономии получает специальное содержание в международном гражданском процессе, изменяя традиционное правило соотношения договоров по юридической силе.

Ключевые слова: иностранные судебные поручения, информационные технологии, принцип процессуальной экономии, международный гражданский процесс, признание и исполнение иностранных судебных решений, трансграничные споры, международное судебное сотрудничество

THE PRINCIPLE OF PROCEDURAL ECONOMY IN SENDING LETTERS ROGATORY ABROAD

Abstract. The aim of the article is to analyze procedural economy in the context of international civil procedure and its influence on the optimization of court procedures. The author considers the application of the principle of procedural economy in the judicial practice of the Russian Federation, analyzes its influence on the choice of mechanisms of interaction between the competent authorities of the states when sending foreign letters rogatory and recognition and enforcement of foreign judgments. It is proved that the principle of procedural economy receives a special content in international civil proceedings, changing the traditional rule of correlation of treaties by legal force.

Keywords: foreign letters rogatory, information technology, principle of procedural economy, international civil procedure, recognition and enforcement of foreign judgments, cross-border disputes, international judicial cooperation

Введение. На сегодняшний день принцип процессуальной экономии не имеет нормативного закрепления в законодательстве РФ, а в отечественной доктрине рассматривается как принцип национального гражданского процесса [1. С. 20–27; 2. С. 51]. Однако процессуальная экономия отражается в практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции РФ.

Возможность использования информационных технологий в гражданском судопроизводстве [3] придает новое осмысление принципу процессуальной экономии. Применение как цифровых, так и электронных технологий в международном гражданском процессе способствует оптимизации судебных процедур.

Основная часть. Прослеживается тенденция рационализации существующих механизмов в правоприменительной практике РФ. Принцип процессуальной экономии, приведенный в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом», указывает на выбор того механизма взаимодействия компетентных органов государств, который обеспечивает наиболее быстрое и менее формализованное взаимодействие судов с компетентными органами иностранного государства.

Процессуальная экономия, отнесенная в судебной практике к числу принципов национального гражданского процесса, получает специальное содержание при рассмотрении трансграничных споров. При этом применение информационных технологий позволяет оптимизировать процессы международного взаимодействия судов.

Важным вопросом, заслуживающим рассмотрения, является соотношение Гаагских конвенций (Гаагская конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 г., Гаагская конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам 1965 г. и Гаагская конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам 1970 г.) с иными международными договорами, посвященными признанию и приведению в

исполнение иностранных судебных решений. Принцип процессуальной экономии изменяет традиционное правило соотношения договоров по юридической силе.

В судебной практике по вопросам применения ст. 22 Договора с Испанией наблюдаются противоречия. Имеются случаи как принятия ходатайства о выдаче разрешения на исполнение решения и о приведении решения, так и отказа в его принятии.

Однако ст. 22 Договора с Испанией предусматривает подачу ходатайства о выдаче разрешения на исполнение решения и о приведении решения в исполнение в учреждение по месту вынесения решения. В то же время п. 2 ст. 1 Договора с Испанией закрепляет право лиц одного государства свободно и беспрепятственно обращаться в суды другого. Из этого следует, что у граждан Испании есть возможность подать ходатайство о признании и исполнении решения испанского суда напрямую в российский суд.

Исследование процессуальной экономии представляет собой важный шаг на пути к снижению формализации процесса исполнения иностранных судебных поручений. Процессуальная экономия в международном гражданском процессе представляет собой принцип, направленный на рационализацию и оптимизацию процедур взаимодействия компетентных органов различных государств в целях обеспечения более быстрого, эффективного и экономичного разрешения международных правовых вопросов. Реализация принципа процессуальной экономии предполагает использование информационных технологий, стандартизацию процедур, а также содействие альтернативным методам разрешения споров.

Новое осмысление принципа процессуальной экономии в контексте межгосударственного взаимодействия раскрывается в выборе оптимального механизма взаимодействия – при конкуренции действующих порядков направления поручений необходимо выбрать тот, который предусматривает наиболее быстрое направление и исполнение иностранных судебных поручений.

Суды должны руководствоваться принципом процессуальной экономии не только при направлении и исполнении иностранных судебных поручений, но и при процедуре признания и приведения в исполнение решений иностранных судов.

Заключение. Принцип процессуальной экономии корректирует традиционное правило соотношения договоров по юридической силе. Установление упрощенных процедур передачи судебных поручений способствует созданию благоприятной среды для международного сотрудничества и развития мировой экономики. Это особенно важно в условиях глобализации [4. С. 391–408], когда региональные связи между государствами становятся все более тесными, а взаимодействие между ними же приводит к формированию технико-экономических блоков стран.

Список литературы

1. Гурвич М. А. Принципы советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. – 1974. – № 12. – С. 20–27.
2. Рязановский В. А. Единство процесса: учебное пособие. – М.: Городец, 2005.

3. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / отв. ред. Д.А. Пашенцев. – М.: Инфотропик Медиа, 2022.

4. Roudometof V. Theorizing glocalization: Three interpretations // European Journal of Social Theory. – 2016. – Vol. 19 (3). – Pp. 391–408.

Е. А. Кириллова,

кандидат юридических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет

Т. Э. Зульфугарзаде,

кандидат юридических наук, доцент,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В работе выделяются основные этапы нормотворчества, в которых может быть использован искусственный интеллект, и определены принципы, на которых должна базироваться оптимизация правотворческой деятельности с применением ИИ. Методы исследования базируются на анализе ограниченного ряда исследований, которые были выбраны по специальным параметрам и комплексно рассмотрены, применялся также метод аналогии и сравнительный анализ. По итогам исследования выделены основные этапы правотворческой деятельности, в которых представляется оправданным использование искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правотворческая деятельность; правовая экспертиза; цифровизация; правовой статус; статистика; кастомизация

ON THE ISSUE OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN STANDARD-SETTING ACTIVITIES

Abstract. The paper highlights the main stages of rulemaking in which artificial intelligence can be used and defines the principles on which the optimization of law-making activities using AI should be based. The research methods are based on the analysis of a limited number of studies that were selected based on special parameters and comprehensively reviewed, as well as the method of analogy and comparative analysis. Based on the results of the study, the main stages of law-making activity are highlighted, in which the use of artificial intelligence seems justified.

Keywords: artificial intelligence; law-making activity; legal expertise; digitalization; legal status; statistics; customization

Введение. Основная цель настоящего исследования – выделить основные этапы нормотворчества [5], в которых может быть использован ИИ, а также

определить принципы, на которых должна базироваться оптимизация правотворческой деятельности с применением ИИ.

Основная часть. Согласно статистическим данным для обсуждения одной законодательной новеллы необходимо затратить более трехсот дней, даже частичное возложение некоторых функций на искусственный интеллект в сфере законодательных инициатив может сократить затрачиваемое время в разы [4].

Эксперты положительно оценивают использование ИИ в законотворческом процессе, так как такое использование исключает грамматические ошибки, дублирование правовых положений, дефекты нормативных предписаний, позволяет выявлять коррупционные факторы, обеспечивает унификацию терминологии [8. С. 475–479]. Но кроме очевидных преимуществ применения ИИ в правотворчестве, существуют и проблемы, которые необходимо решать при переводе в цифровую плоскость консервативных юридических инструментов.

Основные проблемы, которые необходимо решить при использовании ИИ в законотворческом процессе: определение правового статуса ИИ, объема его прав, обязанностей и ответственности, а также четкое распределение обязательств робота и человека.

Как справедливо отмечают эксперты, на первом этапе ИИ может быть доверено не более 10–15 % работы в сфере разработки законодательных новелл в строго определенных отраслях права, при этом предварительно следует всю информацию переводить в машиночитаемый формат, то есть алгоритмизировать [9. С. 774–812]. Поэтому вновь создаваемые правовые акты должны быть изложены на унифицированном программном языке, а в ранее принятых законах следует использовать мета-разметку текста, которая позволит ИИ работать с правовыми актами. Однако на данном этапе не все правовые акты могут быть алгоритмизированы и представлены в виде программного кода. Основная цель исследования – выделить основные этапы нормотворчества, в которых может быть использован ИИ, и определить принципы, на которых должна базироваться оптимизация законотворчества с применением современных технологий, в частности ИИ.

Применение современных технологий в процессе правотворчества открывает новые возможности для повышения качества принимаемых правовых актов. ИИ – это цифровая технология, которая имеет сквозной характер, способна обучаться, адаптироваться, что позволяет решать конкретные задачи [3. С. 111–114]. Исследователи обосновывают необходимость применения ИИ в законотворчестве следующими аргументами:

- ИИ способен обработать огромный массив информации, при этом он хорошо справляется с дублирующей информацией и с потоком постоянно обновляющихся фактов;

- ИИ может группировать информацию по определенным признакам и особенностям, а это главное при инициативном законотворчестве, когда новеллы должны классифицироваться, а повторы исключаться;

- ИИ способен оценить эффективность законодательных норм при правильном обучении и развитии прогнозных функций.

Таким образом, ИИ способен значительно сократить временные затраты при разработке правотворческих актов, сберечь трудовые ресурсы, избавить за-

конодателей от рутины работы, ИИ отлично систематизирует информацию, что немаловажно при разработке законодательства, в определенных случаях ИИ способен выявить коллизии и предложить пути их устранения. ИИ обучаем, способен к сканированию большого потока информации, он эффективно выполняет многие задачи, которые имеются в законотворчестве, при этом риск ошибок минимален.

Можно констатировать, что время ИИ в нормотворчестве настало, цифровые решения позволят снизить издержки, высвободить интеллектуальные ресурсы под решение других задач, которые не по силам ИИ.

Оптимизация правотворческой деятельности с помощью ИИ успешно осуществляется во многих странах Западной Европы, например, в Италии функционирует проект Datafication для алгоритмического анализа частоты использования правовых актов. Германия, Новая Зеландия и другие страны переписывают законодательство в машиночитаемый вид, с целью привлечения ИИ к анализу нормотворчества [10. С. 433–449]. Данные тенденции свидетельствуют о перспективности внедрения современных технологий, таких как ИИ, в нормотворческие процессы.

Машинное обучение искусственного интеллекта в перспективе позволит автоматизировать процесс написания правовых актов, поэтому для обучения ИИ необходимо перевести в алгоритмический вид правовые акты и на их основе создать обучающие программы. Для обучения ИИ необходимо реализовать: во-первых, перевод законодательных актов в программный код, во-вторых, создание заданий с правильным ответом и, в-третьих, тестирование ИИ по созданной базе обучения. В случаях неправильных ответов ИИ должен обучаться до положительного результата.

При правильном обучении ИИ способен качественно повысить уровень правотворческой деятельности. Только необходимо правильно определить этапы законотворческой деятельности, в которых использование ИИ будет наиболее перспективно и, главное, не нанесет вреда правотворческой деятельности. Необходимо учитывать, что на данном этапе развития ИИ он может выступать только в качестве инструмента и дополнительной помощи, полностью возложить на ИИ создание законодательства пока не представляется возможным. Исходя из этого, целесообразно определить объем участия ИИ на каждом этапе и принципы, на которых должно осуществляться взаимодействие с ИИ.

Исследователи выделяют следующие этапы нормотворчества, в которых может быть задействован ИИ [11. С. 205–258]:

- 1) сбор статистических данных;
- 2) прогноз эффективности правовых норм;
- 3) формирование статей расхода на разработку и реализацию правовых норм;
- 4) создание правовой нормы;
- 5) кастомизация правовых норм.

Разделяя мнение исследователей, следует добавить, что ИИ в правотворческой деятельности способен статистически и аналитически обрабатывать большой массив правовой информации, при качественном обучении прогнозиро-

вать эффективность принимаемых правовых актов, предоставлять аргументы в пользу принятия законодательных новелл, суммировать многие характеристики уже действующих законов с целью учета негативного или положительного опыта их использования. Однако использование ИИ не должно ограничиваться использованием только в данных направлениях деятельности. Большое значение при разработке и принятии правовых норм имеет экспертиза законодательства. Экспертная оценка принятых законов – обязательный этап в нормотворчестве, от результатов экспертизы зависит качество и успешность принимаемых правовых актов. Экспертизу законодательства можно классифицировать по различным признакам, но в рамках данного исследования, с учетом специфики цифровых технологий, которые предлагается использовать, выделим экспертизу: правовую и антикоррупционную. Правовая экспертиза направлена на анализ соответствия законодательного акта действующим нормам как на государственном, так и на международном уровнях [2].

При проведении правовой экспертизы ИИ может быть полезен для обработки собранных предложений, в случаях, когда предложения по разработке правового акта поступают от граждан, ИИ может эффективно группировать и классифицировать такие предложения [1].

Антикоррупционная экспертиза – это разновидность правовой экспертизы, но ее основная цель – выявление коррупциогенных составляющих и способы их устранения [6; 7. С. 258–260]. Искусственный интеллект может быть задействован при проведении антикоррупционной экспертизы. Для проведения антикоррупционной экспертизы искусственный интеллект должен быть обучен прогнозированию коррупционных нарушений. При этом основу обучения могут составлять нормативные акты, правоприменительная практика, судебная статистика, доктрина, данные социальных опросов.

Кроме этого, необходимо обучить ИИ оценке правовой определенности и единообразному толкованию правовых актов, с возможностью уточнения контекста. Не следует сужать деятельность искусственного интеллекта до уровня алгоритма. Сильной стороной искусственного интеллекта является его способность классифицировать, поэтому алгоритмический код антикоррупционных маркеров должен совмещаться с классификацией законодательных норм, их структурой, признаками, особенностями, видами [12. С. 593–610]. ИИ способен вносить исправления в правовой акт, которые минимизируют коррупциогенные составляющие. Сложным для искусственного интеллекта может стать изменение объема прав, ведущее к коррупции, мотивация, намерения, противоправное поведение субъектов. Все, что связано с психологией возможного поведения граждан, является трудной задачей не только для ИИ, но для квалифицированных экспертов [13. С. 277–290]. Возможно, пока на искусственный интеллект в этой сфере можно будет возложить узкий круг задач, с которыми он способен качественно справиться, а в перспективе уже расширять круг полномочий.

Кроме определения этапов законотворчества, в которых может быть задействован ИИ, необходимо выделить принципы, на которых должно базироваться такое использование. Такие принципы позволят определить пределы и правила использования искусственного интеллекта в нормотворчестве. Первый принцип

является конституционным и обязывает соблюдать фундаментальные права человека, такие как право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и так далее. Из данного принципа складывается второй принцип – недискриминации, который подразумевает запрет на проведение различий, исключений, ограничений или предпочтений, основанных на признаках, которые не имеют отношения к делу и которые неуместны для целей, для которых такая дифференциация не предусматривается. Этот принцип является важным элементом защиты прав человека и обеспечения равенства и справедливости в обществе. Третий принцип – это принцип безопасности, искусственный интеллект не должен представлять опасности людям, в каком бы объеме он не был задействован. Смысл четвертого принципа заключается в том, что ИИ обязан соблюдать нейтральность, транспарентность и являться гарантом интеллектуальной целостности всех сведений, к которым он допущен. Пятый принцип относится к безопасности и определяет управляемость ИИ человеком, это означает, что ИИ не может принимать самостоятельные решения, которые могут нанести вред как человеку, так нормотворческим процессам в частности.

Заключение. Использование ИИ в правотворчестве является перспективным направлением цифровизации и оптимизации законотворческой деятельности. В целом ИИ может быть использован на различных этапах обсуждения, экспертизы и принятия правовых актов, а некоторые проблемы, которые могут возникать при использовании ИИ могут быть выявлены и устранены с помощью обучения. В дальнейших исследованиях по внедрению ИИ в законотворчество, необходимо рассмотреть, каким образом можно задействовать искусственный интеллект при прогнозе возможных последствий принятого правового акта.

Список литературы

1. Архипова Е. Ю. Возможности использования искусственного интеллекта в экспертизе правотворчества // Юридическая техника. 2022. № 16.
2. Ахметкужин Р. А. История развития и перспективы применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности // E-Scio. – 2023. – № 2(77).
3. Деев С. А. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности и в правоприменении // Молодой ученый. 2022. № 38 (433). С.111–114.
4. Жилкин В. А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. – № 5.
5. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2024.
6. Противодействие коррупции и процессы цифровизации: научно-практическое пособие. М.: Инфотропик – Медиа, 2023.
7. Сикач А. С. Искусственный интеллект как субъект права интеллектуальной собственности // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник материалов XI Международного юриди-

ческого форума (IP Форума): в 2 т. Т. 2. М.: Изд. центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – С. 258–260.

8. Bench-Capon T. Thirty years of Artificial Intelligence and Law: Editor's Introduction // Artificial Intelligence and Law. – 2022. № 30(4). – Pp. 475–479.

9. Blinova O. V., Belov S. A. Linguistic ambiguity and vagueness in Russian legal texts // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2020. – № 4. – Pp. 774–812.

10. Drahmman A., Meuwese, A. AI and Lawmaking: An Overview // Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice. – 2022. – Pp. 433–449.

11. Liu H. Y., Maas M., Danaher J., Scarcella L., Lexer M., Van Rompaey L. Artificial intelligence and legal disruption: a new model for analysis // Law, Innovation and Technology. – 2020. № 12(2). – Pp. 205–258.

12. Rotolo M. L. A. Thirty years of Artificial Intelligence and Law: overviews // Artificial Intelligence and Law. – 2022. – № 30. – Pp. 593–610.

13. Zenin S., Kornev A., Lipen S., Shepelev D., Tanimov O. Transformation of law and legal activity in the context of the development of digital technologies // Lex Humana. 2023. – № 15(1). – Pp. 277–290.

О. С. Лабабуева,

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ВИРТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрено виртуальное игровое имущество как объект права собственности. Анализируемые в статье понятия «виртуального игрового имущества» не дают четкого понимания, что следует понимать под таким объектом. На основании проведенного анализа представлено авторское мнение по вопросу понятия указанного объекта. Кроме этого, проведено исследование о возникновении права собственности, а именно триады правомочий, составляющих право собственности на исследуемый объект. С учетом анализа, а также природы виртуального игрового имущества предложено усовершенствовать право собственности и добавить в гражданское законодательство новый вид такой, как цифровое право собственности.

Ключевые слова: игрок, игровое имущество, правомочия, цифровое имущество, распоряжение, пользование, оборот

VIRTUAL GAMING PROPERTY AS AN OBJECT OF OWNERSHIP

Abstract. The article examines virtual game property as an object of property rights. The concepts of "virtual game property" analyzed in the article do not provide a clear understanding of what should be understood by such an object. Based on the analysis, the author's opinion is presented on the issue of the concept of this object. In addition, a study was conducted on the emergence of property rights, namely the triad

of powers that constitute the right of ownership of the object under study. Considering the analysis, as well as the nature of virtual game property, it is proposed to improve the right of ownership and add a new type to civil legislation such as digital property rights.

Keywords: player, game property, powers, digital property, disposal, use, circulation

Введение. Виртуальное игровое имущество обрело популярность с начала появления игровых платформ. Игровые платформы создали все условия для потребителей (игроков) для развития своих персонажей, скилов и тому подобного при помощи покупки разного рода инвентаря, дополнительных функций и опций. По мере развития цифровых технологий и возможных посягательств на цифровое «имущество» перед правовым сообществом становится множество вопросов о том, какой же именно это объект, какие методы защиты прав обладателей для такого объекта можно применять для восстановления прав.

Основная часть. При анализе виртуального игрового имущества можно заметить, что нет и единого подхода к пониманию данного цифрового объекта. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) не указано такое понятие как «виртуальное игровое имущество». Проведя дополнительно анализ иных нормативных актов, можно сказать, что и в других актах определения указанного термина нет.

Однако, в отличие от законодательного подхода, цивилистическая доктрина (цивилистический подход) включает в себя множество мнений по вопросу понимания виртуального игрового имущества, которые условно можно сгруппировать в две основные концепции о месте виртуального игрового имущества в системе объектов гражданских прав.

Первая концепция основывается на том, что ученые считают, виртуальное игровое имущество преимущественно является имуществом в различных видах игр.

Так, например, Я. А. Перепелкина считает, что виртуальным игровым имуществом являются игровые атрибуты, а также непосредственно аккаунт игроков (пользователей) на игровой платформе, в том числе и иные элементы, которые представляют интерес для самих игроков. Указанное имущество, по мнению Я. А. Перепелкиной, может приобретаться за счет осуществления действий по покупке у других игроков или в «магазине» игры или продаже имущества другим игрокам за реальные денежные средства [3].

Ю. С. Харитонов и Л. В. Санникова придерживаются мнения, что виртуальное игровое имущество – это блага, полученные в играх, то есть игровые атрибуты [8]. Данной точки зрения придерживается и А. И. Савельев, дополнительно отмечая, что исследуемый объект из-за возможности его приобретения за реальные деньги обладает ценностью для игроков [7].

Вторая концепция основывается на том, что предыдущая группа узко трактует данное понятие и его следует расширить. Так, ниже представленные мнения ученых трактуют в широком смысле понятие виртуального имущества.

По мнению В. С. Левинзона, виртуальное имущество следует трактовать шире и включать в такое имущество в социальных сетях (валюта), криптовалюта и аккаунты, при помощи которых производятся операции [5].

М. А. Рожкова придерживается мнения, что под виртуальным игровым имуществом следует понимать нематериальные объекты, которые используют в виртуальном мире. Указанные объекты должны обладать экономической важностью и ценностью для их пользователя, принося полезность от использования [6].

По нашему мнению, под виртуальным игровым имуществом следует понимать имущество, способное обращаться в рамках игровых платформ, с учетом правил, установленных на данных платформах, так как оборот и само существование такого имущества требует разработки и внедрения специального правового режима. Представляется, что под виртуальным (игровым) имуществом следует понимать исключительно игровые атрибуты, вещи, приобретаемые на игровых платформах, а также дополнительно игровые аккаунты. Не следует относить к виртуальному игровому имуществу аккаунты в социальных сетях. По нашему мнению, социальные аккаунты представляют собой иной вид цифрового объекта, который можно рассмотреть в качестве цифрового имущества. Однако аккаунты обладают своими особенностями в обороте, как следствие, аккаунты должны регулироваться с учетом их особенностей. Виртуальное игровое имущество не ограничивается количеством видов, с каждым годом предполагается, что за счет развития индустрии игр, а также прироста пользователей в игры будет вовлекаться большее количество новых цифровых объектов.

Так, можно выделить следующие признаки виртуального (цифрового) имущества, характерные, в том числе и для виртуального игрового имущества.

Указанный объект не существует в материальном мире, существует лишь в цифровой или электронной форме (в зависимости от типа и вида игры).

Следующий признак – это возможность денежной оценки и обладание ценностью для пользователя. Денежная оценка заключается в возможности оценить вложенные реальные денежные средства, которые зачисляются на игровой счет в виртуальной игровой валюте. Благодаря вложению денежных средств пользователь совершает операции по покупке различного снаряжения, повышения скиллов и тому подобного, тем самым создавая для себя ценность имущества, приобретенного в игре. После покупки таким имуществом можно пользоваться только на самой игровой платформе, перевести обратно в объекты гражданского права нельзя.

Упомянутая виртуальная валюта представляет собой средство обмена в рамках игрового процесса на другие (игровые) блага. Благодаря указанной валюте совершаются операции по покупке или продаже игровых благ. Если рассматривать виртуальную валюту в контексте игровых платформ, то в них используется следующая разновидность виртуальной валюты – игровая. Игровая валюта рассматривается как учетные единицы, которые выпускаются разработчиками многопользовательских игр, доступны пользователям через интерфейсы таких игр и могут быть переданы между пользователями в рамках механики виртуального мира [1].

В игровой платформе возможен оборот виртуального (игрового) имущества, в том числе аккаунтов игроков. В основном оборот осуществляется при помощи продажи, передачи прав пользования и распоряжения, то есть у обладателя аккаунта есть правомочия собственника. Как следствие, игрок (обладатель) обладает аналогичным правом собственности на аккаунт и на то имущество, которое учитывается в его игровом аккаунте.

С учетом нематериальной природы виртуального (игрового) имущества его нельзя квалифицировать вещью, его следует квалифицировать как нечто иное, например, квазивещью. Согласно мнению В. Гурманова, можно допустить параллельное существование нематериальных «вещей» [2]. Однако в процессе анализа квазивещи В. А. Лапач придерживается мнения о том, что поскольку законодатель допускает возможность наделения некоторых имущественных прав (которые же, в свою очередь, вещами прямо в законе не названы) свойствами вещей, то, значит, их можно через призму вещей, а именно квазивещей, признать объектами правами [4]. Следовательно, можно признать, что на такой объект права может возникать, как уже отмечалось, право собственности, но измененное под природу виртуального (игрового) имущества.

Предлагается рассмотреть правомочия прав собственника на виртуальное игровое имущество с учетом цифровой среды. Правомочия собственности трансформируются в цифровой среде следующим образом:

1. Правомочие владения преобразуется в право цифрового доступа. Данное правомочие основано на цифровом алгоритме, который дает возможность пользоваться цифровым объектом. Так, такое правомочие находит свое отражение в том, что игрок зарегистрировался или создал аккаунт в игровой среде, тем самым подтвердил свою личность при помощи средств идентификации, аутентификации и иных.

2. Правомочие пользования. При указанном правомочии обладатель цифрового объекта может извлекать полезные свойства из него. Данное правомочие выражается в том, что игрок при помощи своего аккаунта пользуется полученным, приобретенным имуществом в игре, создает своего аватара как отражение самого себя. После создания такого аватара игрок посредством аватара при прохождении уровней/игровых этапов получает различного вида бонусы, заключающиеся в монетах на покупку нового инвентаря или повышения скиллов аватара, оборудование, при использовании которых достигаются новые бонусы или уровни и т. п.

3. Правомочие распоряжения заключается в возможности и способности совершать сделки с виртуальным игровым имуществом на платформах. Так, игрок (обладатель) совершает сделки в сети. При помощи денежных средств покупает новое оборудование, продает аккаунт другому игроку, обменивается оборудованием или иными игровыми вещами с другими игроками. В большинстве случаев данные действия сопровождаются подтверждением в групповой или личной переписки игроков, в зависимости от достигнутого уровня может заключаться договор купли-продажи и иные.

Так, на виртуальное игровое имущество возникает право собственности, хотя и в несколько преобразованном виде. Представляется, что такое право воз-

можно считать правом собственности. Указанное право собственности следует назвать цифровым правом собственности в связи с тем, что оно возникает на цифровые объекты, в перечень которых входит виртуальное игровое имущество. С учетом появления новых цифровых объектов следует обновить и институт права собственности, так как действующий институт не учитывает права на новые объекты, хотя часть из них можно признать квазивещами.

Представляется возможным расширить перечень видов прав собственности и внести изменения в гл. 13 ГК РФ, в которой указаны все положения в части регулирования права собственности и иных вещных прав. Так, например, представляется, что можно дополнить ГК РФ новой ст. 209.1 «Содержание права собственности на цифровые объекты». В данной статье предлагается установить положения, касающиеся правомочий собственника на цифровые объекты, по аналогии со ст. 209 ГК РФ.

Указанное предложение о внесении изменения установит новый вид права собственности и разрешит множество вопросов, обсуждаемые в доктрине.

Список литературы

1. Брагинец А. Ю. Правовые особенности игровых денег // Правовое регулирование цифровых денег: монография / Е. Н. Абрамова, Е. М. Андреева, А. Ю. Брагинец и др. – М.: Юстицинформ, 2022. – С. 22–34.
2. Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2000. – № 3. – С. 80–84.
3. Перепелкина Я. А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. – № 3(29). – С. 45–59.
4. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / Юридический Центр ПРЕСС. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 145–146.
5. Левинзон В. С., Митин Р. К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 39–42.
6. Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2018. – 13 июня.
7. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 127–150.
8. Харитонова Ю. С., Санникова Л. В. Виртуальное игровое имущество как цифровой актив в предпринимательском обороте // Хозяйство и право. 2020. – № 1(516). – С. 13–21.

Ю. О. Лысаковская,

соискатель,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ АГЕНТИРОВАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ ЭЛЕКТРОННОМУ АГЕНТУ

Аннотация. В условиях объективно необходимой трансформации общественных отношений в результате бурного развития технологий представляется целесообразной и необходимой формализация и институционализация «партнерских отношений» в общественных отношениях с участием электронных агентов (носителей искусственного интеллекта). Автор предлагает закрепить в законодательстве новую категорию «технологическое агентирование» как методологию делегирования права на осуществление определенных функций либо делегирования носителю искусственного интеллекта функций, прав на объекты владения или осуществление определенной хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, носитель искусственного интеллекта, технологическое агентирование, электронный агент, электронное лицо, искусственная (цифровая) личность, публично-частное партнерство

TECHNOLOGY AGENCY: A METHODOLOGY FOR DELEGATING THE PRODUCTION FUNCTION TO AN E-AGENT

Abstract. In the conditions of objectively necessary transformation of social relations as a result of rapid development of technologies, it seems appropriate and necessary to formalise and institutionalise “partnership relations” in various areas of social activity with the participation of electronic agents (carriers of artificial intelligence). The author proposes to enshrine in the legislation a new category of “technological agency” as a methodology of delegating the right to perform certain functions or delegating to the carrier of artificial intelligence functions, rights to objects of ownership or implementation of certain economic activities.

Keywords: artificial intelligence; artificial intelligence device; technological agency; electronic agent; electronic person; artificial (electronic) person; public-private partnership

Введение. Философская наука констатируют, что «общественное развитие в течение века подвергается сложным социокультурным трансформациям, к которым относится такое свойство постиндустриальной эпохи, как технологизация большинства сфер жизни человека» [4. С. 17–18].

В 1976 г. Дэниель Белл предвидел формирование общества, которое будет опираться на «экономику информации», а не товарное производство, вследствие внедрения инноваций и технологий, «новых предпосылок и новых полномочий, новых ограничений и новых вопросов с той разницей, что теперь они достигают масштабов, которые ранее никогда не представлялись в мировой истории» [14].

В условиях санкционных тенденций вопросы национальной экономической безопасности приобретают особую важность, и, как следствие, требуют от государства поиска новых форм взаимодействия с субъектами частного права в целях обеспечения хозяйственного развития и достойного уровня жизни населения (ст. 2 Конституции Республики Беларусь). Методология и способы функционирования как экономической, так и правовой системы государства во многом зависят от влияния таких факторов, как производство благ (экономическая эффективность) и их распределение (социальная справедливость) [6. С. 83].

Данный конфликт интересов может быть разрешен посредством эффективной системы взаимодействия публичного и частного интереса, известной как публично-частное партнерство [13. С. 31].

Основная часть. Как отмечал А. Г. Здравомыслов, «категория интереса выработана в истории социальной мысли для обозначения реальных причин общественных или индивидуальных действий» [3. С. 7–8; 5]. Приверженцы экономического детерминизма представляют право производным продуктом социально-экономической действительности или фактором развития экономики. Маркс, например, жестко отмечал: «Пища, жилище, одежда – вот что необходимо прежде всего для развития человека. Для производства и воспроизводства его жизни» [12. С. 79]. Ф. Энгельс рекомендовал «способы, методы и средства разрешения возникающих проблем надо искать в изменениях способа производства и обмена, а не изобретать из головы. Открывать их при помощи головы в изменяющихся производственных отношениях, в наличных материальных факторах [1; 8–11].

Полагаем, что в случае формирования новых экосистем, основанных на функционировании технологии искусственного интеллекта, возникает необходимость в институционализации *технологического частно-публичного партнерства* как совокупности общественных, партнерских отношений в научно-технической сфере с участием субъекта публичного и субъекта частного интереса.

Такие отношения, по нашему мнению, являются «*общественными отношениями агентского характера*», поскольку представляют собой один из типов агентских правоотношений, основанных на делегировании функций и прав на объекты владения и виды осуществляемой деятельности [9. С. 534–536]). Констатируем, что каждому из типов агентских правоотношений может быть свойственно сразу несколько типов, видов и форм методологий агентирования.

Полагаем, что институционализация технологии искусственного интеллекта в системе общественных отношений предполагает необходимость институционализации или, в некоторых случаях формализации и закрепления в национальной системе права такого типа агентирования, как *агентирование технологическое* как методология делегирования правообладателем исключительных прав на производство определенного блага посредством передачи поручения носителю искусственного интеллекта (электронному агенту). Указанная правовая категория в настоящее время отсутствует как в национальной правовой системе, так и в иных юрисдикциях.

Заключение. На основании вышеизложенного, необходимо закрепить в законодательстве Республики Беларусь термин «**технологическое агентирование**» как тип агентирования в рамках институционализации агентирования и

агентских отношении путем кодификации хозяйственного законодательства Республики Беларусь, включив в проект Хозяйственного кодекса Республики Беларусь главу «Агентирование».

Список литературы

1. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г. Объекты публичной идентификации как новый тип объектов интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2023. – № 2. – С. 6–15.

2. Бондаренко Н. Л., Гладкая Е. Н., Конаневич Ю. Г. Совершенствование понятийно-категориального аппарата правовой науки в контексте решения задачи разграничения понятий «статус», «правосубъектность», «правовое положение», «правовой режим» // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 2. – С. 8–40.

3. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории / А. Г. Здравомыслов. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1964. – 74 с.

4. Ильяхович Е. Б. Технокультура глобального гражданского общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Гражданское общество: истоки и современность». – Севастополь, 2013.

5. Интересы в механизме публичной власти: проблемы теории и практики: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М.: Проспект, 2023.

6. Краснов А. Б. Особенности генезиса основных понятий, форм и институтов в области взаимодействия субъектов публичного и частного права // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». – 2016. – № 1. – С. 83–90.

7. Лысаковская Ю. О. Агентирование и искусственный интеллект: перспективы развития // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6 т., Казань, 23 сентября 2022 года / под ред. И. Р. Бегишева [и др.]. – Т. 2. – Казань: Познание, 2022. – С. 453–460.

8. Лысаковская Ю. О. Агентские отношения как основа функционирования системы странового маркетинга // Страновой маркетинг: монография / Н. Л. Бондаренко [и др.]; под ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск: Ковчег, 2022. – С. 531–556.

9. Лысаковская Ю. О. Перспективы институционализации в национальном праве носителей искусственного интеллекта как электронного лица (агента) // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 6(267). – С. 33–38.

10. Лысаковская Ю. О. Расширение сферы агентских правоотношений в связи с созданием технологических возможностей для делегирования агентской функции объектам прав – носителям искусственного интеллекта / Ю. О. Лысаковская // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шutowой. В 6 т. – Т. 5. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – 380 с. – С. 190–204.

11. Маркс К. Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 13. – М.: Изд-во политической литературы, 1959. – 771 с.

12. Маркс К. Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 20. – М.: Изд-во политической литературы, 1961. – 828 с.

13. Публично-частное партнерство как социальный феномен и правовой институт: новый методологический подход к идентификации общественных отношений / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, М. С. Бондаренко, А. Г. Костенко // Право.by. – 2022. – № 6(80). – С. 31–45.

14. Berry B. J. L., Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting // Geographical Review. – № 64(3). – 1974. – Pp. 447–449.

И. Ш. Мавлекеев,

аспирант,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ПРАВОВЫЕ ДАННЫЕ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ ДОГОВОРЕ

Аннотация. В статье обсуждается форма представления гражданско-правового договора в эпоху цифровых технологий. Предлагается ввести новое понятие – правовые данные. Предлагается предопределение правовых данных. Разбирается пример экстрагирования и формализации правовой информации в правовые данные в контексте гражданско-правового договора. Объясняется значение нового понятия в трансформации понимания договора и формы его представления. Обсуждаются противоречия с существующим пониманием и регулированием договоров.

Ключевые слова: правовые данные, гражданско-правовой договор, форма представления договора, правовая информация, экстрагирование и формализация правовой информации, разметка правовых данных, машиночитаемое право

LEGAL DATA IN A CIVIL CONTRACT

Abstract. The article focuses on the form of contract in the era of digital technologies. It is proposed to introduce a new concept–legal data. A predefinition of legal data is proposed. The article shows an example of extraction and formalization of legal information into legal data in the context of a contract. The author shows the significance of the new concept in transforming of the understanding of contracts and how they are formulated. The article discusses contradictions with the existing understanding and regulation of contracts are discussed.

Keywords: legal data, contracts, form of contracts, legal information, extraction and formalization of legal information, legal data markup, machine-readable law

Введение. Правовые данные – понятие, которое, уверен, еще никто в аудитории не встречал в подобном контексте – лежит на стыке права и кибернетики.

Кстати, кибернетика – не только (и не столько) об информационных технологиях. Мне нравится определение, которое дал ей в уже далеком 1956 году Луи Куффиньяль [3. С. 46–54], назвавший ее «искусством обеспечения эффективности действия». Этой идее и служит введение в правовой науке нового понятия, каким является понятие «правовые данные».

Основная часть. На сегодняшний день поиск в Интернете не даст вам примеров с осмысленным использованием данного словосочетания. Первое, что, вероятно, приходит на ум, когда слышишь «правовые данные» – это различного рода информация, имеющая специальный правовой режим. К примеру, персональные данные, банковская тайна, ноу-хау и тому подобное. Однако ожидаемо, речь пойдет совершенно не об этом. Предлагается совершенно иной взгляд, хотя и приближающий вплотную к кибернетике, но всецело оставляющий нас в контексте права. Этот угол зрения позволяет продемонстрировать, как должна меняться юридическая профессия, как должны меняться сами юристы, чтобы оставаться актуальными на фоне быстроменяющегося мира.

Давайте для начала поймем, что мы понимаем под «данными». Ожидаемо, данный термин широко используется в области информационных технологий. Поэтому, воспользуемся наработками коллег и определим, в самом общем виде, что «данные» – это информация (то есть информация в данном случае – родовое понятие), представленная в формализованном виде и пригодная для передачи и обработки. Чтобы было проще, данные – это подготовленная информация. Она также является эффективной формой информации, ведь именно такую цель (эффективность) мы ставим перед собой, исследуя данный вопрос.

Что же такое правовые данные? Как было сказано выше, ни определения, ни даже осмысленного употребления данного термина, автору найти не удалось. Поэтому вы попытаемся дать предопределение, и проверим (и при необходимости, уточним) его в своих дальнейших исследованиях. Предлагается определить «правовые данные» как данные, передача и обработка которых имеет правовое значение. Например, когда вы заполняете онлайн-анкету на «Госуслугах», передавая ведомству структурированную информацию, вы передаете правовые данные, на основе которых ведомство примет соответствующее решение. То же самое с гражданско-правовым договором. Представим обязанности заемщика по кредитному договору (коих помимо возврата кредита и уплаты процентов может быть весьма солидное количество, если речь про заемщика-коммерсанта). Сотрудник отдела мониторинга обрабатывает договор, находя в нем необходимые сведения об обязанностях заемщика, и вносит их в специальную систему, позволяющую отслеживать их исполнение. Сведения, которые экстрагирует (выделяет) сотрудник банка из кредитного договора – не что иное, как правовые данные.

Хотя источник данных не является определяющим для того, чтобы назвать их «правовыми», огромный массив таких данных может быть экстрагирован именно из гражданско-правовых договоров (именно поэтому я в своем исследовании делаю упор на договоры).

Формализация – важный процесс для преобразования первичной правовой информации в правовые данные. Язык документов не является подходящей формой для хранения правовых данных. Автор предвидит процесс сближения таких

форм (классического юридического языка и языка правовых данных), однако это не избавит от необходимости формализации, а лишь упростит этот процесс, делает его более эффективным и «прямым». Попытка начать работать с неподготовленной правовой информацией – методологическая ошибка, приводящая к большим затратам ресурсов с низким или отрицательным коэффициентом полезного действия.

В ходе формализации обозначается структура правовых данных. Структура может предполагать как простейшую разметку типа «поле: значение», так и более сложную взаимосвязь между элементами (полями) правовых данных. Структура правовых данных строго не predetermined и должна учитывать требования системы, которая будет использовать соответствующие правовые данные. Структура может иметь различную детализацию исходя из потребностей дальнейшего использования правовых данных.

В настоящее время текст представляется в гражданском праве единственным первичным источником воли субъектов права. См., например ст. 431 Гражданского кодекса Российской Федерации: «При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом» [1]. Цивилистической науке еще предстоит преодолеть свою привязанность к тексту в пользу других видов представления договоров.

Для иллюстрации процесса формализации правовых данных в гражданско-правовом договоре рассмотрим преобразование обязанности заемщика ежеквартально предоставлять кредитору бухгалтерскую отчетность, имеющую следующую формулировку в договоре:

«Заемщик обязуется предоставлять Кредитору не позднее 15-го числа месяца, следующего за отчетным, неаудированную бухгалтерскую отчетность, заверенную уполномоченным лицом Заемщика».

При преобразовании в правовые данные данная обязанность может иметь простейшую структуру, представленную в табл. 1.

Таблица 1

Структура обязанности заемщика по предоставлению бухгалтерской отчетности

Поле	Значение
Субъект (на ком лежит обязанность?)	Заемщик
Позитивная (совершить действие) или негативная (воздержаться от действия)	Позитивная
Действие	Предоставление
Предмет	Неаудированная бухгалтерская отчетность заемщика

Поле	Значение
Форма	Копия, заверенная уполномоченным лицом Заемщика
Получатель	Кредитор
Единоразовая, длящаяся, периодическая	Периодическая
Периодичность	Ежеквартально
Срок	Не позднее 15-го числа месяца, следующего за отчетным

Заключение. Представление договора не как текста, толкуемого юристами, а как системы взаимосвязанных правовых данных, имеющих определенную структуру, позволит построить мост между интерпретацией права человеком и машиной, в полной мере реализовать концепцию машиночитаемого права, хоть и на примере частных договоренностей, имеющих правовую основу. Ведь, как отмечено в Концепции развития технологий машиночитаемого права, «машиночитаемое право представляется одним из эффективных способов непротиворечивого изложения правовых норм с целью повышения удобства правоприменения для государства, предпринимательского сообщества и граждан» [2].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.09.2024).
2. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 сентября 2021 г. № 31). // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения: 19.09.2024).
3. Couffignal L. P. Essai d'une définition générale de la cybernétique // The First International Congress on Cybernetics. Namur, Belgium, June 26–29, 1956, Gauthier-Villars. Paris, 1958, Pp. 46–54.

Н. В. Макаручк,
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Целью исследования является определение основных направлений и подходов при формировании правовых моделей в сфере использования искусственного интеллекта при осуществлении государственного регулирования. В статье проведен анализ возможных типов государственного регулирования в условиях формирования цифровой экономики, выявлены риски и негативные последствия, связанные с отсутствием непосредственного взаимодействия или участия субъектов государственного регулирования при принятии решений и их реализации, сформулированы некоторые подходы и предложения, которые возможно использовать при разработке правовых моделей в сфере использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: государственное регулирование, право, цифровая экономика, цифровые технологии, искусственный интеллект, правовые модели, высокорисковые системы

LEGAL MODELS IN THE FIELD OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE IMPLEMENTATION OF STATE REGULATION

Abstract. The purpose of the study is to identify the main directions and approaches in the formation of legal models in the field of the use of artificial intelligence in the implementation of state regulation. The article analyzes the possible types of state regulation in the context of the formation of the digital economy, identifies the risks and negative consequences associated with the lack of direct interaction or participation of subjects of state regulation in decision-making and their implementation, and formulates some approaches and proposals that can be used in the development of legal models in the field of artificial intelligence.

Keywords: government regulation, law, digital economy, digital technologies, artificial intelligence, legal models, high-risk systems

Введение. Государственное регулирование в условиях цифровой экономики в ряде случаев характеризуется отсутствием непосредственного взаимодействия или участия субъектов государственного регулирования. При этом возможно дистанционное регулирование (с участием человека), смарт-регулирование (по алгоритмам, установленным человеком) и регулирование с использованием искусственного интеллекта (без участия человека).

Основная часть. Данная типология предложена В. А. Лаптевым применительно к корпоративному управлению [2], однако, как представляется, ее вполне уместно использовать при рассмотрении вопросов государственного регулирования.

Регулирование с использованием искусственного интеллекта (без участия человека) сопряжено с повышенными рисками [3].

Как следует из пресс-релиза Европейской комиссии к Закону «Об искусственном интеллекте», [6] определенные системы искусственного интеллекта, используемые в областях обеспечения правопорядка, пограничного контроля, отправления правосудия и демократических процессов, относятся к системам со «значительным потенциальным вредом для здоровья, безопасности, основных прав, окружающей среды, демократии и верховенства закона» и классифицируются как высокорисковые, наряду с использованием искусственного интеллекта в критически важных инфраструктурах, таких как электроснабжение, водоснабжение, газоснабжение и пр.

Отмечается, что по мере развития технологии искусственного интеллекта она переходит в область, которая практически не регулируется, в связи с чем необходимо сбалансировать эффективность с защитой выделенных государственным органам ресурсов и сохранением конфиденциальности и других прав отдельных лиц [7], для чего необходимо человеческое взаимодействие для надлежащего контроля качества соответствующего программного обеспечения.

Негативные последствия использования искусственного интеллекта в сфере государственного регулирования исследуются профессором А. Санчес-Граэллс, в частности он пишет, что механизм принятия решений, поддерживаемых соответствующими автоматизированными процессами, предполагает, что «простой щелчок мыши» может привести к массовому нарушению прав, такие массовые эффекты, по мнению автора, представляют собой наиболее отличительную особенность и наиболее важную проблему для адаптации функций эффективного регулирования в новой парадигме цифрового государственного регулирования и свидетельствуют о необходимости обеспечения защиты таких прав, как права не подвергаться воздействию административных решений, возникающих в результате использования нелицензированных систем искусственного интеллекта, права не подвергаться автоматизированному принятию решений, с использованием таких систем [8].

Учитывая высокую степень риска при применении технологий искусственного интеллекта в сфере государственного регулирования, необходимо создание соответствующей правовой модели прогнозируемого варианта оптимального правового регулирования будущих явлений и процессов.

На важность функции прогнозирования, научного предвидения особое внимание обращал Ю. А. Тихомиров. Так, в своем докладе на тему «Право: модели и отклонения» [4. С. 146] ученый отмечал, что право является способом опережающего отражения реальности, современное правовое развитие Российской Федерации идет по формуле *ad hoc*, нередко являясь стихийно развивающимся, что требует юридического прогнозирования, которое возможно в виде конструкции правовой модели. Формами реализации правовых моделей могут быть программные документы и научные концепции развития законодательства. Ученый отмечает, что правовые модели как эффективная форма опережающего правового отражения реальных процессов и явлений и эффективного воздействия на них, выступают научным «образом» будущего правового развития, со-

зданным в результате сложного познавательного процесса, в котором используются аналитическая информация, методы прогнозирования, экспертиза и правовой эксперимент [5].

Как отмечает Ю. Г. Арзамасов, при создании правовой модели в сфере искусственного интеллекта необходимо учитывать особенности политического режима, признаки правовой системы, правовой опыт и традиций, исследования особенностей структуры государства, его политического курса, структуру гражданского общества [1].

Согласимся с мнением О. С. Ерахтиной о том, что «высокая динамика развития технологий искусственного интеллекта, наличие множества регуляторных инициатив актуализируют значимость междисциплинарных исследований, нацеленных на выявление оптимальных подходов к регулированию рассматриваемой сферы общественных отношений» [9].

Заключение. При разработке правовых моделей в сфере использования искусственного интеллекта необходимо исключать предвзятость алгоритмов, не допускать манипуляций поведением человека и предусматривать альтернативные способы защиты нарушенных прав.

Для систем искусственного интеллекта, классифицированных как высокорисковые, должны устанавливаться обязательные требования в отношении снижения рисков, прозрачности, надежности, точности, управления данными, подробного документирования, человеческого контроля.

Список литературы

1. Арзамасов Ю. Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2023. – № 2. – С. 53.
2. Лаптев В. А., Чуча С. Ю., Фейзрахманова Д. Р. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // Правоприменение. – 2022. – № 1.
3. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2024.
4. Нанба С. Б. Право: модели и отклонения Обзор заседания секции права на тему «Право: модели и отклонения», состоявшегося 7 апреля 2014 г. в Центральном доме ученых Российской академии наук // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 146.
5. Правовые модели и реальность: монография / О. А. Акопян, Н. В. Власова, С. А. Грачева и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014.
6. European Commission, Press Release, «Commission welcomes political agreement on Artificial Intelligence Act», 9 December 2023 («European Commission Press Release»). – URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/dawn-eus-ai-act-political-agreement-reached-worlds-first-comprehensive-horizontal-ai> (дата обращения: 07.09.2024).

7. Guiding how AI will take flight in the Government Sector: Policy v. regulation Rabihah Butler Manager for Enterprise content for Risk, Fraud & Government / Thomson Reuters Institute. – 15 Feb 2024. – URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/government/guiding-ai-policy/> (дата обращения: 07.09.2024).

8. Sanchez-Graells A. Resh(AI)ping Good Administration: Addressing the Mass Effects of Public Sector Digitalisation // Laws 2024, № 13(1)

9. Ерахтина О. С. Подходы к регулированию отношений в сфере разработки и применения технологий искусственного интеллекта: особенности и практическая применимость // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – №1(2). – С. 421–437. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.17>. EDN: lbwsxw

С. А. Минич

научный сотрудник,

Национальный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАСШИРЕНИЕ РОЛИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В законодательстве Республики Беларусь основополагающим и системообразующим делением всего множества организаций со статусом юридического лица является их разграничение на коммерческие и некоммерческие. Некоммерческая организация вправе заниматься предпринимательской деятельностью, если она не запрещена законом и служит средством для достижения основной общественно полезной цели, в результате чего такая деятельность может приобретать практически неограниченный объем. На фоне стремительных темпов цифрового преобразования экономики и научно-технологического прогресса наблюдается расширение роли предпринимательской составляющей в деятельности некоммерческих организаций, приводящее к размыванию границ между их основной и вспомогательной деятельностью, к возникновению ситуации, когда общепозлезная цель может специально прикрывать цель извлечения прибыли, что, в свою очередь, сглаживает отличительные особенности некоммерческих организаций, делая их по своей сути очень похожими на коммерческие.

Ключевые слова: цифровизация, право, коммерческие и некоммерческие организации, предпринимательская деятельность, критерии разграничения

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE EXPANSION OF THE ROLE OF THE ENTREPRENEURIAL COMPONENT IN THE ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Abstract. In the legislation of the Republic of Belarus, the fundamental and system-forming division of the entire multitude of organizations with the status of a legal entity is their distinction into commercial and non-commercial. A non-commercial organization has the right to engage in entrepreneurial activity if it is not prohibited by law and serves as a means to achieve the main socially useful goal, as a result of which such activity can acquire a virtually unlimited volume. Against the backdrop of the rapid pace of digital transformation of the economy and scientific and technological progress, there is an expansion of the role of the entrepreneurial component in the activities of non-commercial organizations, leading to a blurring of the boundaries between their main and auxiliary activities, to the emergence of a situation where a socially useful goal can specifically cover up the goal of making a profit, which, in turn, smooths out the distinctive features of non-commercial organizations, making them essentially very similar to commercial ones.

Keywords: digitalization, law, commercial and non-profit organizations, entrepreneurial activity, criteria of differentiation

Введение. Актуальность темы обусловлена высокой интегрированностью в повседневную реальность цифрового пространства, открывающего новые возможности для наращивания объемов предпринимательской деятельности в ходе широкого использования цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности общества. Процессы цифровизации неизбежно оказывают значительное влияние на темпы коммерциализации некоммерческих организаций, ставя под сомнение «безвредность» осуществляемой ими предпринимательской деятельности, ее четкую направленность на достижение цели, ради которой создана та или иная некоммерческая организация, что требует повышения прозрачности работы некоммерческого сектора (обеспечение доступа всех заинтересованных сторон к информации о миссии, целях, задачах, структуре расходов/доходов, финансовым отчетам, банковским счетам и основной деятельности некоммерческой организации), пересмотра классификационных критериев разграничения юридических лиц.

Проблемные аспекты, связанные с расширением роли предпринимательской составляющей в деятельности некоммерческих организаций, включены в область научных интересов многих отечественных и зарубежных исследователей, среди которых: Н. Е. Бодяк, О. В. Гутников, В. А. Рахмилович, Е. А. Салей, Т. В. Сойфер, М. Ю. Тихомиров, Я. И. Функ, Т. Я. Хабриева и др.

Основная часть. Роль и место цифровизации в жизнедеятельности общества и социально-экономическом развитии страны трудно переоценить. Последовательный переход к цифровому формату взаимодействия бизнеса и государства ускорил процесс реализации взаимных интересов каждой из сторон, открыл новые направления деятельности и горизонты роста для огромного числа организаций, участвующих в гражданском обороте, обрисовал перспективы эволю-

ции некоммерческого сектора, расширив рамки дискуссии о возможной комбинации социальных и экономических ресурсов.

Вопросы классификации юридических лиц, выбора универсальных критериев для их разграничения на протяжении многих лет остаются в центре внимания ученых-цивилистов, и это вполне объяснимо, так как ни к одной классификации нельзя подходить как к завершенной в силу непрерывного развития знаний об объектах образуемой системы и происходящих изменений в окружающей нас действительности. Системный образ любого объекта или явления неустойчив, и каждая, на первый взгляд, идеально выстроенная классификация со временем нуждается в своем совершенствовании, так как она не статична, ей свойственна подвижность, в результате чего появляются новые или укрупняются уже имеющиеся классификационные ступени исследуемого множества, происходит переоценка набора существенных признаков того или иного элемента, при этом взаимосвязь структурных элементов друг с другом демонстрирует целостный характер выстроенной конструкции. Изменчивость внутреннего содержания системы неизбежно приводит к его несоответствию выбранной форме, что в конечном итоге разрешается «сбрасыванием» старой и возникновением новой формы, адекватной новому содержанию.

Отмеченная закономерность позволяет говорить о возможности изменения действующих законодательных и доктринальных подходов к классификации юридических лиц, а также о выборе более универсального критерия их разграничения в целях четкого формализованного описания каждого элемента, включенного в объем рассматриваемого понятия.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК), аналогично, как и в законодательстве иных государств – членов ЕАЭС, все множество юридических лиц полностью делится на два взаимоисключающих класса – коммерческие и некоммерческие организации. Данная дихотомия закреплена в ГК с 1998 года, соответствует классификации, предложенной в модельном Гражданском кодексе для государств – участников СНГ, и до настоящего времени остается неизменной.

Нормативно установленные в п. 1 ст. 46 ГК признаки, по которым осуществляется разграничение юридических лиц, присущи лишь коммерческим юридическим лицам: «организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и (или) распределяющие полученную прибыль между участниками». Если юридическое лицо не соответствует критерию «быть коммерческим», т. е. у организации одновременно отсутствуют оба указанных признака, то она признается некоммерческой.

Вместе с тем, в законодательстве нет строгого ограничения относительно возможности осуществления некоммерческими организациями предпринимательской деятельности, соответствующей целям, ради которых они созданы, и отвечающей предмету деятельности данных организаций (ч. 4 п. 3 ст. 46 ГК). Однако, к примеру, М. Ю. Тихомиров на этот счет обоснованно подмечает: «...на практике не всегда удается найти оптимальное соотношение собственно некоммерческой и предпринимательской деятельности в рамках одной организации.» [1. С. 124].

И такая сложность определенно существует, так как на сегодняшний день не выработано каких-либо ориентиров, позволяющих достоверно провести «функциональный тест» и определить, в каком процентном соотношении находятся между собой основная и неосновная деятельность некоммерческой организации, что обусловлено, как правило, тесной взаимосвязью общественно полезной цели и цели извлечения прибыли. Соответственно, критерий цели, как один из ключевых классификационных признаков разграничения юридических лиц, проявляет свою неэффективность, что обуславливает повышение рисков, приводящим к ситуациям, когда одна цель специально прикрывает другую.

Отраженная позиция находит поддержку у многих ученых. Так, И. В. Дойников в своих научных исследованиях резюмирует: «Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации в хозяйственном обороте фиктивно, так как некоммерческие организации активно занимаются предпринимательской деятельностью.» [2. С. 22].

Кроме того, существуют некоммерческие организации, у которых нематериальная цель всегда сопряжена с материальным результатом (например, международный арбитражный (третейский) суд осуществляет свою деятельность только на возмездной основе) [3].

О существовании весьма зыбкой грани между коммерческими и некоммерческими организациями говорит и О. В. Гутников, который обращает внимание, что «с формально-юридической точки зрения фактически различный правовой режим осуществления приносящей прибыль деятельности для коммерческих и некоммерческих организаций «представляет собой грубое нарушение принципа равенства участников гражданских отношений ...» [4. С. 54].

Причина несовершенства выбранных классификационных критериев, по мнению Д. И. Степанова, во многом кроется во «... все возрастающей коммерциализации некоммерческих организаций и сглаживанием различий между двумя типами организаций.» [5. С. 14], что, в свою очередь, во многом обусловлено процессами цифровизации, которые трансформируют традиционную экономику, открывают новые рыночные ниши, повышают качество, доступность и скорость оказания услуг, изменяют рыночную конъюнктуру, способы ведения бизнеса и получения прибыли, подстраивают работу многих организаций под индивидуальные вкусы потребителей. В связи с отмеченным, в условиях современных реалий мы сталкиваемся с множеством примеров, когда некоммерческие организации осуществляют свою деятельность исключительно на возмездной основе, но в соответствии с целями, ради которых они созданы. В частности, спортивные школы, школы искусств, танцевальные студии, имеющие, как правило, организационно-правовую форму некоммерческой организации, зачастую формируют только платные группы, и все свои услуги оказывают исключительно возмездно.

Кроме того, в рамках отдельных сфер деятельности можно встретить широкий спектр организационно-правовых форм юридических лиц (коммерческих и некоммерческих). Так, в РФ, согласно данным ЕГРЮЛ, такие футбольные клубы Российской премьер-лиги (РПЛ), как «Зенит», ЦСКА, «Спартак», «Локомотив», а также «Ростов», московское «Динамо» и «Урал» являются акционерными обществами. Три клуба РПЛ – «Краснодар», «Рубин» и «Сочи» – избрали формат

общества с ограниченной ответственностью. Среди некоммерческих юридических лиц в футболе РФ в составе РПЛ можно назвать «Химки», «Арсенал Тула», «Ахмат», «Уфа», «Ротор» и «Тамбов», которые имеют организационно-правовую форму автономных некоммерческих организаций.

Расширение роли предпринимательской составляющей в деятельности некоммерческих организаций, когда в ней превалирует возмездно-эквивалентный элемент, требует рассмотрения иных подходов к классификации юридических лиц. Однако категорически заявлять о нецелесообразности легально выстроенной дихотомии юридических лиц мы не можем во избежание серьезного нарушения системы норм о юридических лицах [6].

М. Ю. Тихомиров выход из сложившейся ситуации видит в нормативном закреплении всех видов деятельности, которые может осуществлять некоммерческая организация, так как именно «законодатель должен обеспечить такой правовой режим деятельности некоммерческих организаций, при котором необходимое ведение предпринимательской деятельности не превратилось бы в основную цель и не отодвинуло бы уставные цели организации на второй план.» [1. С. 125].

В свою очередь, ряд ученых предлагает руководствоваться при разграничении юридических лиц функциональным (филантропическим) подходом, суть которого заключается в определении факта осуществления или неосуществления той или иной организацией функции коммерческой организации по ведению предпринимательской деятельности. Соответственно, некоммерческой организацией следует считать только ту организацию, которая преследует общепользные цели не только декларативно, но и фактически.

Иного мнения относительно деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие придерживаются сторонники формального подхода, указывая на присущее ему качество определенности и официальности. При таком подходе для некоммерческих организаций полностью исключается возможность ведения основных видов «активной» предпринимательской деятельности. Более того, установление четких ориентиров в отношении некоммерческих организаций, следуя формальному подходу, предполагает закрепление в законодательстве положения о том, что такая организация не может иметь целью своей деятельности извлечение прибыли – ни в качестве основной, ни в качестве дополнительной.

С нашей точки зрения, формальный подход в юридической науке хотя и является базовым, однако не может «в одиночку» решить широкий круг вопросов, возникающих перед ней, особенно с учетом темпов цифрового развития экономики. Таким образом, представляется, что при разграничении юридических лиц наиболее оптимальным и обоснованным будет являться сочетание обоих подходов. В частности, О. В. Гутников, придерживаясь данной позиции, заключает: «Основное значение должен иметь последовательно проводимый «формальный» подход, однако для случаев «отступления» от этого подхода (юридических или фактических) должен автоматически включаться «функциональный» подход, последовательно обеспечивающий принцип равенства в правовом регулировании для любых организаций (коммерческих и некоммерческих), осуществляющих предпринимательскую или приносящую доход деятельность.» [4. С. 57].

Заключение. Резюмируя сказанное, приходим к выводу, что цифровизация является одной из причин расширения роли предпринимательской составляющей в деятельности некоммерческих организаций, что создает определенные предпосылки для пересмотра подходов к классификации юридических лиц, так как в ряде случаев в деятельности некоммерческой организации превалирует возмездно-эквивалентный элемент, что не позволяет, опираясь на нормативно установленные критерии, провести четкую грань между двумя видами организаций. Наблюдаемая на фоне процессов цифровизации все возрастающая коммерциализация некоммерческих организаций потребовала рассмотрения различных концептуальных позиций к разграничению юридических лиц. В результате сравнительного анализа нами был сделан выбор в пользу формально-функционального подхода, который позволяет в должной мере соблюдать принцип равенства участников гражданских отношений. Кроме того, усматривается целесообразность закрепления в ГК возможности распространения на некоммерческую организацию в части осуществления ею предпринимательской деятельности положений законодательства, применимых к коммерческим организациям.

Список литературы

1. Комментарий к Федеральному закону «О некоммерческих организациях» (постатейный) / С. М. Айзин, С. В. Соловьева, М. Ю. Тихомиров, Ю. А. Тихомиров; под общ. ред. М. Ю. Тихомирова – М.: Издание Тихомирова М. Ю., 1998. 306 с.
2. Дойников И. В. Современный этап кодификации гражданского и предпринимательского законодательства: итоги и проблемы // Российский судья. – 2009. – № 5. С. 21–28.
3. Функ Я. И. Сферы деятельности некоммерческих организаций // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.
4. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2019. – 488 с.
5. Степанов Д. И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. – 2007. – Т. 7, № 3. – С. 13–60.
6. Салей Е. А. Законодательство о юридических лицах в контексте реформирования Гражданского кодекса Республики Беларусь и интеграции в рамках ЕАЭС [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32805582 (дата обращения: 15.07.2024).

Н. И. Минкина,

кандидат юридических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕДИАЦИИ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. Предметом настоящего исследования является процедура медиации и ее онлайн-применение в частноправовых отношениях, а также перспектива появления цифрового медиатора в нашей стране. Автор статьи делает вывод об органичности применения института медиации в ряде цивилистических отношений, таких как: семейные, трудовые, гражданские, коммерческие и другие отношения. Указывается на формирование практики по внедрению медиации в онлайн-формате, несмотря на отсутствие прямой законодательной ее регламентации. Отмечаются конкретные проблемные и нерешенные законодателем актуальные вопросы по применению цифровой медиации, в том числе с учетом мнения профессиональных медиаторов по итогам проведенного социологического опроса. Обосновывается авторский взгляд о необходимости сохранения профессии медиатора и реализации медиативной помощи в лице человека, а не искусственного интеллекта.

Ключевые слова: медиация, цифровые платформы, частноправовые отношения, онлайн-медиация, цифровой медиатор, модернизация законодательства

DIGITALIZATION OF MEDIATION AND PRIVATE LAW RELATIONS

Abstract. The subject of this study is the mediation procedure and its online application in private law relations, as well as the prospect of the emergence of a digital mediator in our country. The author of the article concludes that the institution of mediation is limited in a number of civil relations, such as family, labor, civil, commercial and other relations. It is pointed out that the practice of introducing mediation in an online format is being formed, despite the lack of direct legislative regulation of it. Specific problematic and unresolved topical issues on the use of digital mediation are noted by the legislator, including taking into account the opinion of professional mediators based on the results of a sociological survey. The author's view on the need to preserve the profession of mediator and the implementation of mediation assistance in the person of a person, rather than artificial intelligence, is also substantiated.

Keywords: mediation, digital platforms, private law relations, online mediation, digital mediator, modernization of legislation

Введение. Ускоренное развитие информационных технологий как в России, так и во всем мире, приводит к неизбежной и постепенной цифровизации частноправовых отношений. При этом актуальными становятся одновременно как вопросы о целесообразности использования определенных цифровых плат-

форм или необходимости их разработок в унифицированном формате (технические аспекты), так и правовые основы и условия их внедрения в жизнь россиян (юридические аспекты).

Одним из важных и потенциально богатых институтов для благополучного развития цивилистических отношений является социально-правовой институт медиации, реализуемый согласно нормам Федерального закона № 193-ФЗ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) с 1 января 2011 года. Несмотря на то, что в настоящее время медиация в нашей стране используется не вполне активно, она фактически является самой распространенной примирительной процедурой из всех возможных форм примирения. При этом проведение научных исследований в сфере выбранной проблематики затруднено в силу отсутствия ведения общего российского статистического учета по процедурам медиации (судебным, внесудебным и досудебным).

Большинство ученых, практикующих юристов, психологов и медиаторов отмечают преимущества процедуры медиации по сравнению с иными внеюрисдикционными формами защиты права и судебной защитой. Наиболее органично медиация выглядит в защите частных прав, поскольку эта процедура является гибкой, ограничена названным законом, имеющим «рамочное действие», императивно регулирующим лишь отдельные нюансы (к примеру, договоры, сопровождающие медиацию, сроки ее проведения, порядок выбора и назначения медиатора, его оплата и т. п.), а также, что важно, основана на равноправии сторон. Кроме того, медиация направлена на сохранение партнерских отношений в гармоничном русле взаимодействия, ориентирована на урегулирование возникающих споров и конфликтов на взаимоприемлемых условиях (по договоренности самих сторон), с соблюдением конфиденциальности сведений.

Развитие цифрового пространства в современном обществе особенно актуализирует применение медиации при возникновении бизнес-споров, в сфере возрастающей интернет-торговли, в том числе при защите прав потребителей, при получении гражданами каких-либо онлайн-услуг и пр. Причем окружающая нас онлайн-среда со временем явно будет иметь тенденцию к расширению, а следовательно, будет возрастать потребность таким же онлайн-образом урегулировать возникающие конфликты. В этой связи следует уделить внимание вопросам происходящей цифровизации медиации.

Основная часть. В рамках настоящего исследования в области частно-правовых отношений по вопросам, возникающим на стыке медиации и цифровых технологий, отметим два актуальных направления.

Во-первых, это использование на практике различных цифровых сервисов для проведения медиативных сессий (всех или отдельных) в формате онлайн. Это относится как к частноправовым спорам, так и иным спорам, являющимися медиабельными согласно ст. 1 Закона о медиации.

Констатируем факт, что бессмысленно отрицать привлекательную возможность проведения онлайн-медиации в целом и отдельных медиативных сессий в ее процедуре. Цифровая медиация набирает свои обороты по частоте ее использования как за рубежом [11. С. 194–197], так и в России. Например, с 2018

г. АНО «Медиация» в Пермском крае экспериментально применяет сервисы программы «Мобильный медиатор» [8]. С 2022 г. также появились видеоплатформы: «Webinar» и «TrueConf» (как аналоги западных цифровых сервисов), которые, по данным специалистов, показали свой потенциал в урегулировании споров с помощью процедуры медиации [1. С. 14; 6].

Для подробного и глубокого изучения обозначенной проблематики с февраля 2023 г. по июнь 2024 г. проведен социологический опрос в форме анкетирования, опрошен 71 профессиональный медиатор из разных регионов страны, преимущественно из Алтайского края.

По итогам опроса профессиональных медиаторов следует сказать о том, что 57,7 % из них отрицали соответствующий опыт в своей жизни, а оставшиеся 42,3 % респондентов сталкивались в своей практике с онлайн-медиацией (либо сами принимали в ней непосредственное участие). В целом положительный ответ на данный вопрос у большей части специалистов, даже если они не занимаются практикующей медиацией, свидетельствует об очевидном факте перемен жизни, в которой как данность встречаются медиативные встречи и (или) подготовка к ним в дистанционной форме.

Преимущества таких встреч и онлайн-медиации в целом не вызывают дискуссий [6; 1. С. 14]. Прежде всего, они заключаются в удобстве, практичности и экономии времени, мобильности и возможности выбора медиатора по имеющейся в стране географии, в том числе в другом субъекте России, не по месту проживания и нахождения спорящих сторон, а также возможно снижение эмоционального уровня конфликтующих сторон и их финансовых издержек. Во всем остальном при применении онлайн-медиации вопросов больше, чем ответов на них, и связано это с соответствующим нормативным правовым регулированием.

В действующем Законе о медиации напрямую не закреплена возможность реализации данной процедуры в дистанционной или гибридной форме. В этой связи при толковании норм закона для внедрения медиации в онлайн-формате возникает немало проблем, в частности, прямо не предусмотрена возможность подписания медиативного соглашения электронными подписями, а в случае нотариального удостоверения этого соглашения потребуется личное присутствие сторон и медиатора. Также особым препятствием является соблюдение принципа конфиденциальности информации в процедуре медиации согласно ст. 5 Закона о медиации, что затруднительно обеспечить и гарантировать медиатору при ее онлайн-использовании. И если трудности с верификацией стороны спора еще могут быть сняты, как минимум, путем подтверждения личности посредством предъявления документа и официального направления его скан-копии медиатору, то достоверно и точно исключить присутствие третьих лиц, кроме спорящих сторон, в процедуре медиации, проводимой в дистанционной форме, весьма затруднительно.

Перечисленные в неисчерпывающем виде обстоятельства существенно ограничивают и сдерживают развитие онлайн-медиации в нашей стране. И хотя во всем мире наблюдается устойчивый рост применения механизмов дистанционного внесудебного урегулирования конфликтов, в отношении использования таким образом медиации в России требуется отдельная правовая регламентация.

С данным утверждением, по сути, согласилось большинство респондентов – 64,8 % опрошенных медиаторов, и аргументами их позиции стали указание на ее сложность внедрения, а также наличие особенностей в отличие от классической медиации (проводимой в формате офлайн), которые свидетельствуют о становлении отдельного ее вида.

В качестве специфики дистанционной процедуры медиации можно выделить: необходимость получения согласия сторон на ее проведение с оформлением соответствующего соглашения на проведение процедуры медиации (ст. 8 Закона о медиации); инструктаж сторон по правилам использования цифровой программы; усложненная задача для медиатора по установлению и удержанию эмоционального контакта, а равно организации и контролю переговоров в эффективном их проведении; исключение присутствия третьих лиц при видеовстречах, также как и исключение неоговоренных между сторонами записей медиативных сессий и поспешности в принятии решения по условиям медиативного соглашения; обеспечение ограниченного доступа в используемую цифровую среду посредством индивидуальных ссылок и паролей, профилактика минимизации технических сбоев [10. С. 513–514] и многие другие. Очевидно, что отмеченные особенности потребуют от медиатора специальной обдуманной и надлежащей подготовки к онлайн-медиации, и дополнительно возможно консультирование с IT-специалистом. Кроме того, так называемая, «электронная (цифровая)» медиация с учетом перечисленных обстоятельств повышает уровень ответственности медиатора.

Во-вторых, как известно, в цифровую эпоху происходит смена одних профессий и появление новых, наблюдаются тенденции, когда «умные» машины освобождают человека от рутинной и монотонной работы, чат-боты облегчают его труд, а производство работодателей отчасти автоматизируется и роботизируется [9]. Коснется ли сказанное медиатора и можно ли говорить о перспективах появления в нашей стране некоего цифрового медиатора?

Принимая во внимание дискуссионный характер обозначенного вопроса, обратимся к профессиональному мнению. Результаты анкетирования продемонстрировали преимущественно отрицательный ответ на поставленный вопрос: 76,1 % респондентов уверены в том, какой бы ни была «умной» машина человеческий труд медиатора она полностью не заменит. Но 15,5 % – не отрицают такую замену, но в далеком будущем с учетом развития IT-технологий, а 5,6 % респондентов предположили, что это вполне возможно с учетом уже существующего ускоренного развития цифровых технологий в современной жизни, оставшиеся (2,8 %) затруднились выстроить прогноз по данному вопросу.

Любопытно заметить, что в науке за последние несколько лет в единичных случаях можно встретить рассуждения о возможностях применения искусственной нейронной сети в проведении процедуры медиации. Так, Д. Т. Галеев рассматривает это как перспективную идею, соответствующую задачам медиации, полагая, что сеть посредством веб-портала или мобильного приложения с процедурой справится «обезличено и объективно согласно установленным принципам медиации» [5. С. 67–68]. Однако думается, что в силу уникальности и многооб-

разия конфликтов, вряд ли можно безошибочно предусмотреть и заложить все возможные алгоритмы по спорным ситуациям в машине.

В продолжение полемики Е. Р. Брюхина и Е. А. Черткова полагают, что на сегодня преждевременно говорить об искусственной нейронной сети в процедуре, более того, в этом нет необходимости, поскольку не учтена специфика медиации, а именно – индивидуальный подход к каждому случаю и психологическая связь участников процедуры [2. С. 133–134].

Аргументируя и разделяя позицию большинства медиаторов, выразивших свое мнение в проведенном социологическом опросе, нужно отметить ценность качеств медиатора и особенности его деятельности. Последнее связано с необходимостью реализации медиатором индивидуального подхода к каждой конкретной ситуации, под запрос сторон, ориентируясь на их интересы. А это будет иметь субъективную окраску, и вряд ли можно предусмотреть данное обстоятельство в программном продукте. Более того, условия медиативного соглашения в идентичных случаях могут существенно отличаться в силу их индивидуальной выработки сторонами, и унифицировано запрограммировать это также невозможно, иначе велик риск некачественного оказания машинной медиативной помощи.

Говоря же про личность медиатора, он должен обладать определенными качествами: быть дипломатом, обладающим психологической устойчивостью и навыком активного слушания, быть целеустремленным и гибким, стремиться к саморазвитию. Это своего рода «общечеловеческий моральный» стандарт для медиаторов, и, как видно, указанный, хотя и неисчерпывающий список качеств медиатора в своей совокупности не может быть присущ машине, под описанный образ подойдет исключительно человек, причем, отдельные свойства из числа перечисленных приобретаются после соответствующего обучения и с накоплением определенного профессионального опыта.

Кроме того, медиативная компетентность сегодня является бесспорным важным качеством при подготовке иных специалистов «помогающего» профиля, что имеет свою ценность при осуществлении ими своей профессиональной деятельности. В этой связи любопытен тот факт, что опрошенные медиаторы единодушно склонны считать, что соответствующие профессиональное обучение и медиативная компетентность пригодились им в целом в их жизни (личной, профессиональной). Таким образом, целесообразно работать в соответствующем направлении над человеческими ресурсами, и наоборот, нецелесообразно в профессии медиатора решать вопрос о его полной замене искусственным интеллектом.

В то же время гипотетически можно предположить, что общую непродолжительную информативную встречу со сторонами, где обозначается процедура медиации и ее правила, может быть организована посредством чат-бота (как электронного помощника медиатора и под контролем последнего), при наличии согласия сторон. Последнее обусловлено тем, что не для каждой стороны этот вариант коммуникации окажется подходящим и приемлемым, в большинстве случаев людям нужен «живой» диалог, и не стоит общество лишать этого ценного ресурса. В остальных же вопросах и этапах проведения примирительной процедуры по

смыслу профессии требуется личное присутствие медиатора как человека и профессионала, способного помочь в урегулировании конфликта [7. С. 67–68].

Заключение. Существующие современные достижения в области технологий и цифровых коммуникаций, а также перспектива их расширенного применения в частноправовых отношениях приводит к закономерному переходу на «цифру». Вместе с тем данный переход в новых горизонтах должен быть разумным и обдуманым, целесообразным и юридически обоснованным – лишь в этом случае можно говорить о перспективном благополучном развитии общества и государства.

Медиация, как социально полезный инструмент, наряду с иными средствами позволит обеспечить эффективный вектор такого будущего развития в цифровую эпоху. При этом профессия медиатора, как помогающая, необходима в сохранении ее осуществления человеком, а не «умной» машиной. Полное роботозамещение по ней представляется в принципе опрометчивым.

Кроме того, как выше указано, законодательство, которым регулируется процедура медиации, нуждается в своем совершенствовании. На сегодняшний день практика применения цифровой медиации опережает процесс издания нормативных правовых актов в данном вопросе. Прежде всего, в контексте поднятых в настоящей работе проблем это касается уточненной законодательной регламентации онлайн-медиации (в частности, порядок обмена цифровыми документами между участниками медиативной процедуры, необходимость наличия соответствующих цифровых подписей у спорящих сторон и медиатора, установление дополнительных мер по обеспечению конфиденциальности процедуры, ограничение деятельности непрофессионального медиатора и др.). По сути, обозначенная законодательная конкретизация будет направлена на обеспечение принципов законности и безопасности цифровой медиации, профессионализма медиатора.

В свою очередь, особый порядок проведения медиации в дистанционной форме потребует от медиатора определенного уровня цифровой компетентности и специальной подготовки со сторонами к медиативным сессиям. Соответственно и при подготовке профессиональных медиаторов данное обстоятельство также предстоит учесть при актуализации программ по их обучению.

Высказываемые в юридической литературе предложения об интегрировании модели примирения в судебную деятельность с использованием цифровой платформы «Правосудие онлайн» [4. С. 29–30], вне всякого сомнения, заслуживает поддержки. Однако следует принять во внимание то обстоятельство, что оно имеет ограниченные пределы реализации, поскольку сказанное коснется исключительно медиации в качестве досудебной формы примирения.

Между тем внесудебная медиация имеет больший положительный потенциал для регулирования частноправовых и иных отношений, поэтому нуждается в соответствующей государственной поддержке. Навряд ли, в этом случае целесообразно ограничение рамками единой цифровой платформы для реализации онлайн-медиации. Эту же позицию разделяют и другие исследователи. Так, по мнению А. Е. Бултиковой, электронная медиация, как составная часть юрисдикционного процесса, невозможна на отдельном цифровом портале [3. С. 76].

Так же как во многом цивилистические отношения основаны на свободе договора и недопустимости какого-либо вмешательства в частные дела (ст. 1 ГК РФ), медиация в онлайн-формате должна реализовываться добровольно сторонами спора (ст. 2 и ст. 3 Закона о медиации), с сохранением права выбора определенного цифрового сервиса. Это позволит обеспечить доступность медиативной процедуры; сохранить ее предусмотренный законом добровольный характер; обеспечить гибкость отношений и динамичность социальных связей; оперативность в наработке медиативной практики и приобретении гражданами опыта по участию в примирении и, тем самым, повысить востребованность института медиации в российском обществе.

Список литературы

1. Агафонов А. С. Сложности и перспективы онлайн-медиации // Медиация в образовании: социокультурный контекст: Материалы IV Международной конференции, Красноярск, 14–15 окт. 2022 г. / под общ. ред. О. Г. Смоляниновой. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. – С. 12–15.
2. Брюхина Е. Р., Черткова Е. А. Медиация как альтернативный способ урегулирования семейных споров в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета // Право. – 2021. – № 40. – С. 133–147.
3. Бултикова А. Е. Онлайн-медиация в гражданском судопроизводстве // Медиация в образовании: социокультурный контекст: материалы IV Международной конференции, Красноярск, 14–15 октября 2022 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2022. – С. 75–77.
4. Бурдина Е. В., Капустин О. А. Онлайн примирение как средство повышения доступа к правосудию // Право и политика. – 2021. – № 12. – С. 29–45.
5. Галеев Д. Т. Использование искусственной нейронной сети в целях медиации // Медиация в современном мире: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 30 апр. 2019 г. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 66–68.
6. Ждан-Пушкина Д. Онлайн-медиация: преимущества, подготовка к слушанию и обеспечение конфиденциальности [Электронный ресурс] // Закон. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/27/onlajnmediaciya_preimuschestva_podgotovka_k_slushaniyu_i_obespechenie_konfidencialnosti (дата обращения: 07.08.2024).
7. Минкина Н. И. Профессия медиатора: актуальные вопросы нормативного регулирования в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 4(55). – С. 62–71.
8. Право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. – М.: Проспект, 2022.
9. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, А. А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2024.
10. Чернышева А. С. Перспективы развития онлайн-медиации // Вопросы российской юстиции. 2023. – № 29. – С. 510–516.

11. Чеховская С. А. Примириительные процедуры: актуальные вопросы цифровой медиации // Внесудебное и судебное примирение: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 24 мая 2022 г.) / отв. ред. Е. В. Михайлова. – М., 2023. – С. 189–199.

А. С. Киселев,
кандидат юридических наук,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
О. С. Новик,
студентка 4 курса,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ ДЛЯ РАСЧЕТОВ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Актуальность изучения темы правового регулирования в законодательстве Российской Федерации в контексте того, что биткоин стал восьмым по капитализации активом в мире в марте 2024 года [1], обойдя серебро, огромна. Этот факт подчеркивает не только растущую значимость криптовалюты, но и необходимость регулирования их использования в финансовых операциях с учетом российского законодательства: необходимо защищать права вкладчиков, но в то же время не отстать от современных веяний.

Ключевые слова: финансовый актив, цифровые финансы, цифровой финансовый актив, криптовалюта, биткоин, правовое регулирование, государственное регулирование, право

PROSPECTS FOR THE USE OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS FOR SETTLEMENTS IN ACCORDANCE WITH THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The relevance of studying the topic of legal regulation in the legislation of the Russian Federation in the context of the fact that bitcoin became the eighth most capitalized asset in the world in March 2024, surpassing silver, is enormous. This fact highlights not only the growing importance of cryptocurrencies, but also the need to regulate their use in financial transactions, taking into account Russian legislation: it is necessary to protect the rights of depositors, as well as keep up with global trends in the use of digital assets for settlements.

Keywords: financial asset, digital finance, digital financial asset, cryptocurrency, bitcoin, legal regulation, government regulation, right

Введение. Сегодня Российская Федерация является одним из мировых лидеров по майнингу криптовалют, данный рынок в нашей стране можно считать развитым.

Основная часть. В судебном решении Верховного суда США от 21 июня 2018 года (дело *Wisconsin Central Ltd. против Соединенных Штатов*), упоминается биткоин. В своем мнении Верховный суд США отмечает, что определение денег менялось со временем и что «возможно, когда-нибудь сотрудники будут получать зарплату в биткоинах или какой-либо другой криптовалюте...» [12]. Это важное упоминание биткоина в судебном решении Верховного суда США подчеркивает изменение восприятия и роли криптовалют в современном мире. Учитывая, что Верховный суд является высшим судебным органом в США и имеет огромное влияние на юридическую практику и законотворчество в стране, а также транслирует свою позицию и на практику правоприменения в иных странах.

Это также указывает на то, что криптовалюты, такие как биткоин, становятся все более признанным средством обмена и хранения стоимости, даже в контексте юридических споров, в том числе и в науке. Предположение о том, что криптовалюты могут стать формой оплаты работы, подчеркивает их потенциал как альтернативного средства платежа, которое может существенно изменить финансовые отношения в будущем.

Положительные сдвиги касательно легализации цифровых финансовых активов в нашей стране произошли в текущем году. Президент России В. В. Путин подписал закон, позволяющий с 1 сентября 2024 года осуществлять трансграничные расчеты и биржевые торги цифровой валютой в рамках экспериментальных правовых режимов (ЭПР) [9].

Заниматься майнингом смогут юрлица и индивидуальные предприниматели, включенные в реестр Минцифры. Россияне, не являющиеся ИП, смогут заниматься майнингом цифровой валюты без включения в реестр, если не превышают установленные правительством лимиты энергопотребления.

По мнению О. В. Лосевой, сущность цифрового актива раскрывается через совокупность трех основных составляющих:

1. Экономическая составляющая включает финансовые, стоимостные и бухгалтерские аспекты. Это означает, что цифровой актив имеет определенную стоимость и может быть использован в качестве средства обмена, хранения стоимости или инвестиций. Финансовый аспект связан с оборотом и использованием цифровых активов в экономических процессах, включая операции покупки, продажи и инвестирования.

2. Юридическая составляющая включает гражданско-правовые аспекты и цифровые права, в том числе утилитарные. Это означает, что цифровые активы подпадают под определенные правовые нормы и регулирование, которые определяют их правовой статус, владение, передачу и использование. Учитывая уникальные свойства цифровых активов, таких как возможность программирования условий и автоматизации сделок, необходимо разработать соответствующие юридические рамки для защиты интересов участников сделок и обеспечения их безопасности.

3. Технологическая составляющая связана с идентификацией в информационной системе как результат применения цифровой технологии [8]. Это означает, что цифровые активы могут быть созданы, сохранены и передаваться с использованием различных цифровых технологий, таких как блокчейн и криптография. Эти технологии обеспечивают прозрачность, безопасность и неподдельность цифровых активов, что делает их привлекательными для использования в различных областях, включая финансовые и технологические сектора.

Криптовалюта, как форма цифровой валюты, сегодня становится предметом законодательного регулирования. Однако цифровая валюта, в свою очередь, не имеет четкого определения в гражданском праве. К примеру, в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации это понятие пока не закреплено [10]. Рассмотрение криптовалюты сегодня происходит через призму классических устоявшихся терминов и понятий гражданского права. В то же время криптовалюта является важным элементом современных экономических отношений [8].

Об этом свидетельствуют официальные данные. В 2023 году в России добыли около 53 тысяч биткоинов на сумму \$3,5 млрд, сообщили в Ассоциации промышленного майнинга. Там же отметили, что в стране сформировалась полноценная криптоиндустрия. Ассоциация подчеркнула необходимость государственного регулирования. В 2023 году для майнинга было использовано около 2,5 ГВт мощности, 40 % из которых приходится на «серых» майнеров. Иными словами, биткойн и другие криптовалюты уже прочно закрепились в экономических отношениях в Российской Федерации, в то же время ввиду отсутствия легального закрепления происходили противоправные финансовые операции, махинации. Привлечь злоумышленников к ответственности было невозможно в связи с отсутствием законного механизма, обеспечивающего защиту прав собственников криптовалюты.

Случаи кражи и мошенничества с криптовалютами происходят по всему миру. Два брата за 12 секунд похитили криптовалюту на сумму \$26 млн, манипулируя блокчейном Ethereum. Они перехватывали транзакции, ожидающие подтверждения, и присваивали себе криптовалюту жертв. Антон и Джеймс Перейро-Буэно, бывшие студенты Массачусетского технологического института, использовали знания информатики и математики для создания подставных валидаторов и выявления уязвимости в коде MEV-Boost, чтобы изменять блоки. Братья тщательно скрывали свои личности и похищенные средства, используя подставные компании и зарубежные биржи, но их все же арестовали. Теперь им грозит до 20 лет тюрьмы за мошенничество и отмывание денег.

Китай признал операции с криптовалютой формой отмывания денег. Верховный суд Китая включил в закон о борьбе с отмыванием денег понятие «транзакции с виртуальными активами». Теперь перевод и конвертация цифровых активов, полученных незаконным путем, подпадают под действие этого закона. Нарушителям грозит штраф от 10 000 до 200 000 юаней (\$1400-28 000), либо тюремное заключение сроком от 5 до 10 лет. По данным Верховной народной прокуратуры, с 2019 по 2023 год число осужденных по этому закону возросло в 20 раз и превысило 2900 человек.

С учетом того, что до недавнего времени в России не было речи о появлении закона, закрепляющего защиту прав на криптовалюту, подобные махинации могли бы сойти с рук злоумышленникам.

Сегодня ЦФА представляют собой «совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут использоваться в качестве средства платежа или инвестиций, при этом не являясь денежной единицей Российской Федерации, иностранной валютой или международной денежной единицей» [9]. Из этого определения следует, что криптовалюта не является денежной единицей Российской Федерации, иностранной валютой или международной денежной единицей, а также не подразумевает обязательств перед каждым обладателем.

Вступление в силу в России в 2021 году Федерального закона № 259-ФЗ от 31 июля 2020 года «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» (далее – Закон о ЦФА) дало возможности для развития экономических отношений в отношении цифровых прав, природа которых до его принятия была неоднозначной.

Как отмечают исследователи, «для обращения по ЦФА, предоставляющим права по эмиссионным ценным бумагам или право на передачу таких бумаг, необходимо обращаться к лицу, ответственному за ведение реестра держателей ценных бумаг. Однако в случае выпуска акций в виде ЦФА, регистратором и хранителем становится оператор платформы по выпуску ЦФА. Согласно ст. 5 Закона о ЦФА, такой оператор ведет реестр владельцев ценных бумаг в информационной системе, создавая специальный реестр токенизированных активов» [2. С. 176–179].

В соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Далее проведем анализ текущего состояния использования цифровых финансовых активов для расчетов в России. Цифровые финансовые активы в Российской Федерации широко используются в различных сферах, таких как расчеты, инвестирование и управление финансами. Они представляют собой новый класс финансовых инструментов, внедрение которых за год после старта показало впечатляющий рост и развитие. ЦФА выпускаются как финансовыми учреждениями, так и компаниями из различных секторов, включая предприятия малого и среднего бизнеса.

В настоящее время большинство выпусков ЦФА имеют краткосрочный срок обращения. Это может указывать на то, что рынок ЦФА находится на стадии формирования и экспериментов, где эмитенты и инвесторы еще изучают потенциал этого класса активов и оптимальные способы их использования. ЦФА

обычно характеризуются фиксированными ставками и выплатой купонов за время обращения. Однако есть и более сложные инструменты с привязкой к стоимостным характеристикам различных активов или обеспеченные обязательствами третьих лиц.

Инфраструктура рынка ЦФА находится на завершающей стадии формирования. Операторы обмена регистрируются, создаются внебиржевые площадки, что свидетельствует о стремлении к созданию полноценного вторичного рынка ЦФА. Кроме того, происходит работа над созданием систем, способствующих более удобному доступу к данным активам и повышению прозрачности рынка [11].

Согласимся с мнением С. Л. Зарубина, согласно которому «использование ЦФА в реальном секторе экономики позволяет усилить инвестиционный климат, развить инфраструктуру и обеспечить доступ к финансовым инструментам для различных категорий инвесторов. Выпуск ЦФА может помочь компаниям из реального сектора решить задачи по привлечению заемного капитала и обеспечению его ликвидности через токенизацию» [4].

Помимо секторов, упомянутых выше, использование цифровых финансовых активов (ЦФА) может оказать значительное воздействие и на другие сферы экономики России. В частности, сфера торговли и розничной торговли может воспользоваться преимуществами ЦФА для облегчения платежных транзакций как внутри страны, так и на международном уровне. Это позволит снизить издержки на транзакции и ускорить процесс расчетов между торговыми партнерами.

Также использование ЦФА может быть полезно для сферы туризма и гостиничного бизнеса. Введение цифровых платежных средств может сделать оплату услуг более удобной и безопасной. Помимо этого, в расчетных отношениях предполагается применять программы, основанные на искусственном интеллекте, которые, как отмечают исследователи, имеют значительный потенциал в регулировании общественных отношений в будущем [5. С. 6–10; 6. С. 151–155; 7. С. 146–152; 13. С. 126–130]. В целом использование ЦФА в различных сферах экономики России может сыграть важную роль в современной цифровой экономике, обеспечивая более эффективные и безопасные финансовые операции, стимулируя экономический рост и улучшая доступ к финансовым услугам для различных секторов населения.

Далее попробуем дать оценку возможных препятствий и рисков при внедрении цифровых финансовых активов в расчетно-финансовую деятельность хозяйствующих субъектов в России.

В сфере финансовых инвестиций ключевым вопросом, который привлекает внимание, являются риски и интересы инвесторов, особенно тех, кто является гражданскими инвесторами. За последнее время ЦФА привлекают все большее внимание, но при этом они сопровождаются нестабильностью и отсутствием гарантий возврата инвестиций. Поэтому важно рассмотреть, какие риски могут возникнуть для инвесторов и как можно снизить их воздействие. Далее подробнее рассмотрим основные аспекты рисков и интересов, связанных с инвестициями в цифровые финансовые активы [3. С. 105].

Сегодня особо актуальны следующие риски:

– инвесторские риски;

– системный риск (представляет потенциальное негативное событие, которое может нарушить функционирование экономической системы. Например, сбой в банковской платежной системе может временно нарушить денежные переводы клиентов, что может повлечь невыполнение финансовых обязательств получателями инвестиций);

– инвестиционные риски;

– инфляционный риск;

– кредитный риск (возникает при неплатежеспособности заемщика, который привлёк ресурсы с использованием цифровых финансовых активов. Если заемщик не выполняет своих обязательств, это может привести к цепной реакции неплатежей. Для предотвращения этого риска необходимо тщательно оценивать финансовую состоятельность заемщиков);

– законодательные и регуляторные (могут возникнуть из-за изменений в законодательстве).

Заключение. В контексте перспектив использования цифровых финансовых активов для расчетов в соответствии с законодательством РФ важно обратить внимание на необходимость разработки мер по легализации криптовалютных организаций. Отметим, что важнейшая мера на пути легализации криптовалюты – это создание криптовалютных бирж наряду с иными финансовыми организациями. Этот шаг позволит установить строгие нормы и стандарты для их деятельности, что повысит доверие со стороны инвесторов и обеспечит защиту их интересов.

Список литературы

1. Биткоин обошел серебро по рыночной капитализации и стал восьмым активом в мире // Сайт «Инвестинг» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.investing.com/news/cryptocurrency-news/article-2383467> (дата обращения: 11.08.2024).

2. Гирич М. Г., Ермохин И. С., Левашенко А. Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 176–192.

3. Гончарова М. В., Гончаров А. И., Споловихин О. Ю. Экономические интересы и риски участников операций с цифровыми финансовыми активами // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 105–119.

4. Зарубин С. Л. Применение цифровых финансовых активов в реальном секторе экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13, № 1А. – С. 40–48.

5. Киселев А. С., Королькова Д. А. О гражданско-правовом положении и некоторых проблемах правового регулирования искусственного интеллекта // Гражданское право. – 2024. – № 3. – С. 6–10.

6. Королькова Д. А. Искусственный интеллект как объект гражданского права // Закон и право. – 2024. – № 2. – С. 151–155.

7. Королькова Д. А. Программы искусственного интеллекта и их классификация: гражданско-правовой подход // Закон и право. – 2024. – № 8. – С. 146–152.
8. Лосева О. В. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки // Имущественные отношения в РФ. – 2022. – №2 (245). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-i-klassifikatsiya-tsifrovyyh-aktivov-dlya-tseley-stoimostnoy-otsenki> (дата обращения: 11.03.2024).
9. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
10. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М.: Инфотропик Медиа, 2022.
11. Цифровые финансовые активы – что дальше. Аналитический комментарий от 20.02.2024 г. // Сайт «Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА)» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/145/ujs2sunn3acvz49duu1bsipx68dfldi/20240220_CFFTI.pdf?ysclid=luipzen2tl423335537 (дата обращения 25.08.2024).
12. Wisconsin Central Ltd. v. United States, 585 U.S. (2018) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/585/17-530/> (дата обращения: 11.08.2024).
13. Мурадян С. В. Цифровые активы: правовое регулирование и оценка рисков // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1(1). – С. 123–151. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.5>. EDN: RIZOKS

Д. Л. Пивненко,
заместитель председателя,
комитет государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области,
соискатель,
Волгоградский государственный университет

ПРАВО НА ПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ ОБ ОБЪЕКТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ЧАСТНОПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей влияния предоставляемого субъектам частного права (физическим и юридическим лицам) объема сведений из единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, в том числе в форме электронного документа, на гражданские права и обязанности правообладателей указанных объектов, а также иных субъектов. Обосновывается положение о закрытом характере объема предоставляемых сведений, а также их недостаточности, что может напрямую воздействовать на частноправовые от-

ношения в исследуемой сфере. Аргументируется вывод о необходимости корректировки законодательства, направленной на увеличение объема предоставляемых сведений, в целях повышения информированности субъектов о состоявшихся юридических фактах в отношении объектов культурного наследия.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, право на информацию, выписка, электронный документ, объем сведений, юридические факты

THE RIGHT TO USE INFORMATION ABOUT A CULTURAL HERITAGE SITE: PRIVATE LEGAL ASPECT

Abstract. The purpose of the study is to identify the peculiarities of the impact of the volume of information provided to subjects of private law (individuals and legal entities) from the unified state register of cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation, including in the form of an electronic document, on the civil rights and obligations of the rightholders of these objects, as well as other subjects. The article substantiates the position on the closed nature of the volume of information provided, as well as their insufficiency, which can directly affect private law relations in the field under study. The conclusion is argued that it is necessary to adjust legislation aimed at increasing the volume of information provided in order to increase the awareness of subjects about the legal facts in relation to cultural heritage objects.

Keywords: cultural heritage objects, the unified state register of cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation, the right to information, extract, electronic document, amount of information, legal facts

Введение. Конституцией Российской Федерации [1] и Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН) [2] закреплена обязанность каждого по сохранению объектов культурного наследия (далее – ОКН), которой корреспондирует право на получение достоверных сведений об указанных объектах. Вместе с тем, наряду с публично-правовым режимом названные объекты обладают и правовым режимом объекта гражданских прав – «вещи и иное имущество».

Среди прочего названные обязанности и права обеспечиваются, с одной стороны, ведением государственной информационной системы – единого государственного реестра ОКН (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – Реестр), с другой – объемом предоставляемых из нее сведений, что так или иначе воздействует на положение субъектов – правообладателей ОКН, а также иных лиц, деятельность которых связана с сохранением таких объектов.

Вместе с тем законодательство Российской Федерации в части объема предоставляемых из Реестра сведений, в том числе в форме электронного доку-

мента, содержит ряд дискуссионных положений, требующих определенных дополнений и уточнений.

Исследуемая проблема характеризуется многоаспектностью, в первую очередь проявляющейся в особой для цивилистов конституционно-правовой плоскости [6. С. 37–40] и заключающейся в таком сочетании прав и обязанностей публичных и частных субъектов, которое бы в наибольшей степени способствовало сохранению ОКН.

Частноправовой аспект обусловлен тем обстоятельством, что сведения из Реестра и их состав, получаемые различными субъектами, оказывают влияние на широкий спектр складывающихся по поводу ОКН правоотношений, связанных не только с реализацией в их отношении права собственности, но и с любой не запрещенной законом деятельностью [7. С. 180–186]. Публично-правовой аспект проблемы видится не только в регламентации деятельности органов власти в исследуемой сфере, но и в балансе частных и публичных интересов, обеспечиваемом, в том числе объективным и достаточным объемом данных об ОКН.

Основная часть. Закрепленный объем сведений, в целом дает достаточно ясное представление об ОКН, поскольку содержит данные о его постановке на государственную охрану, пространственных характеристиках (за исключением объектов археологии), предмете охраны, особых правовых режимах территории объекта и зонах охраны, а также его изображение.

Также в выписке отражается информация о датах основных изменений ОКН, отождествляемых исключительно с перестройками объекта, что нельзя, по мнению автора, признать как абсолютно ясным, так и достаточным.

Во-первых, здесь встает закономерный вопрос о том, что подразумевается под вышеуказанными изменениями ОКН: соответствующие мероприятия, осуществленные до принятия объекта на государственную охрану, после данного события или же все изменения ОКН с момента его возникновения и до момента формирования выписки из Реестра.

Отсутствие однозначных ответов на поставленные вопросы ведет как к правовой неопределенности, так и открывает широкие возможности усмотрения органов власти при их разрешении, что не способствует справедливому балансу публичных и частных интересов [5. С. 27–30].

Одновременно с этим при всей дискуссионности приведенных выше проблем, по мнению автора, выписка должна содержать в первую очередь хотя бы реквизиты документов, предусмотренных статьями 36 и 45 Закона об ОКН, а при наиболее благоприятном развитии событий – и их основное содержание.

Второй предлагаемый вариант в ряде случаев может привести к формированию необоснованно массивного печатного документа (выписки), что потенциально компенсируется уточнением нормы о предоставлении его, при превышении конкретных объемов данных, исключительно в электронной форме, которая, как было показано выше, уже предусмотрена Приказом № 2089.

Иными словами, для частного субъекта – правообладателя ОКН, либо субъекта, вступающего в правоотношения по поводу ОКН, в чем бы они ни выражались, например, при совершении сделки купли-продажи, аренды, подряда и так далее или же только при оценке возможности их совершения, помимо ос-

новой информации об объекте, существенными являются данные о таких юридических фактах как работы по сохранению ОКН (разработка проектной документации или ее разделов, проведение реставрации, реконструкции и пр.).

Выписка, как единственный источник данных об объектах, в условиях, когда на стороне органов охраны ОКН отсутствует обязанность по предоставлению иных сведений и документов, что, между прочим, подтверждено соответствующей позицией Верховного Суда Российской Федерации [4] и подлежит отдельному исследованию, тем самым становилась бы для любого субъекта наиболее информативной и способствующей формированию полного представления о конкретном ОКН, в том числе при вовлечении таких объектов в гражданско-правовые сделки.

При этом уже предусмотренная НПА электронная форма документа видится здесь наиболее приемлемым и отвечающим современным тенденциями цифровизации техническим решением вопроса при работе с большими массивами данных, что подразумевается в свете потенциально возрастающего объема сведений, отражаемого в выписке из Реестра.

Заключение. В Российской Федерации осуществляется ведение Реестра, выписка из которого является единственной легализованной формой предоставления сведений об ОКН, в том числе в форме электронного документа.

Некоторые формулировки Закона об ОКН и Приказа № 2089 не обладают однозначностью и не обеспечены понятийным аппаратом в части отражаемых в выписке данных об основных изменениях объекта, что может привести к высокой степени усмотрения органов публичной власти при ее формировании.

Сказанное обосновывает необходимость уточнений законодательства Российской Федерации, в том числе в части увеличения отражаемого в выписке объема данных, а также обеспечения однозначного толкования применяемых терминов об основных изменениях ОКН, сочетающихся с транзитом формы выписки от печатного к электронному документу.

Предлагаемые изменения позволят не только устранить имеющуюся правовую неопределенность, но и окажут влияние на широкий спектр частноправовых отношений, возникающих по поводу ОКН, поскольку предполагают высокую степень информированности субъектов об уже принятых мерах по сохранению таких объектов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=m0h6v671a314944310> (дата обращения: 31.08.2024).

2. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.

3. Об утверждении формы выписки из единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и порядка ее выдачи федеральным органом охраны объектов культурного наследия и региональными органами охраны объектов культурного наследия: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13.12.2021 № 2089 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/727709242> (дата обращения: 31.08.2024).

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2022 № 305-ЭС22-7443 // Юридическая информационная система «Легалакт» [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01072022-n-305-es22-7443-po-delu-n-a40-1050072021/?ysclid=m0h5nfbpww541619277> (дата обращения: 31.08.2024).

5. Рехтина И. В. Баланс публичного и частного интересов и принцип правовой определенности в гражданском судопроизводстве // Российско-азиатский правовой журнал. – 2021. – № 1. – С. 27–30.

6. Шаронов С. А. Современное значение и проблемы охранной деятельности в Российской Федерации: цивилистический аспект // Юрист. – 2013. – № 11. – С. 37–40.

7. Шаронов С. А. Юридикто-фактические свойства договора оказания охранных услуг // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 1. – С. 180–186.

А. Е. Пономарченко,

старший преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

ПАТЕНТ НА ИЗОБРЕТЕНИЕ, СОЗДАННОЕ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. С развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ) и их интеграцией в различные сферы человеческой деятельности, возникает множество вопросов, связанных с правовым регулированием результатов, созданных с помощью ИИ. Одним из таких вопросов является правовой статус изобретений, созданных ИИ. В данной статье мы рассмотрим, кто может считаться изобретателем в случае, если изобретение было создано ИИ, и какие правовые аспекты необходимо учитывать при патентовании таких изобретений.

Ключевые слова: изобретение, патент, искусственный интеллект, патентное право, изобретатель, заявка, автор, разработчик

PATENT FOR AN INVENTION CREATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. With the development of artificial intelligence (AI) technologies and their integration into various areas of human activity, many questions arise related to the legal regulation of results created with the help of AI. One of these questions is the legal status of inventions created by AI. In this article, we will consider who can be considered an inventor if the invention was created by AI, and what legal aspects must be considered when patenting such inventions.

Keywords: invention, patent, artificial intelligence, patent law, inventor, application, author, developer

В мире, где инновации являются ключевым двигателем прогресса, значение патентов становится важнее, чем когда-либо. Патенты, которые многие считают громоздкими юридическими документами, на самом деле являются кислородом для изобретателей и корпораций, благодаря чему новые идеи могут расцветать без страха быть скопированными [6]. Получение патента защищает изобретение от кражи и копирования, помогает продвигать бизнес вперед, привлекать инвесторов и выделяться на переполненном рынке, повышает конкурентоспособность. Понимание роли патентов и того, как они работают, может помочь обеспечить надежную защиту интеллектуальной собственности.

На сегодняшний день прорывная инновация в сфере технологий – искусственный интеллект (далее – ИИ). Термин ИИ впервые был упомянут в 1956 году Джоном МакКарти на конференции в Университете Дартмута. В законодательстве РФ определение ИИ впервые закреплено в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [3]. На сегодняшний день в зарубежных странах сложились разные подходы в определении ИИ, единство отсутствует, что затрудняет правовое регулирование исследуемого феномена.

ИИ активно применяется в разных областях, таких как сельское хозяйство, промышленность, медицина и т. д. [2]. Искусственный интеллект постепенно трансформирует сферу бизнеса, при правильном его внедрении организации могут получить конкурентное преимущество не только в сфере взаимодействия с клиентами, повышения эффективности и принятия тактических, организационных решений, но и в сфере разработки и использования инноваций. Успешная предпринимательская деятельность также может зависеть от умения организаций реализовывать свой творческий потенциал. ИИ не обошел стороной и сферу интеллектуальной собственности, он способен генерировать объекты авторского и патентного права, в связи с чем возникает правовой неопределенность: подлежат ли патентованию изобретения, созданные с использованием ИИ или нет.

Статья 1350 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) (далее – ГК РФ) [1], раскрывает понятие изобретения и его характеристики, в частности:

– изобретение должно быть новым. На наш взгляд, говорить о достижении критерия новизны при генерировании изобретения полностью ИИ затруднительно

но. Проблема заключается в том, что ИИ не способен создать абсолютно новый продукт, поскольку изначально запрограммирован на «очевидную» цель, используя существующие данные;

– должно иметь изобретательский уровень. Трудность достижения указанного критерия коррелируется с первым, ИИ сложно обеспечить «неочевидность» инноваций из существующего уровня техники.

– должно быть промышленно применимо. Пожалуй, это единственный критерий, которому будет отвечать изобретение, созданное ИИ, при этом создание ИИ промышленно применимых изобретений может поспособствовать совершенствованию существующих технологий.

Что касается опыта США, то они давно признали патентоспособность изобретений, связанных с ИИ. О первых патентах можно говорить с 1963 года, патент, относящийся к искусственной нейронной сети. Однако United States Patent and Trademark Office (USPTO) выдает патенты на изобретения, если они соответствуют требуемым критериям новизны, неочевидности, полезности и патентоспособности. Хотя ИИ может быть мощным инструментом в разработке изобретений, в настоящее время законодательство США закрепляет, что только физические лица могут признаваться авторами изобретений. Следовательно, изобретениям, созданным ИИ, патентная охрана в США не предоставляется, аналогичная практика сложилась и в Великобритании.

Исходя из вышеизложенного, говорить о выдаче патента на изобретение, сгенерированное искусственным интеллектом, в рамках российского законодательства, затруднительно. Также ключевым вопросом в сложившейся ситуации является определение изобретателя, поскольку ст. 1347 ГК РФ придерживается традиционного подхода в определении автора изобретения. Искусственный интеллект не может выступать в качестве непосредственного автора изобретения, поскольку это право принадлежит человеку. Следовательно, создание изобретения человеком напрямую связано с вопросом о том, будет ли изобретение охраняться патентным правом, такой позиции придерживается большинство правовых систем.

Однако мир не стоит на месте, мы не можем игнорировать быстрое развитие ИИ и его активное внедрение во все сферы общественной жизни, использование ИИ необходимо урегулировать. Многие страны предлагают свои варианты ответа на вопрос: если ИИ не может выступать в качестве изобретателя, то кто тогда? Австралийский федеральный суд предложил ряд вариантов: 1) владелец машины, на котором установлена технология ИИ; 2) разработчик программного обеспечения ИИ; 3) владелец авторских прав на его исходный код; 4) человек, который вводит данные для получения конечного результата [4]. Ученые США выделяют несколько иные позиции, кто является владельцем такого результата: 1) пользователь ИИ; 2) программист ИИ; 3) сам ИИ [4]. Что касается третьей позиции, она не самая популярная, законодательство США, как и законодательство России, закрепляет, что в качестве изобретателя может выступать исключительно физическое лицо. Но такая позиция имеет место быть, она связана с первостепенным вопросом, который касается наделения ИИ правосубъектностью. Как только мы определим правовой статус ИИ, разграничим его деятельность от дея-

тельности человека, только тогда мы сможем разрешить вопрос относительно авторства изобретений, созданных ИИ, определить выступает он в качестве только инструмента достижения конечного результата или в качестве субъекта.

Несмотря на все попытки сегодня все еще сохраняется неопределенность относительно того, кого следует считать автором такого изобретения. Если придерживаться традиционного подхода, не вносить изменения в законодательство России, то на наш взгляд в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент) при подаче заявки на выдачу патента, заявитель должен указывать, что для достижения конечного результата использовались технологии ИИ. В заявке обязательно подлежит раскрытию модель ИИ и конкретные алгоритмы, используемые при создании изобретения, позволяющие осуществить его, а также конечный результат, запрограммированный человеком в систему ИИ. На наш взгляд важно, чтобы соблюдалось условие, что физическое лицо, использующее ИИ, должно «внести значительный вклад» в каждое требование, изложенное в изобретении. Человек, который просто владеет или контролирует систему ИИ, используемую при создании изобретения, но не вносит существенного вклада в концепцию изобретения, не становится изобретателем. На данном этапе развития ИИ такая мера вполне разумна, поскольку ИИ недостаточно продвинут, чтобы генерировать изобретения самостоятельно, без вмешательства человека.

Если говорить о долгосрочной перспективе, то в рамках гражданского законодательства необходимо расширить определение автора изобретения, включить определенную категорию лиц, ответственных за систему ИИ, которая генерирует изобретения. Необходимо на законодательном уровне дать правовую интерпретацию термина «творческий вклад», каким образом мы сможем разграничить творческую деятельность человека от технической (системной) деятельности ИИ. Предусмотреть в законе защиту изобретений, созданных с помощью ИИ, иными способами, помимо патентного права и пересмотреть срок охраны таких изобретений. Такой подход объясняется тем, чтоб с одной стороны стимулировать дальнейшее развитие возможностей ИИ, а с другой стороны не обесценивать вклад человека в разработку новых технологий.

Заключение. Таким образом, в сложившейся ситуации необходимо найти баланс между изобретениями, сгенерированными ИИ, которые могут иметь ценность и правами других лиц, которые разработали изобретения с целью получения патента в «традиционном» смысле.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 10.09.2024).

2. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2024.

3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Нацио-

нальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 10.09.2024).

4. It's just human nature: AI cannot be a patent inventor in Australia // Herbert Smith Freehills LLP 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.herbertsmithfreehills.com/insights/2022-04/it%E2%80%99s-just-human-nature-ai-cannot-be-a-patent-inventor-in-australia> (дата обращения: 16.08.2024).

5. Pearlman R. Recognizing Artificial Intelligence (AI) as Authors and Inventors Under U.S. Intellectual Property Law. // Rich. J. L. & Tech. – 2018. – Vol. 24. – №2.

6. Unlocking Innovation: How Patents Drive Economic Growth and Benefit Society // TT Consultants [Электронный ресурс]. – URL: <https://ttconsultants.com/unlocking-innovation-how-patents-drive-economic-growth-and-benefit-society/> (дата обращения: 16.08.2024).

Т. А. Савельева,

кандидат юридических наук, доцент,
Томский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СМАРТ-КОНТРАКТОВ ПРИ ИПОТЕЧНОМ КРЕДИТОВАНИИ

Аннотация. Ипотечное кредитование как вид кредитования предполагает взаимодействие многих субъектов на разных этапах процесса кредитования. Использование потенциала искусственного интеллекта и смарт-контрактов позволяет свести к минимуму субъективизм в оценке качества кредита и его обеспеченности, сократить сроки рассмотрения заявок на кредитование. Автор рассматривает этапы ипотечного кредитования, на которых может быть использован потенциал искусственного интеллекта и смарт-контрактов в целях управления кредитным риском и обеспечения доступности кредита для инвесторов. Проанализированы такие этапы как анализ кредитного проекта, оформления кредитной документации, предоставления кредита. Уделено внимание проблемам, связанным с отказами банков в выдаче кредитов (траншей) со ссылками на ухудшение финансового состояния (ст.821 ГК РФ). Рассмотрены также этапы мониторинга и контроля, работы с проблемной задолженностью, приведен перечень контролируемых параметров и событий, а также возможные алгоритмы работы с проблемной задолженностью с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: ипотека, ипотечное кредитование, кредит, банки, искусственный интеллект, смарт-контракт, оценка финансового состояния, отказ в предоставлении кредита, кредитный риск, проблемная задолженность

HARNESSING THE POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND SMART CONTRACTS IN MORTGAGE LENDING

Abstract. Mortgage lending as a type of lending involves the interaction of many entities at different stages of the lending process. Using the potential of artificial intelligence and smart contracts allows you to minimize subjectivity in assessing the quality of credit and its security, and reduce the time required to review loan applications. The online author examines the stages of mortgage lending, where the potential of artificial intelligence and smart contracts can be used in order to manage credit risk and ensure the availability of credit for investors. The stages such as the analysis of the loan project, the preparation of credit documentation, and the provision of credit are analyzed. Attention is paid to the problems associated with banks' refusals to issue loans (tranches) with references to the deterioration of the financial condition (Article 821 of the Civil Code of the Russian Federation). The stages of monitoring and control, work with problematic debt are also considered, a list of controlled parameters and events is given, as well as possible algorithms for working with problematic debt using digital technologies

Keywords: mortgage, mortgage lending, credit, banks, artificial intelligence, smart contract, financial condition assessment, refusal to grant a loan, credit risk, problem debt

Введение. Кредит является важнейшей частью и условием функционирования экономики. Кредитование является одной из основных функций банков и иных кредитных организаций (далее «кредитные организации», «банки»), в кредитном портфеле которых значительную часть занимают целевые кредиты, обеспеченные залогом приобретаемой недвижимости (далее – «ипотечные кредиты»).

Эффективность ипотечного кредитования зависит от адекватности проведенного банком анализа финансового состояния заемщика и перспектив финансируемого проекта, объективности оценки обеспеченности залога, учета рыночных тенденций и иных внешних обстоятельств, которые способны оказать влияние на перечисленные объекты проведенного анализа и оценки в период действия кредитного обязательства.

Общей тенденцией развития экономики на современном этапе является расширение сферы применения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и смарт-контракта. Банковская деятельность не является исключением. Использование потенциала ИИ и смарт-контрактов в ипотечном кредитовании позволяет свести к минимуму субъективизм в оценке качества кредита и его обеспеченности, повысить уровень доверия между участниками финансируемых проектов, что является необходимым условием реализации любого бизнес-проекта.

Основная часть. Значение ипотечного кредитования в развитии экономики сложно переоценить. Кредиты, выдаваемые гражданам, позволяют удовлетворить их потребности личного характера в жилищной сфере. Кредиты, предоставляемые субъектам предпринимательской деятельности, позволяют реализовать бизнес-проекты по строительству (реконструкции) различных объектов недвижимости.

Для кредитных организаций ипотечное кредитование является деятельностью, приносящей доход. При этом залог недвижимого имущества является достаточно надежным обеспечением. Правила классификации ссудной задолженности и формирования резерва по ней, содержащиеся в Положении Банка России № 590-п от 28.06.2017, предусматривают отнесение залога недвижимого имущества к обеспечению первой либо второй категории качества [7. П. 6.2.1, 6.2.2].

Вместе с тем ипотечное кредитование как вид деятельности кредитных организаций сопряжено с рисками потерь и убытков.

Очевидно, что задачами кредитной политики всякой кредитной организации является соблюдение разумного баланса между доходностью и риском осуществляемых операций, формирование качественного кредитного портфеля.

Каждая кредитная организация разрабатывает внутренние документы, описывающие процедуры минимизации кредитного риска, включая меры по исключению субъективизма в оценке заемщика, кредитуемого проекта, обеспеченности кредита как на этапе принятия решения о кредитовании, так и на этапе мониторинга в течение срока действия кредитного обязательства.

Использование ИИ, смарт-контрактов позволяет исключить многие обстоятельства, являющиеся препятствием для объективной оценки кредитного риска на всех этапах кредитования, снять разногласия между банком и заемщиком, исключив тем самым почву для будущих споров, а также повысить уровень доверия между всеми участниками кредитного процесса.

В настоящей работе мы сосредоточимся на раскрытии потенциала ИИ и смарт-контракта при ипотечном кредитовании с указанной оговоркой.

Рассмотрим основные этапы, на которых может быть использован потенциал ИИ и смарт-контрактов.

1. Разработка банком кредитной политики и программ кредитования

При разработке банковских продуктов всякая кредитная организация как коммерческий субъект заинтересована в получении дохода и, соответственно, в расширении своей клиентской базы. Вместе с тем деятельность по кредитованию, включая ипотечное кредитование, подвержена рискам, прежде всего, рискам финансового характера, к которым относится кредитный риск. Поэтому банки заинтересованы в принятии мер по минимизации кредитного риска.

Под кредитным риском понимается вероятность невыполнения договорных обязательств заемщиком перед кредитной организацией [9. С. 1], вследствие чего у кредитной организации могут возникнуть убытки и потери.

Неправильная оценка финансового состояния заемщика, ошибки в анализе кредитуемого проекта, игнорирование возможного снижения стоимости залога могут явиться причинами возникновения убытков кредитной организации.

Мерой минимизации возможных убытков от операций по ипотечному кредитованию является определение банком адекватной стратегии на рынке кредитования, установление эффективных процедур управления кредитным риском.

Банки разрабатывают кредитную политику, которая должна учитывать рыночные условия различных сегментов кредитования, тенденции, предусматривать количественные ограничители вложений в отдельные сферы с целью управ-

ления кредитным риском по отраслевому критерию либо по определенной категории заемщиков.

Использование технологии ИИ и смарт-контракта позволяет кредитной организации при определении своей стратегии в области ипотечного кредитования опираться на проверенные данные анализа внешней среды ведения бизнеса в той или иной сфере, прогнозных показателей, лишенных субъективизма.

2. Анализ кредитного проекта

Указанные процедуры призваны обеспечить полноту сбора необходимых данных, проверку их достоверности, объективность в выявлении и оценке факторов риска.

Банком России установлено, что в отношении каждой выданной ссуды на постоянной основе формируется профессиональное суждение, представляющее собой оценку кредитного риска по соответствующей ссуде [7. С. 8].

Кредитные организации на этапе принятия решения о предоставлении кредита заинтересованы в объективной оценке финансового состояния потенциального заемщика, а также перспектив финансируемого проекта.

Вместе с тем проводимые сотрудниками банка процедуры не исключают субъективизма, необоснованного затягивания принятия решения о кредитовании. Это является негативным фактором как для кредитной организации, которая может лишиться добросовестного и состоятельного заемщика, так и для потенциального заемщика, которому ограничивается доступ к кредитным ресурсам.

Иллюстрацией возможных негативных последствий может служить кредитование проектов по строительству или реконструкции объектов недвижимости.

Оптимальный выбор кредитного продукта, правильное структурирование кредитной сделки являются необходимыми условиями для обеспечения эффективности финансируемого банком проекта и возвратности денежных средств.

Так, застройщик или инвестор в целях получения кредита составляет бизнес-план, включая в него данные, которые будут оцениваться банком по собственным методикам.

Сотрудники кредитной организации в целях проверки бизнес-плана заемщика запрашивают данные из независимых источников, сопоставляют их с данными заемщика, при анализе используют внутренние банковские методики. Оценка предмета залога производится либо сотрудниками банка по внутренней методике, или она заказывается у оценочной организации, которой доверяет банк.

Страховая компания, привлекаемая для страхования по данному кредиту, при оценке использует собственную методику. Банк России при проведении проверки кредитной организации выносит собственное профессиональное суждение об уровне риска. Это влечет сложности подготовки документов для потенциального заемщика и затягивание процесса рассмотрения заявки со стороны кредитной организации.

При этом субъективный фактор присутствует при сборе и анализе данных как со стороны потенциального заемщика (застройщика/инвестора), так и со стороны кредитной организации. Профессиональное суждение Банка России,

выносимое в рамках контрольных мероприятий, также не обладает свойством полной достоверности.

Все это не способствует созданию благоприятного инвестиционного климата, негативно отражается на интересах добросовестных участников гражданского оборота, которые вынуждены отказаться от осуществления интересных, нестандартных проектов, поскольку в условиях непрозрачности банковских процедур и методик они обоснованно сомневаются в том, что смогут защитить проект перед банком.

В зарубежных исследованиях представлена модель, предусматривающая разные уровни данных и их проверки на основе ИИ для определенных субъектов, включая страховщиков, управляющих активами и застройщиков [24. С. 12–17].

3. Этап формирования кредитной документации

Следует отметить, что полнота и правильность формирования досье заемщика является важной процедурой, позволяющей в будущем осуществлять контроль деятельности заемщика по значимым событиям, мониторинг выявленных факторов риска, своевременно реагировать на них.

Формирование досье с использованием цифровых технологий, использование технологии смарт-контракта в целях контроля заранее заданных параметров отклонения кредитуемого проекта после выдачи кредита от результатов анализа на этапе принятия решения, анализ изменений внешней среды являются необходимыми условиями обеспечения надлежащего управления кредитным риском.

Кредитная документация, подлежащая подписанию заемщиком и иными лицами, участвующими в кредитуемом проекте при ипотечном кредитовании, включает:

- кредитный договор с разовой выдачей либо договор об открытии кредитной линии;
- договор/ы ипотеки;
- договор/ы поручительства;
- иные договоры в соответствии с программой кредитования или решением уполномоченного лица/органа кредитной организации.

В своей деятельности банки используют разработанные ими типовые формы договоров кредитования, которые могут быть заключены дистанционным способом, что соответствует общим тенденциям по стандартизации форм договоров в связи с цифровизацией в сфере договорной работы [26.С. 49] и развитию дистанционных способов совершения сделок [16. С. 1059].

При избрании того или иного способа заключения договора с использованием информационных технологий банкам и заемщикам следует учитывать повышенные риски, которые не находятся в сфере контроля ни одной из сторон и связаны исключительно со средствами заключения контрактов [16].

В литературе предлагается соглашением сторон распределять риски, связанные с использованием того или иного способа заключения договора в цифровой среде. Заключение такого соглашения рассматривается как элемент свободы договора [26. С. 6; 1. С. 20–23].

Допустимость переноса риска сбоев в работе какой-либо платформы на пользователя этой платформы в силу соглашения сторон является сомнительным. Риск сбоев должно нести лицо, которое ближе к источнику возникновения риска. Пользователь не является таким лицом и, по существу, является слабой стороной договора и на него может быть возложен риск сбоев в системе.

Использование смарт-контрактов и ИИ на этапе оформления кредитной документации позволяет упростить процесс подготовки проекта договора, обеспечить включение в него всех необходимых условий в соответствии с решением о кредитовании.

4. Выдача кредитных средств. Отказ в предоставлении кредита

Важно отметить, что кредит предоставляется кредитором заемщику во исполнение принятой им обязанности. Кредитный договор является консенсуальной сделкой и в силу этого порождает обязательство по предоставлению кредита.

Условиями кредитного договора может быть предусмотрена как разовая выдача денежных средств заемщику, так и предоставление денежных средств несколькими частями. В последнем случае речь идет о договоре на открытие кредитной линии. При кредитовании на цели финансирования строительства (реконструкции) объектов недвижимости используется кредитная линия, поскольку заемщик постепенно осваивает кредитные средства. Если целью кредитования является приобретение недвижимости, то чаще используется кредит с разовой выдачей средств. Следует отметить, кредит с разовой выдачей средств и кредитная линия представляют собой разные кредитные продукты, требующие от кредитной организации разных методов работы.

После заключения кредитного договора или договора об открытии кредитной линии у банка в определенных случаях возникает право не предоставлять кредит.

Так, в силу ст. 821 ГК РФ кредитор вправе отказаться от предоставления заемщику предусмотренного кредитным договором кредита полностью или частично при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих, что предоставленная заемщику денежная сумма не будет возвращена в срок.

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии споров между банками и заемщиками, которые сочли отказ в предоставлении им денежных средств в рамках заключенного кредитного договора на основании ст. 821 ГК РФ необоснованным [10. С. 1–5; 11. С.1–6; 12. С. 1–3].

Из судебных актов следует, что споры касались того, ухудшилось ли финансовое состояние заемщика после заключения кредитного договора, возникли ли дополнительные факторы риска невозвратности кредита. Рассмотрение данной категории споров представляет значительную сложность для судов, поскольку отсутствует четкий механизм доказывания обстоятельств, свидетельствующих об ухудшении финансового состояния и, главное, отсутствуют подходы, касающиеся оценки влияния этих обстоятельств на прогноз возвратности кредита.

Следует признать, что не всегда решения банков по прекращению финансирования заемщиков являются взвешенными, объективно необходимыми и целесообразными.

После заключения договора о кредитовании разумные ожидания заемщика состоят в том, что кредитная организация предоставит денежные средства в согласованном объеме, и заемщик сможет реализовать свой бизнес-проект либо соответствующую его часть, используя привлеченные средства.

Отказ кредитной организации в предоставлении денежных средств заемщику после заключения договора о кредитовании столь негативно отражается на деятельности заемщика, его контрагентов, что в ряде случаев приводит к существенным затруднениям в реализации финансируемого проекта либо к его дефолту. Особенно остро данная проблема встает, когда банк принимает решение о прекращении кредитования в рамках договора об открытии кредитной линии в ситуации, когда значительная часть средств уже вложена в проект, основные активы обременены залогом. В этом случае «перекредитование» заемщика в другом банке является мало реализуемым.

Не вызывает сомнений, что основания для отказа в предоставлении денежных средств по договору об открытии кредитной линии должны иметь под собой четкие, понятные критерии, которые обладали бы свойством объективности с тем, чтобы их можно было проверить в случае возникновения спора.

Представляется, что использование технологии смарт-контракта и ИИ имеет большой потенциал в разрешении проблемы необоснованного отказа банка в предоставлении кредитных средств.

Посредством технологии смарт-контракта можно отслеживать отклонения показателей деятельности заемщика от бизнес-плана, доводить их своевременно для заемщика в целях принятия им соответствующих профилактических мер, осуществлять сбор данных об изменении внешних факторов, оказывающих влияние на кредитуемый проект, а с привлечением возможностей ИИ возможно построение прогнозных моделей влияния изменения тех или иных показателей деятельности заемщика с учетом внешних обстоятельств на перспективы возврата кредитных средств.

При возникновении споров возможен процесс доказывания на основе блокчейна, хранения данных на основе смарт-контрактов [19. С. 4031–4043].

Следует отметить, что наличие оснований для отказа в предоставлении кредита (его части) порождает право кредитной организации заявить такой отказ. Кредитная организация может воспользоваться своим правом, а может и не воспользоваться. Очевидно, что если кредитная организация решила воспользоваться этим правом, то она доводит свою волю до заемщика. Такой отказ кредитной организации соответствует всем признакам односторонней сделки, о совершении которой должна быть уведомлена другая сторона (ст. 450.1 ГК РФ), то есть является сделкой, требующей восприятия.

Принципиальное отличие от ранее рассмотренного случая невыдачи кредита на основании ст. 821 ГК РФ состоит в том, что при непредоставлении обеспечения обязательство банка выдать транш в рамках кредитной линии не возникло, поэтому речь не идет об односторонней сделке, о которой надо уведомлять заемщика. Здесь заемщик и банк заранее однозначно и четко установили автоматически наступающие последствия в виде того, что транш не будет предоставлен в случае невыполнения обязательства по обеспечению.

Контроль выполнения ковенантов в банковской практике осуществляется с помощью различных инструментов.

5. Этап мониторинга и контроля

На протяжении всего срока действия кредитного обязательства банками проводится мониторинг существенных событий в деятельности участников кредитного проекта, их финансового состояния, обеспечения кредита, этапов реализации проекта.

Система мониторинга и контроля, построенная на базе использования технологии смарт-контракта, может включать:

- определение перечня контролируемых параметров/событий (см. табл.);
- распределение функционала между подразделениями/сотрудниками;
- формирование отчетов/информации по результатам проведенных мероприятий;
- доведение отчетов/информации до уполномоченного органа/лица;
- установление сроков/периодичности проведения мероприятий и рассмотрения их результатов.

Таблица

Примерный перечень контролируемых параметров и событий, требующих реагирования

№	Контролируемый параметр	Событие, требующее реагирования
1	Целевое использование	Факт нецелевого использования
2	Состояние расчетного счета заемщика	Блокировка денежных средств (в размере более 1 % от валюты баланса, в том числе приостановления налоговой и других служб, ограничения по счету)
3	Финансовое состояние	Ухудшение финансового состояния
4	Изменения по участникам кредитной сделки: 4.1. изменение состава участников/акционеров; 4.2. принятие решения о реорганизации, ликвидации; 4.3. смена направления бизнеса; 4.4. изменение места нахождения, телефонов, платежных или почтовых реквизитов; 4.5. судебные процессы, по которым контрагент привлечен в качестве ответчика; 4.6. наличие признаков банкротства; 4.7. наличие исполнительных производств	Любой из фактов: – по п.п. 4.1–4.3 без согласования с банком; – по п. 4.4. – без уведомления банка; – иски и/или исполнительные производства на сумму более 1 % валюты баланса на последнюю отчетную дату; – наличие признаков банкротства

№	Контролируемый параметр	Событие, требующее реагирования
5	Состояние, стоимость и ликвидность заложенного имущества	– Снижение рыночной стоимости более чем на 30 % – снижение ликвидности обеспечения – аресты, споры и т.п. относительно предмета залога
6	Исполнение обязательств по страхованию заложенного имущества	Факт неисполнения обязательства
7	Взаимоотношения с другими банками/контрагентами: 7.1. получение кредитов, предоставление поручительств; 7.2. неисполнение обязательств по другим кредитам; 7.3. открытие счетов в других кредитных организациях	Любой выявленный факт: – по п. 7.1., 7.2. при отсутствии согласия банка; – 7.3. – без уведомления банка
8	Ход реализации проекта, при наличии бизнес-плана сверка фактических данных с утвержденными показателями бизнес-плана	– Отклонение фактических показателей от запланированных финансируемого проекта в доходной части в меньшую сторону более чем на 50 %
9	Операции заемщика на наличие признаков сомнительности	– Выявление сомнительных операций

6. Этап работы с проблемной задолженностью

ИИ достаточно активно используется кредитными организациями при работе с просроченной задолженностью. При этом из материалов судебной практики следует, что банки в ряде случаев нарушают требования ФЗ от 03.06.2016 г. № 230 [6. С.13–15].

Речь идет о том, что диалог с заемщиками ведет компьютерная программа, имеющая признаки ИИ, которая при этом выдаст себя собеседнику за человека. Компьютерная программа представляется человеком, называя фамилию, имя, отчество, задает третьему лицу вопросы, на которые получает ответы, а также воспринимает произносимую в ответ речь, то есть ведет себя как человек. На такой способ взаимодействия должно быть выражено согласие заемщика путем заключения соглашения.

Возможности использования ИИ не ограничиваются общением с заемщиками. Использование технологий смарт-контракта и ИИ на этапе работы с проблемной задолженностью имеет большой потенциал, начиная с выявления признака/критерия проблемности кредита и заканчивая разработкой программы работы с конкретным кредитом, которая включает алгоритм использования определенных мер/инструментов по урегулированию, их комбинацию в зависимости от специфики конкретных параметров.

Так, алгоритм внесудебного урегулирования задолженности может включать такие меры, как:

- уменьшение лимита кредитной линии, прекращение выдач в рамках кредитной линии;
- реструктуризация задолженности:
- изменение ставки кредитования и/или порядка ее расчета;
- изменение срока погашения кредита и/или процентов;
- перевод долга на третье лицо; уступка прав (требований);
- добровольное удовлетворение требований банка акцессорными должниками;
- списание средств со счетов контрагентов
- и др..

При включении в программу работы реструктуризации задолженности как средства урегулирования задолженности в алгоритм должны быть заложены следующие ограничители:

- реструктуризация нецелесообразна при наличии факторов, снижающих вероятность возврата задолженности;
- при продлении срока кредитования должником, по общему правилу, должны быть предоставлены дополнительные гарантии возврата средств (дополнительное обеспечение);
- реструктуризация целесообразна до момента появления просроченной задолженности.

В целях управления проблемной задолженностью, контроля за работой с проблемными активами с использованием технологии смарт-контракта могут формироваться отчеты по проблемной задолженности по ипотечному портфелю в целом с указанием:

- доли проблемной задолженности;
- динамики по сравнению с предшествующими периодами;
- основными факторами возникновения проблемной задолженности и т. п.

Заключение. 1. Ипотечное кредитование, то есть предоставление целевых кредитов на строительство (реконструкцию) или приобретение объектов недвижимости с обеспечением в виде залога создаваемой или приобретаемой недвижимости, является той сферой, где использование потенциала смарт-контрактов и ИИ особенно актуально.

2. В условиях непрозрачности банковских процедур и методик по оценке финансового состояния заемщиков и рисков проекта добросовестные участники гражданского оборота зачастую вынуждены отказаться от осуществления интересных, нестандартных проектов, поскольку они обоснованно сомневаются в том, что смогут защитить проект перед банком.

Использование ИИ, смарт-контрактов позволяет исключить субъективизм при анализе кредитного проекта, сократить время рассмотрения кредитной заявки, повысить уровень доверия между всеми субъектами кредитного процесса, решить проблему доступа к кредитным ресурсам.

3. Использование технологии смарт-контракта и ИИ имеет большой потенциал в разрешении актуальной проблемы, связанной с необоснованными от-

казами банков в предоставлении траншей по договорам кредитной линии в связи с ухудшением финансового положения заемщика (ст. 821 ГК РФ).

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что данная проблема обостряется в ситуации, когда банк неожиданно принимает решение о прекращении кредитования на стадии, когда значительная часть средств уже вложена в проект, основные активы обременены залогом, в силу чего «перекредитование» является мало реализуемым. Результатом является дефолт проекта, банкротство застройщика или инвестора и спор с банком о необоснованном отказе в выдаче очередного транша.

Основания для отказа в предоставлении транша в рамках кредитной линии должны иметь под собой четкие, понятные критерии, которые обладали бы свойством объективности с тем, чтобы их можно было проверить в случае возникновения спора. Процесс доказывания возможен на основе блокчейна, хранения данных на основе смарт-контрактов.

4. Из материалов судебной практики следует, что банки при работе с просроченной задолженностью используют ИИ, когда диалог с заемщиками ведет компьютерная программа, имеющая признаки ИИ, которая при этом выдаст себя собеседнику за человека. При отсутствии соглашения о таком способе общения с заемщиком банк нарушает требования закона.

Возможности использования ИИ не ограничиваются общением с заемщиками. Использование технологий смарт-контракта и ИИ на этапе работы с проблемной задолженностью имеет большой потенциал, начиная с выявления признака/критерия проблемности кредита и заканчивая разработкой программы работы с конкретным кредитом, которая включает алгоритм использования определенных мер/инструментов по урегулированию, их комбинацию в зависимости от специфики конкретных параметров.

Список литературы

1. Арсланов К. М. Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? // Гражданское право. – 2021. – № 6. – С. 18–23.

2. Белов В. А. Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения // Право и экономика. – 2021. – № 9. – С. 35–41.

3. Волос А. А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 2(64). – С. 254–273.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изменениями) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с изменениями) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024).

6. О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинан-

совых организациях»: Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ (с изменениями) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024).

7. О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности: Положение Банка России от 28.06.2017 N 590-П, зарегистрировано в Минюсте России 12.07.2017 №47384 (с изменениями и дополнениями) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024).

8. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

9. О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы: Указание Банка России от 15.04.2015 № 3624-У, зарегистрировано в Минюсте России 26.05.2015 № 37388 (с изменениями и дополнениями) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024)

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.12.2021 № Ф05-30791/2021 по делу № А40-6098/2021) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024)

11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.07.2022 № Ф05-11842/2022 по делу № А40-4281/2021) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024)

12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.11.2021 N Ф05-28930/2021 по делу N А40-240345/2020) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024)

13. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27.12.2022 по делу №А33-14691/2022) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024)

14. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2022 N 05АП-6195/2022 по делу № А59-2992/2022) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024)

15. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14.01.2021 по делу № А33-28551/2020) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 06.08.2024)

16. Савельева Т. А. Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – № 1(4). – С. 1058–1086.
17. Сергеева О. В., Власова Н. В. Договорное право в цифровую эпоху (обзор онлайн-заседания круглого стола) // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2024. – № 3. – С. 112–118.
18. Aquilina S. J., Casino F., Vella M., Ellul J. Constantinos Patsakis, EtherClue: Digital investigation of attacks on Ethereum smart contracts, *Blockchain: Research and Applications*. – 2021. – Vol. 2. – Issue 4. – Pp. 1–39.
19. Abin O. Ph., Saravanaguru R. A. K. Smart contract based digital evidence management framework over blockchain for vehicle accident investigation in IoV era, *Journal of King Saud University // Computer and Information Sciences*. – 2022. – Vol. 34. – Issue 7. – Pp. 4031–4046.
20. Kirli D., Couraud B., Robu V., Salgado-Bravo M., Norbu S., Andoni M., Antonopoulos I., Negrete-Pincetic M., Flynn D., Kiprakis A. Smart contracts in energy systems: A systematic review of fundamental approaches and implementations, *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. – 2022. – Vol. 15.
21. Dietrich F., Palm D., Louw L. Smart contract based framework to increase transparency of manufacturing networks // *Procedia CIRP*. – 2020. – Vol. 91. – Pp. 278–283.
22. Hsain Y. A., Laaz N., Mbarki S. Ethereum's Smart Contracts Construction and Development using Model Driven Engineering Technologies: a Review // *Procedia Computer Science*. – 2021. – Vol. 184. – Pp. 785–790.
23. TianLin Zhang, JinJiang Li, XINBO JIANG Supply chain finance based on smart contract // *Procedia Computer Science*. – 2021. – Vol. 187. – Pp. 12–17.
24. Serrano W. Verification and Validation for data marketplaces via a blockchain and smart contracts // *Blockchain: Research and Applications*. – 2022. – Vol. 3. – Issue 4. – 100100.
25. Cutts T. Smart Contracts and Consumers // *LSE Law, Society and Economy Working Papers*. – 2019. – № 1. – Pp. 1–52.
26. O'Sullivan J., Hillard J. *The Law of Contract*. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 504 p.
27. Stazi A. *Smart Contracts and Comparative Law. A Western Perspective. Switzerland*. – Springer, 2021. – 154 p. – DOI: 10.1007/978-3-030-83240-7.

К. Г. Сварчевский,

кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия
(Северо-Западный филиал)

А. Л. Саченко,

кандидат юридических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия
(Северо-Западный филиал)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАЙНИНГА КАК ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В представленной работе раскрываются вопросы гражданско-правового восприятия майнинговой деятельности в контексте развития цифровизации предпринимательской деятельности и цифровой экономики. Традиционность гражданско-правового восприятия майнинга в настоящее время нуждаются, в том числе в осмыслении расширения сферы предпринимательской деятельности, становлением и развитием цифрового предпринимательства, как одной из составляющих развития рыночной экономики в цифровом пространстве.

Ключевые слова: майнинг, предпринимательская деятельность, цифровизация, цифровая валюта, цифровой рубль, криптовалюта, предпринимательская деятельность

CIVIL LAW CHARACTERISTICS OF MINING AS AN ECONOMIC PHENOMENON IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The presented work reveals the issues of civil law perception of mining activities in the context of the development of digitalization of entrepreneurial activity and the digital economy. The traditional civil law perception of mining currently needs, among other things, to comprehend the expansion of the sphere of entrepreneurial activity, the formation and development of digital entrepreneurship, as one of the components of the development of a market economy in the digital space.

Keywords: mining, entrepreneurial activity, digitalization, digital currency, digital ruble, cryptocurrency, entrepreneurial activity

Современное развитие рыночной экономики ознаменовано постепенным вступлением общества в цифровую эпоху, что затрагивает различные сферы деятельности хозяйствующих субъектов [5]. Одним из значимых факторов развития цифрового предпринимательства является расширение возможности получения доходов не только от использования конечного цифрового продукта, выступающего своего рода цифровым товаром, но и осуществление деятельности по созданию объектов цифровых правоотношений, к которым можно отнести цифровую валюту различных видов. Несмотря на расширение сферы предпринимательских отношений, реализующихся в цифровой среде, правовые конструкции,

регулирующие, в том числе майнинг и майнинговую деятельность, остаются традиционными на сегодняшний день.

Анализируя тенденцию законодателя на расширение сферы применения цифровых технологий в современном экономическом пространстве, нельзя обойти тот факт, что в свое время определенный резонанс в российском обществе вызвал факт легализации «цифровых денег», обусловленный введением в оборот цифрового рубля [4. С. 229–233]. Очевидно, что следующим шагом в данном направлении является законодательное закрепление майнинга и майнинговой деятельности, обуславливающей постепенное вхождение в оборот цифровой валюты.

Не вдаваясь в оценки, данные специалистами в этой сфере, стоит, на наш взгляд, обратить внимание на майнинг как на правовое явление.

В этой связи, несмотря на достаточную сложность правовой конструкции понятия майнинга, стоит отметить частноправовой характер его регулирования как экономического явления. Об этом, в частности, свидетельствует то, что согласно п. 2, ст. 1 законопроекта обращение цифровой валюты осуществляется посредством реализации гражданско-правовых сделок. Более того, законодателем четко определено и то, что операции по обращению цифровой валюты могут осуществлять частные лица, и в том случае, если данные операции осуществляются на собственные средства таких лиц или в их интересах, то такие операции не могут быть подвержены дополнительному правовому регулированию.

Исходя из этого, очевиден вывод о том, что майнинг, равно как и сопутствующая ему деятельность регулируется общими нормами гражданского законодательства, в той части, в которой это необходимо в целях реализации частного правового интереса любого участника гражданского оборота.

Таким образом, в области реализации требований к субъектам рассматриваемых отношений очевидно влияние межотраслевых связей в осуществлении майнинга. Во-первых, это обязательное их наличие в реестре участников майнинга, а во-вторых, наличие соответствующей организационно-правовой формы.

Все же определяющим критерием является объект правового регулирования майнинга, что определенно заслуживает отдельного внимания в контексте того, в чем заключается сущность майнинга.

Исходя из смысла законопроекта о майнинге, любую деятельность по созданию цифровой валюты с использованием объектов информационной инфраструктуры Российской Федерации, включая предоставление услуг различного рода по сопровождению данной деятельности и дальнейшему обращению цифровой валюты следует рассматривать в качестве объекта правового регулирования майнинга и майнинговой деятельности.

При этом крайне конструктивно, по нашему мнению, использовать два подхода к понятию майнинга. С одной стороны, майнинг – это в чистом виде создание цифровой валюты, своего рода цифрового актива, виртуального цифрового актива, как указано в ст. 7 законопроекта [3]. В данном случае стоит иметь в виду, что цифровой актив не является денежной единицей ни России, ни какого-либо иного государства, но при этом является средством платежа. Таким образом, очевидно то, что цифровая валюта – цифровой (виртуальный) актив – обла-

дает так называемой меновой стоимостью, позволяющей осуществлять товарооборот как в виртуальном (цифровом) пространстве, так и в реальном мире объективных вещей. Более удобная конструкция: применимая к подобного рода явлению, была введена еще пять лет назад под названием «цифровые права» и содержится в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ. Согласно данной норме цифровые права представляют собой обязательственные и иные права [2, 6]. И если иные права гражданским законодательством определяются по умолчанию, то с обязательственными правами все более-менее понятно. Как известно, обязательство (*obligatio*) возлагает на должника определенные действия (обязанность), которую он совершает в пользу кредитора, поэтому в контексте рассматриваемого вопроса уместно вести речь о виртуальном цифровом активе как о цифровом обязательстве, позволяющем через информационную систему идентифицировать и кредитора, и должника, и основание возникновения так называемого «цифрового обязательства».

С другой стороны, синонимом майнинга, наряду с выпуском, генерацией является деятельность по майнингу. В данном случае деятельность по майнингу представляет собой преимущественно услуги, которые оказывают друг другу участники этой деятельности. В то же время стоит обратить внимание на то, что дальнейшее обращение цифровой валюты, полученной в качестве результата майнинга, выходит за рамки данной группы отношений, поскольку, как было отмечено ранее, данные отношения уже входят в привычный гражданский оборот и в этой связи регулируются общими нормами гражданского законодательства.

Исходя из этого, можно сделать конструктивный вывод о том, что майнинг как экономическое явление, безусловно, связан с извлечением прибыли на систематической основе, что и определяет его целевую установку. Именно таким образом данное явление позиционирует себя в рамках пока еще существующего законопроекта. Не претендуя на конечный результат содержания правовой конструкции майнинга, стоит отметить, что в современном гражданском законодательстве существуют все необходимые условия, позволяющие рассматривать данное явление в качестве разновидности предпринимательской деятельности, тем более, что такой опыт уже существует в Республике Беларусь [1], а содержание п. 2, ст. 2 ГК РФ, дающей легальную дефиницию предпринимательской деятельности, позволяет это сделать вне зависимости от того, в узком или широком смысле рассматривают майнинг и майнинговую деятельность.

Вопрос о принадлежности майнинга к сфере предпринимательства, конечно же, не лишен различных, в том числе и критических, оценок. Однако по каким направлениям будут развиваться майнинг и сопутствующая ему деятельность – покажет ближайшее будущее.

Список литературы

1. ОКВЭД Деятельность по майнингу цифровых знаков (токенов) (код 63111) [Электронный ресурс] // Avocado. – URL: <https://avcd.by/oked/63111-2/?ysclid=m09o0wxpyh742849964>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая, 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcddf96ec39cede2444c36c998fbde3/?ysclid=m09n3xw5yr130898895

3. Проект Федерального закона № 116366-8 «О майнинге в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=220074&dst=#ygjzSMU8muTvm9WW1>

4. Сварчевский К. Г., Саченко А. Л. Проблемы квалификации цифрового рубля как объекта гражданско-правовых отношений: соотношение частноправового и публично-правового регулирования // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции / ред.: И. Р. Бегишев и др. – Казань: Познание, 2023. – С. 229–233.

5. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, А. А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2024.

6. Мурадян С. В. Цифровые активы: правовое регулирование и оценка рисков // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1(1). – С. 123–151. EDN: RIZOKS

О. В. Сергеева,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются подходы к правовому регулированию трансграничных частноправовых отношений в цифровом пространстве. Утверждается, что современное регулирование трансграничных частноправовых отношений, возникающих в киберпространстве, осуществляется посредством традиционных для международного частного права инструментов и характеризуется наличием ряда традиционных для международного частного права проблем. В то же время появление «цифрового элемента» в трансграничных частноправовых отношениях обусловило поиск наиболее оптимальной модели регулирования, отвечающей как потребностям участников гражданского оборота, так и интересам государства. Отмечается, что соответствующие модели правового регулирования разрабатываются не только на национальном, но и на наднациональном уровне, а также усилиями международного сообщества в лице авторитетных международных институтов и организаций, которые предлагают законодателям собственные правовые решения. В частности, анализируются документы, разрабатываемые и принятые в рамках Европейского Союза, СНГ, ЕАЭС, а также Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), Международным институтом по унификации частного права (УНИДРУА).

Ключевые слова: трансграничные частноправовые отношения, цифровое пространство, модели правового регулирования, электронная торговля, цифровые активы, единый цифровой рынок, интеграционное объединение

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Проведение инициативных исследований молодыми учеными» Президентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми учеными, № 23-78-01142 «Цифровизация договорных отношений: архитектура регуляторной среды, правовые традиции и новации» (<https://rscf.ru/project/23-78-01142/>).

MODELS OF LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER PRIVATE LAW RELATIONS IN THE DIGITAL SPACE

Abstract. The article analyzes approaches to the legal regulation of cross-border private law relations in the digital space. It is argued that modern regulation of cross-border private law relations arising in cyberspace is carried out through traditional instruments for private international law and is characterized by the presence of a number of problems traditional for private international law. At the same time, the emergence of a "digital element" in cross-border private law relations has led to the search for the most optimal regulation model that meets both the needs of participants in civil turnover and the interests of the state. It is noted that the corresponding models of legal regulation are developed not only at the national, but also at the supranational level, as well as through the efforts of the international community represented by authoritative international institutions and organizations that offer legislators their own legal solutions. In particular, the documents developed and adopted within the framework of the European Union, the CIS, the EAEU, as well as the UN Commission on International Trade Law (UNCITRAL), the International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT) are analyzed.

Keywords: cross-border private law relations, digital space, legal regulation models, electronic commerce, digital assets, single digital market, integration association

Financing: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project "Conducting initiative research by young scientists" of the Presidential program of research projects implemented by leading scientists, including young scientists, No. 23-78-01142 "Digitalization of contractual relations: architecture of the regulatory environment, legal traditions and innovations" (<https://rscf.ru/project/23-78-01142/>).

Введение. Современные технологические достижения привели к постановке в юридической среде вопроса не только о том, как, но и может ли вообще государство регулировать отношения в киберпространстве¹. На этот счет высказывались неоднозначные позиции. Наиболее острая дискуссия концептуального

¹ В данном случае термин «киберпространство» употребляется как синоним сети Интернет – всемирной системы объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации.

значения развернулась между двумя американскими профессорами права – Джеком Голдсмитом (Jack L. Goldsmith) [1] из Гарвардской школы права и Дэвидом Постом (David G. Post) [6, 7] из Школы права Джеймса Э. Бизли Университета Темпл, которые придерживались диаметрально противоположных взглядов на природу Интернета и механизмы регулирования отношений в интернет-среде. Фактически их научные дебаты разделили юридическое сообщество на два лагеря – сторонников государственного регулирования и сторонников саморегулирования в интернет-среде, которых Дж. Голдсмит именует «скептиками регулирования» («regulation skeptics»). И хотя Д. Пост называет подход Дж. Голдсмита «неисключительностью» (unexceptionalism) [7. С. 1363], очевидно, что современное регулирование трансграничных частноправовых отношений, возникающих в киберпространстве, осуществляется посредством традиционных для международного частного права инструментов и характеризуется наличием ряда традиционных для международного частного права проблем [19].

В то же время появление «цифрового элемента» в трансграничных частноправовых отношениях обусловило поиск наиболее оптимальной модели регулирования, отвечающей как потребностям участников гражданского оборота, так и интересам государства.

Основная часть. Особое внимание проблемам правового регулирования международных коммерческих операций в контексте цифровой повестки уделяется в *деятельности Комиссии ООН по праву международной торговли (далее – ЮНСИТРАЛ)*. Признавая важность правового обеспечения использования информационно-коммуникационных технологий для развития международной торговли, ЮНСИТРАЛ был разработан ряд документов.

На шестьдесят шестой сессии, проходившей 16–20 октября 2023 г., Рабочей группой IV (Электронная торговля) были представлены два документа: 1) свод стандартных положений в отношении договоров на предоставление данных [3], который составлен таким образом, чтобы в перспективе эти положения можно было преобразовать в типовой закон или типовые условия договора; и 2) проект принципов по автоматизированному заключению договоров [2]. Основой проекта послужили концепции и подходы, принятые при разработке вышеперечисленных документов ЮНСИТРАЛ об электронных сделках.

Однако возникает закономерный вопрос о практической применимости разрабатываемого документа. Как указывается в докладе Рабочей группы, дальнейшая задача ЮНСИТРАЛ видится в разработке единого, унифицированного и обновленного документа в сфере регулирования порядка осуществления электронных операций, который включал бы положения ранее разработанных ЮНСИТРАЛ документов, основываясь на этих принципах. Такой сводный документ, учитывающий изменения, произошедшие в торговой практике за три десятилетия после принятия Типового закона «Об электронной торговле», позволит, как считают разработчики, внести существенный вклад в модернизацию и согласование правил в сфере цифровой экономики и предвосхитить принятие разрозненных национальных правовых мер реагирования на появляющиеся технологии, обеспечив, тем самым, авторитетное подтверждение применимости (обновленных) положений текстов ЮНСИТРАЛ.

В 2022 г. были приняты регламенты «О цифровых услугах» [29] и «О цифровых рынках» [30]. Сфера применения регламентов охватывает отношения по оказанию посреднических услуг лицам, которые учреждены или находятся в Европейском Союзе, независимо от места учреждения поставщиков таких посреднических услуг (ст. 2 Регламента «О цифровых услугах») и от права, подлежащего применению к отношениям по предоставлению таких услуг (ст. 1 Регламента «О цифровых рынках»).

Таким образом, в рамках Европейского Союза создание единого цифрового рынка [28] происходит посредством принятия юридически обязывающих документов, направленных на обеспечение баланса рыночных позиций участников цифрового торгового оборота.

Напротив, сближение законодательства государств-членов *Содружества Независимых Государств* в экономической сфере традиционно происходит посредством модельного нормотворчества [18, 25, 26]. Для стран СНГ путь заключения международных унификационных договоров оказался менее эффективным, чем согласование заинтересованными государствами рекомендательных модельных актов (законов), которые впоследствии учитываются при формировании национальной правовой базы. Так, 14 апреля 2023 г. в г. Санкт-Петербурге на заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ был принят целый пакет модельных законов, направленных на формирование единого цифрового рынка: «О цифровых финансовых активах», «О цифровых правах», «О цифровой трансформации сферы услуг государств – участников СНГ», «О цифровом пространстве, его инфраструктуре и регулировании в государствах – участниках СНГ», «О трансфере технологий и мерах по его поддержке и регулированию в государствах – участниках СНГ», «О защите прав потребителей (новая редакция)». Некоторые из принятых модельных законов содержат не только материальные, но и коллизионные нормы.

Так, в Модельный закон «О защите прав потребителей», охватывающий, в том числе отношения, возникающие в связи с заключением дистанционных договоров, включена целая глава (глава 9), посвященная определению права, подлежащего применению к отношениям с участием потребителей – иностранных лиц. Глава состоит из двух статей, касающихся определения права, подлежащего применению к потребительским договорам (ст. 46), и права, подлежащего применению к ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги (ст. 47). Сформулированные в Модельном законе коллизионные нормы воспроизводят положения ст. 1212 и 1221 Гражданского кодекса РФ. Вместе с тем названные статьи ГК РФ, равно как и коллизионные нормы Модельного закона ориентированы на применение к трансграничным потребительским отношениям, возникающим не столько в связи с участием в них потребителя – иностранного гражданина, сколько профессиональной стороны, имеющей иностранную принадлежность. В связи с изложенным, представляется некорректным наименование главы 9 Модельного закона, как не соответствующей ее содержанию и общим подходам к коллизионному регулированию трансграничных потребительских отношений.

Возникает закономерный вопрос и о соотношении коллизионной нормы, содержащейся в ст. 47 Модельного закона, с коллизионной нормой, содержащейся в ст. 1230 «Ответственность за ущерб, причиненный потребителю» Модели Гражданского кодекса для стран СНГ, которая к настоящему времени, на наш взгляд, утратила свою актуальность.

Аналогичным образом возникает вопрос о соотношении коллизионных норм, содержащихся в Модели Гражданского кодекса для стран СНГ, с коллизионными нормами Модельного закона «О цифровой трансформации сферы услуг государств – участников СНГ», ст. 22 которого устанавливает общие условия обеспечения охраны прав и законных интересов поставщиков, продавцов, провайдеров и потребителей цифровых услуг. В частности, п. 3 ст. 22 предусматривает применение национальными судами законодательства государств-членов СНГ в части положений о защите прав потребителей и поставщиков цифровых услуг только в случае, когда это предусмотрено соответствующими коллизионными нормами, к отношениям:

1) возникающим при причинении потребителям цифровых услуг вреда или при осуществлении их права на безопасность жизни и здоровья, когда, подлежит применению закон государства, где рассматривается спор, а по ходатайству потребителя – закон государства, в котором был причинен вред;

2) основывающимся на иных предусмотренных законодательством правах потребителей, когда, подлежит применению закон государства, где была приобретена цифровая услуга, а по ходатайству потребителя – закон государства его проживания.

Предложенная в рассматриваемом Модельном законе конструкция коллизионного регулирования представляется излишне нагроможденной и оперирует несвойственной для международного частного права терминологией (по ходатайству, а не выбору потребителя; применяется закон, а не право страны; проживания, а не места жительства). Обращает на себя внимание и архаичная система предложенных коллизионных привязок, отсылающая к закону страны суда или закону места причинения вреда, в то время как, по общему правилу, право страны места причинения вреда применяется при условии отсутствия оснований для применения права страны места наступления вреда; права, которое применялось бы к договору; или права страны места жительства/гражданства сторон. Такой подход отражен в ст. 1219 ГК РФ и отчасти закреплен в ст. 1229 Модели Гражданского кодекса для стран СНГ.

Особенность предложенной модели заключается в допущении отсутствия в национальных законодательствах норм, регулирующих оборот цифровых финансовых активов. Можно сказать, что такой подход к коллизионному регулированию является неким «юридическим ноу-хау» современной цифровой реальности.

В связи с изложенным, с одной стороны, следует положительно оценить попытки стран СНГ согласовать единообразные подходы к правовому регулированию трансграничных частноправовых отношений в киберпространстве, с другой стороны, обращает на себя внимание непоследовательность, а порой даже противоречивость норм международного частного права, содержащиеся в модельных законах.

Очевидно, что часть третья Модели Гражданского кодекса для стран СНГ нуждается в существенном обновлении и переработке. В то же время велик и потенциал этого, принятого еще в 1996 году, модельного акта. Именно в этом кодифицированном документе могли бы быть отражены современные подходы к коллизионному регулированию трансграничных частноправовых отношений, возникающих, в том числе в интернет-среде, учитывающие национальные особенности стран постсоветского пространства, что могло бы служить основой для дальнейшей унификации норм международного частного права в рамках СНГ.

Евразийский экономический союз, напротив, идет по пути заключения международных соглашений [27; 35]. В частности, 20 июня 2023 г. Евразийской экономической комиссией был одобрен проект Соглашения об электронной торговле [24].

Модели негосударственного регулирования трансграничных частноправовых отношений в цифровом пространстве.

Понятие «контроль» по отношению к цифровому активу предполагает, что лицо может доказать, что оно обладает (i) исключительной способностью препятствовать получению другими практически всех выгод от цифрового актива, (ii) способностью получать практически всю выгоду от цифрового актива и (iii) исключительной возможностью передать контроль над цифровым активом другому лицу.

Принципы содержат правила, применимые к ключевым аспектам транзакций с цифровыми активами, а также рекомендации относительно их имплементации в национальное законодательство. Принципы могут служить ориентиром для контрагентов, судей, арбитров и участников рынка.

В основе документа лежит принцип нейтральности в его нескольких проявлениях: 1) технологическом, предполагающем их применимость ко всем цифровым активам, независимо от использования технологии распределенного реестра; 2) юрисдикционном, предполагающем их потенциальную применимость во всех юрисдикциях; 3) организационном, допускающем их имплементацию как посредством принятия специального нормативного правового акта о цифровых активах, так и посредством внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Принципы устанавливают, что цифровые активы могут быть объектом вещных прав независимо от того, считаются ли они вещью в соответствии с законодательством отдельных государств. Учитывая нематериальный характер цифровых активов и факт осуществления трансграничных транзакций в киберпространстве, закономерно возникает вопрос о поиске наиболее оптимальных критериев для определения подлежащего применению права. В основе предлагаемого Принципами подхода к коллизионному регулированию вещных прав на цифровые активы лежит автономия воли сторон, т.е. Принципы предусматривают, что цифровой актив или система, в которой записан цифровой актив², могут

² Понятие «система» охватывает любой тип протокола, платформы, приложения, механизма передачи и сети, если он обладает возможностями, необходимыми для записи цифровых активов.

прямо указывать надлежащий правопорядок (Принцип 5(1)). Предлагаемая модель регулирования, по мнению разработчиков, призвана стимулировать создателей новых цифровых активов или операторов существующих систем записи цифровых активов, указывать подлежащее применению право в самом цифровом активе или соответствующей системе, что позволит учесть особые характеристики таких объектов и обеспечить предсказуемость разрешения споров, возникающих в связи с вещными правами на них. При этом цифровой актив или система в качестве применимого к вещным правам права могут указывать и сами Принципы. В этом случае они будут иметь приоритет над указанным национальным правом (Принцип 3(2)). При этом разработчиками подчеркивается необходимость указания ссылки не только на Принципы, но и на внутреннее право конкретного государства, которое применялось бы к отношениям, выходящим за сферу действия Принципов.

Если ни в самом цифровом активе, ни в системе не указан надлежащий правопорядок, применяется право страны эмитента (Принцип 5(1)(с)). Право, определенное на основании такого критерия, регулирует не только вещные права на конкретный цифровой актив, но распространяется на все цифровые активы, которые «имеют одно и то же описание»³ (Принцип 5(2)(d)). Согласно Принципам «страной эмитента» признается государство, в котором эмитент имеет свое юридическое местонахождение, определяемое исходя из его юридического адреса. Иные критерии определения места нахождения эмитента – по месту нахождения административного (управляющего) центра, основного места деятельности или центра основных интересов, по мнению разработчиков, не могут быть идентифицированы с той же степенью определенности.

Заключение. Таким образом, предпринимаемые на международном уровне усилия в сфере разработки правового регулирования трансграничных частноправовых отношений в цифровом пространстве демонстрируют различия не только в самих подходах к их регламентации, но и применяемых регуляторных инструментах. Использование различных регуляторных инструментов в рамках интеграционных объединений, обусловлено, с одной стороны, спецификой их функционирования, заложенной в учредительных документах, с другой – степенью готовности к сближению правовых систем и созданию единого цифрового рынка.

Различия в подходах национальных законодателей предопределяют поиск оптимальной модели создания унифицированного регулирования. Если деятельность ЮНСИТРАЛ сосредоточена на выработке общих принципов заключения сделок в цифровом пространстве, то Принципы УНИДРУА 2023 г., ориентированные на передовой зарубежный опыт, претендуют на признание их в качестве международного стандарта в определенной области – в сфере регулирования вещных прав на цифровые активы. Учитывая изменение национальных подходов к использованию цифровых активов, а также развитие технологий, разработ-

³ Термин «одно и то же описание» означает цифровые активы, которые рассматриваются участниками рынка как взаимозаменяемые.

чиками Принципов была предпринята попытка создания стабильного правового режима, отличающегося технологической и юрисдикционной нейтральностью, т. е. основывающегося на принципах, заложенных ЮНСИТРАЛ.

Список литературы

1. Goldsmith Jack L. Against Cyberanarchy // University of Chicago Law Review. – 1998. – № 65. – P. 1199 – 1250.
2. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/v23/063/86/pdf/v2306386.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
3. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/v23/064/77/pdf/v2306477.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
4. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/mlac_ru.pdf (дата обращения: 09.10.2024).
5. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).
6. Johnson David R. and Post David G. Law And Borders – The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Review. – 1996. – Vol. 48. – Pp. 1367–1404.
7. Post David G. Against «Against Cyberanarchy» // Berkeley Technology Law Journal. – 2002. – Vol. 17. – P. 1363–1385.
8. The Law of Global Digitality / Kettemann M.C., Peukert A., Spiecker gen. Döhmann I. (Eds.). – London: Routledge, 2022.
9. Белоусова О.В. Источники правового регулирования в рамках Европейского Союза: унификация международного частного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 6. – С. 140–145.
10. Белоусова О. В. Унификация законодательства Европейского Союза в сфере международного частного права: аналитический обзор // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2012. – № 2. – С. 142–163.
11. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/771 от 20 мая 2019 г. «О некоторых аспектах, касающихся контрактов на продажу товаров» // СПС «Гарант».
12. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/770 от 20 мая 2019 г. «О некоторых аспектах, касающихся контрактов на поставку цифрового контента и цифровых услуг» // СПС «Гарант».
13. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 25 октября 2011 г. № 2011/83/ЕС «О правах потребителей, изменяющая Директиву 93/13/ЕЭС Совета ЕС и Директиву 1999/44/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС и отменяющая Директиву 85/577/ЕЭС Совета ЕС и Директиву 97/7/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 8 июня 2000 г. № 2000/31/ЕС «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности об электронной коммерции» (Директива об электронной коммерции) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 23 сентября 2002 г. № 2002/65/ЕС «О дистанционном маркетинге потребительских финансовых услуг» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 21 мая 2013 г. № 2013/11/ЕС «Об альтернативном разрешении споров с участием потребителя» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Директива Совета Европейских сообществ от 5 апреля 1993 г. № 93/13/ЕЭС «О несправедливых условиях в договорах с потребителями» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М.: Статут, 2010.

19. Международное частное право: учебник для бакалавров / под ред. Н.И. Марышевой. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2018.

20. Муратова О. В. Роль актов мягкого права в регулировании коммерческих отношений в Европейском Союзе // Коммерческое право. – 2014. – № 1. – С. 106–112.

21. Муратова О. В. Унификация коллизионных норм международного частного права в Европейском Союзе // Российская юстиция. – 2014. – № 3. – С. 25–28.

22. Научные концепции развития российского законодательства: монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2024.

23. Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. Н. Г. Доронина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – 2-е изд., перераб. и доп.. – ИД «Юриспруденция», 2023.

24. Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20 июня 2023 г. № 88 «О проекте Соглашения об электронной торговле в Евразийском экономическом союзе» // СПС «КонсультантПлюс».

25. Рафалюк Е. Е., Залоило М. В., Власова Н. В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. – 2016. – № 1. – С. 154–168.

26. Рафалюк Е. Е., Залоило М. В., Власова Н. В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 2. С. 103–113.

27. Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография. М.: ИЗиСП: РИОР, – 2016.

28. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/1150 от 20 июня 2019 г. «Об обеспечении справедливости и прозрачности в отношениях между бизнес-пользователями и сервисами электронной коммерции» // СПС «Гарант».

29. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2022/2065 от 19 октября 2022 г. «О едином рынке цифровых услуг и о внесении изменений в Директиву 2000/31/ЕС (Акт о цифровых услугах)» // СПС «Гарант».

30. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2022/1925 от 14 сентября 2022 г. «О конкурентных и справедливых рынках в цифровом секторе, а также о внесении изменений в Директивы (ЕС) 2019/1937 и (ЕС) 2020/1828 (Акт о цифровых рынках)» // СПС «Гарант».

31. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 17 июня 2008 г. № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)» // СПС «КонсультантПлюс».

32. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 12 декабря 2012 г. № 1215/2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» // СПС «КонсультантПлюс».

33. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 21 мая 2013 г. № 524/2013 «Об онлайн-урегулировании споров с участием потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

34. Сергеева О. В. Электронная торговля в архитектуре нормативного регулирования: поиск баланса интересов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 2. – С. 2 –50.

35. Шахназаров Б.А. Эволюция правового регулирования интеграционных процессов в рамках деятельности Евразийского экономического союза (частно-правовой аспект) // Юрист. – 2020. – № 9. – С. 20–30.

Е. Ю. Тихалева,

кандидат юридических наук, доцент,

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. Целью проведенного научного исследования является характеристика основных проблем, которые могут возникать в практической плоскости при активном внедрении искусственного интеллекта в жизнедеятельность общества с учетом действующих норм гражданского права. Автор характеризует возможные направления использования современных систем и алгоритмов искусственного интеллекта. Акцентирует внимание на возможностях осуществления финансового управления убытками, возникающими у потерпевших.

Ключевые слова: право, искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, вина, возмещение ущерба, компенсация, страховой фонд

ON THE PROBLEMS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE THROUGH THE PRISM OF CIVIL LAW

Abstract. The purpose of the conducted scientific research is to characterize the main problems that may arise in practice with the active introduction of artificial intelligence into the life of society, considering the current norms of civil law. The author

characterizes the possible directions of using modern artificial intelligence systems and algorithms. Focuses on the possibilities of financial management of losses incurred by victims.

Keywords: law, artificial intelligence, civil liability, guilt, damages, compensation, insurance fund

Введение. В настоящее время искусственный интеллект используется во многих сферах жизнедеятельности (здравоохранение, авиация, финансы и т. д.) и выполняет самые разнообразные виды деятельности (мониторинг, интеллектуальный анализ данных, прогнозирование, анализ рынка и торговлю, распознавание изображений, разработку планов лечения и т. д.). В зависимости от этого алгоритмы искусственного интеллекта могут реально наносить ущерб доходам, активам, репутации или даже физической неприкосновенности человека (например, при его использовании в хирургии или в самоуправляемых автомобилях). Цель статьи – дать характеристику основных проблем, которые могут возникать в практической плоскости при активном внедрении искусственного интеллекта в жизнедеятельность общества с учетом действующих норм гражданского права.

Основная часть. Современные алгоритмы искусственного интеллекта не ограничиваются выполнением задач, основанных на predetermined и постоянных правилах. Они способны собирать данные (так называемый интеллектуальный анализ данных) и самообучаться. В частности, алгоритмы могут автоматически совершенствоваться на основе опыта и становиться способными делать прогнозы и принимать решения, на которые они явно не были запрограммированы. Приложения, особенно те, которые относятся к так называемому глубокому обучению, могут находиться под наблюдением, частично под наблюдением или даже без присмотра людей. Распознавание изображений на основе глубокого обучения в настоящее время позволяет получать более точные результаты, чем при использовании человеком. В медицинской диагностике, например, искусственный интеллект позволяет выявлять опухоли с помощью компьютерной интерпретации медицинских изображений. Недавняя пандемия Covid-19 подтвердила, что искусственный интеллект может быть использован для контроля и выявления случаев пандемии, постановки диагнозов, а также разработки вакцин и лекарств [5; 8].

Кроме того, системы искусственного интеллекта обладают не только способностью принимать решения. Будучи встроенными в физические системы, такие, как автомобили с автоматическим управлением, они могут влиять на решения людей в реальном мире. Это поднимает вопросы о безопасности и о том, не превзойдет ли автономный искусственный интеллект в какой-то момент человеческий.

С другой стороны, применение «традиционной» гражданской ответственности к искусственному интеллекту может стать сдерживающим фактором для новых технологий, основанных на искусственном интеллекте, так как в этой ситуации представляется затруднительным решение вопроса о субъекте ответственности [6]. Очевидно, что первым и наиболее важным критерием для установления обязанности по выплате компенсации за ущерб является наличие вины.

Такой подход к рассматриваемому вопросу отражен, например, в Принципах европейского деликтного права, разработанных Европейской группой по деликтному праву, особенно в том, что касается связи компенсации с обязательством возместить ущерб, который неизменно зависит исключительно от вины или «строгой ответственности» [3. С. 25, 145].

Тем не менее во многих случаях было бы бесполезно возлагать обязанность выплачивать соответствующие убытки или компенсацию на производителей и программистов: алгоритмы, по сути, могут вести себя совершенно независимо от инструкций, изначально предоставленных программистами, так что они могут допускать ошибки, несмотря на отсутствие недостатков в разработке или реализации. В связи с этим искусственный интеллект требует, чтобы законодательство в данной сфере развивалось, переходя от вопроса гражданской ответственности к так называемому финансовому управлению убытками.

Схемы возмещения ущерба «без вины виноватым» могли бы стать эффективной стратегией регулирования, чтобы обеспечить такую эволюцию. Конечно, такие схемы должны применяться только в тех случаях, когда нет доказательств того, что производители или программисты действовали в условиях небрежности, неосмотрительности, и их деятельность в достаточной степени соответствовала научно обоснованным стандартам. Мы поддерживаем мнение о необходимости создания соответствующих страховых фондов для выплаты компенсаций пострадавшим [2; 7]. Такие инициативы периодически обсуждаются и в России, в частности, что касается вопросов утечек данных граждан [1]. Также в 2024 году были внесены поправки в Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», которые устанавливают обязательное страхование вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу других лиц в рамках экспериментальных правовых режимов [4].

Разработка вышеупомянутой схемы потребует тщательного определения критериев приемлемости, особенно в том, что касается определения научно обоснованных стандартов, которые должны соблюдаться для обеспечения применимости схемы. Также необходимо определить третью, независимую организацию, ответственную за выплату компенсаций пострадавшим конечным пользователям в этой схеме, а также за ее функционирование и финансирование (создание страховых фондов). Аналогичным образом должно быть предусмотрено определение стандартизированной суммы компенсации. Принятие стандартизированной системы компенсации также может в значительной степени зависеть от того, как устроена система социального обеспечения в каждой отдельной стране.

Реализация рассматриваемой схемы позволила бы отделить компенсацию в пользу пострадавших от ответственности производителей и программистов устройств искусственного интеллекта. Это также помогло бы устранить другие недостатки, присущие традиционной парадигме гражданской ответственности. Здесь можно упомянуть о риске превращения гражданской ответственности в «лотерею возмещения ущерба» из-за того, что в некоторых случаях ущерб не может быть возмещен, поскольку в конкретном случае никто не виноват.

Заключение. Таким образом, результаты деятельности искусственного интеллекта могут быть непредсказуемыми, несмотря на отсутствие недостатков в разработке или реализации. Это означает, что алгоритмы могут ошибаться при принятии решений. На практике искусственный интеллект создает новые проблемы в отношении гражданской ответственности, которая должна обеспечивать баланс между адекватной компенсацией жертвам и необходимостью не препятствовать внедрению технологических инноваций.

Список литературы

1. В России может появиться фонд для компенсаций пострадавшим от утечек данных // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 19.08.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41847/> (дата обращения: 30.08.2024).
2. Митин Р. К. Страхование ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 2А. – С. 110–115.
3. Яшнова С. Г. Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в гражданском праве России и стран Западной Европы: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 224 с.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: федеральный закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ // Российская газета. – 12.07.2024. – № 152.
5. Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М.: Проспект, 2022.
6. Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М.: Инфотропик Медиа, 2021.
7. Нормы гражданского права о роботехнике: Резолюция Европарламента от 16.02.2017 [Электронный ресурс]. – URL: www.robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/oQeHTCnw.pdf/ (дата обращения: 30.08.2024).
8. Marchisio E. In support of "no-fault" civil liability rules for artificial intelligence // SN Soc Sci. 2021 – № 1(2). – P.54. DOI: 10.1007/s43545-020-00043-z. Epub 2021 Jan 11.

А. В. Тумаков

кандидат юридических наук, доцент
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются признаки цифровой валюты и особенности вовлечения в гражданский оборот, а также связь цифровой валюты с традиционными объектами гражданского права. Определена одна из важных проблем, требующих решения – это проблема ценности цифровой валюты, ее стоимости. Решение этого вопроса чрезвычайно важно в связи с тем, что законодатель относит цифровую валюту к средству платежа или инвестиций. Автор обращает внимание на то, что законодатель, определяя цифровую валюту, упоминает о возможности рассматривать ее как цифровой код. Однако сам цифровой код не имеет никакого имущественного содержания, поскольку он является не содержанием, а формой – средством фиксации какого-либо права собственности. Таким образом, цифровой код не может придать цифровой валюте стоимостную характеристику.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровой рубль, цифровое имущество, цифровое право, гражданский оборот, объекты гражданских прав, цифровизация, оператор информационной системы

CURRENT REGULATORY ISSUES REGULATION OF THE DIGITAL CURRENCY AND ITS PROSPECTS IN THE DOMESTIC CIVIL TURNOVER

Abstract. The article discusses the signs of digital currency and the features of involvement in civil circulation, as well as the relationship of digital currency with traditional objects of civil law. One of the important problems to be resolved is determined – this is the problem of the value of digital currency, its cost. Resolving this issue is extremely important due to the fact that the legislator classifies digital currency as a means of payment or investment. The author draws attention to the fact that the legislator, when defining digital currency, mentions the possibility of considering it as a digital code. However, the digital code itself does not have any property content, since it is not content, but a form – a means of fixing any property right. Thus, the digital code cannot give a value characteristic to the digital currency. The use of general and specific methods of scientific knowledge allowed the author to formulate the following conclusion – in scientific sources, comparing digital currency and cryptocurrency, researchers point to such a difference as the decentralization of cryptocurrency and the centralization of digital currency. We can partly agree with this, given that the Russian legislator takes a broader approach to the technological basis of digital currency, it cannot be argued that it is impossible for any technology used to issue digital currency to have this property.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, digital ruble, digital property, digital law, civil circulation, objects of civil rights, digitalization, information system operator

Введение. Действующее законодательство выделяет следующие признаки цифровой валюты: это цифровой код, данные, либо обозначения; в отношении цифровой валюты отсутствует обязанное лицо; они выполняют функцию средства платежа или инвестицией; не относятся к денежной единице и иным валютным ценностям, в том числе иностранным; операторы и/или узлы информационной системы обязаны обеспечить порядок выпуска и фиксации оборота цифровой валюты (часть 3 статьи 1 ФЗ от 31 июля 2020 №259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ о ЦФА)) [6].

Такой подход законодателя формирует множество вопросов, вызывающих проблемы в правоприменительной деятельности. Одна из важных проблем, подлежащих разрачению – это проблема ценности цифровой валюты, ее стоимости. Разрешение данного вопроса крайне важно в силу того, что законодатель относит цифровую валюту к средствам платежа или инвестициям.

Основная часть. Ценность нематериального объекта гражданских прав, к группе которых относится цифровая валюта, определяется его содержанием. Однако к содержанию цифровой валюты возникает ряд вопросов.

В частности, упоминание в дефиниции электронных данных наводит на мысль, что содержанием цифровой валюты выступает информация, либо база данных. Если мы говорим об информации, то следует отметить, что в настоящее время она не относится к самостоятельным объектам гражданских прав. О ней мы можем говорить только в рамках рассмотрения иных объектов, например товаров (информация о товаре), работах, услугах и прочее. Отсутствие самостоятельности информации как объекта гражданских прав осложняет ее определение в качестве содержания цифровой валюты, в силу ее неотделимости от иных объектов гражданских прав, свойства которых выражаются в информации.

Если же мы предположим, что содержанием цифровой валюты является база данных, то возникает другая проблема, связанная с разграничением субъективных прав обладателя цифровой валюты и интеллектуальных прав автора базы данных. Более того, возникает проблема конкуренции этих прав. Но с учетом того, что законодатель провозгласил цифровую валюту средством платежа, такая конкуренция делает не только невозможным оценку реальной стоимости данного эквивалента обмена, но создает ненужные препятствия к гражданскому обороту ввиду наличия авторских прав на базу данных. Понимание цифровой валюты как информации или базы данных системно критикуется и в научной литературе [1].

Законодатель, определяя цифровую валюту, упоминает возможность рассмотрения ее как цифрового кода. Однако цифровой код сам по себе не имеет никакого имущественного содержания, так как является не содержанием, а формой – средством фиксации какого-либо имущественного права. Таким образом, и цифровой код не может дать ценностную характеристику цифровой валюте.

Характеризуя цифровую валюту, законодатель также указывает на отсутствии всякого обязанного лица перед ее обладателем. И здесь возникает ряд си-

стемных вопросов. Отсутствие обязанного лица свидетельствует о том, что в содержании цифровой валюты отсутствует всякое имущественное право (в данном случае обязательственное право). Но возможно ли это? Сам законодатель опровергает эту идею в нормах того же ФЗ о ЦФА.

Так, из анализа части 6 статьи 14 ФЗ о ЦФА следует, что владелец цифровой валюты наделен правом обладания. Несмотря на то, что содержание этого права не раскрывается, анализ закона позволяет нам сделать ряд выводов относительно его элементов. В частности, это право характеризует принадлежность цифровой валюты определенному лицу; подлежит фиксации в информационной системе (часть 3 статьи 1 ФЗ о ЦФА); обладатель права осуществляет его собственными действиями. Указанные признаки позволяют нам говорить о наличии абсолютного права. Подтверждает данный вывод и указание законодателя на отсутствие обязанного лица, что еще раз свидетельствует о том, что обладатель цифровой валюты осуществляет свое право самостоятельно, собственными действиями, без обращения к третьим лицам.

Указание законодателя на возможность цифровой валюты выступать средством платежа, позволяет сделать вывод, что в его содержании присутствует и относительное имущественное право. В научной литературе указывают, что как минимум, это право требования обладателя цифровой валюты передать товар, оказать услугу, произвести работу, оплатой которой выступает цифровая валюта [2].

Следовательно, можно заключить, что содержание цифровой валюты определяется как абсолютным, так и относительным правом. При этом относительное право можно однозначно квалифицировать как обязательственное право. С учетом сделанного вывода, законодателю необходимо уточнить конструкцию цифровой валюты, указав в качестве ее содержания имущественное право. Такой подход оптимизирует правоприменительную деятельность, так как создает у правообладателя и его контрагента представление о ценности (в том числе его стоимости) полученного объекта гражданских прав.

Следует отметить, что в специальных законодательных актах цифровая валюта уже достаточно давно квалифицируется как имущество. Например, в статье 3 ФЗ от 07 августа 2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», статье 8 ФЗ от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Такой подход вполне объясним. Правовая конструкция имущества хорошо разработана гражданским законодательством, она понятна правоприменителю как с позиции гражданского оборота, так и с позиции наложения на него взыскания. В связи с отсутствием ясности о природе цифровой валюты в ФЗ о ЦФА, законодатель, в целях создания механизмов контроля за оборотом, отнес ее к такой группе объектов гражданских прав как имущество. В целом, соглашаясь с данной позицией, уточним, что цифровая валюта должна относиться к разряду иного имущества, а именно к имущественным правам.

В силу наличия права требования цифровая валюта может выполнять функцию средства платежа. Анализируя указанную норму, некоторые авторы делают вывод, что речь идет о частных деньгах [3]. С данной позицией трудно не согласиться в силу того, что в качестве государственной валюты цифровая валюта не поимено-

вана [8]. Более того, ни в ФЗ О валютном регулировании, ни в ФЗ от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [10] (далее ФЗ О национальной платежной системе) не поименована она и как средство платежа.

Однако чтобы отнести цифровую валюту к частным деньгам, необходимо ответить на вопрос, выполняет ли она функции денег? Другими словами, является ли она средством обращения, накопления, платежа, мерой стоимости [11]. В научной литературе, в ряде источников утверждается, что цифровая валюта обладает всеми характеристиками традиционных денег [5]. Позволим себе не согласиться с высказанной позицией.

Безусловно, нельзя говорить о том, что цифровая валюта является мерой стоимости, так как тогда она должна иметь нарицательную стоимость и носителя денежной единицы. Но носителем денежной единицы в цифровой валюте выступает рубль, и именно его нарицательная стоимость используется при обращении. Однако не стоит категорично отвергать возможность цифровой валюты быть мерой стоимости. ФЗ о ЦФА допускает формирование правил о выпуске и обращении цифровой валюты самой информационной системой. Следовательно, локально, в рамках отдельно взятой информационной системы она может быть наделена различными свойствами, в том числе и таким, как способность выступать мерой стоимости.

Относительно возможности цифровой валюты выступать средством обращения мы уже упомянули выше. Действующее законодательство, в статье 14 ФЗ о ЦФА допускает обмен валюты на товар. Впрочем, здесь мы видим законодательную коллизию между нормами одного закона, с одной стороны указывающего на цифровую валюту как средство платежа (другим словами допускающего возможность обмена цифровой валюты на товар) и с другой стороны, ограничивающего ее использование в качестве встречного предоставления (часть 4 статьи 1 ФЗ о ЦФА).

Это одно из самых глобальных противоречий указанного законодательного акта, так как деньги – это то же товар и объект гражданских прав (статья 128 ГК РФ). А, следовательно, купля-продажа цифровой валюты, по своей правовой сущности, представляет собой взаимное встречное предоставление денег и цифровой валюты. Безусловно, законодателю стоит отказаться от столь широко запрета на встречное предоставление, перечисли те конкретные случаи, когда цифровая валюта не может использоваться как средство платежа.

Помимо средства платежа цифровая валюта является инвестицией. И здесь также видится противоречие с иными законодательными актами. Так, ФЗ от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] называет в качестве инвестиций только денежные средства. Однако мы выяснили выше, что цифровая валюта денежным средством не является.

Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» [4] и ФЗ от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [9] включают в понятие инвестиций не только денежные средства, но

и имущественные права, и иное имущество. Но опять же, как мы писали выше, законодатель изначально, давая определение цифровой валюте, исключили возможность понимания ее как имущественного права (впрочем, мы, надеюсь, убедительно доказали, что имущественной право в ее содержании все-таки есть, но еще раз повторимся, законодательная дефиниция исходит из его отсутствия). Следовательно, дословное толкование приведенных норм законов не позволяет говорить нам о цифровой валюте как инвестиции, в отличие от дефиниции ФЗ о ЦФА, утверждающей обратное.

Заключение. Полагаем, что в случае, если законодатель признает цифровую валюту в качестве имущественного права, то противоречия указанных актов будут устранены без необходимости введения дополнительных специальных норм.

Список литературы

1. Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции // Банковское право. – 2021. – № 2. – С. 19–27.
2. Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – Вып. 2 (64) – С. 88–111.
3. Ефимова Л. Г. Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // Юрист. – 2019. – № 3. – С. 12–19.
4. Закон РСФСР от 26 июня 1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР // Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 29. – Ст. 1005.
5. Максуров А. А. Криптовалюты и правовое регулирование их обращения: монография. – М.: Дашков и К, 2016. – С. 81.
6. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.05.2024).
7. Федеральный закон от 2 августа 2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.
8. Федеральный закон от 10 декабря 2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.
9. Федеральный закон от 25 февраля 1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 9. – Ст. 1096.
10. Федеральный закон от 27 июня 2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.
11. Харрис Л. Денежная теория / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. статья В. М. Усоскина. – М.: Прогресс, 1990. – 214 с.

С. Д. Умрихин,
аспирант,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОСЛЕДНИХ НОВЕЛЛ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОПОСРЕДУЮЩИХ ПРОВЕДЕНИЕ ОБЩИХ СОБРАНИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ последних изменений российского корпоративного законодательства, непосредственно направленных на «цифровизацию» правоотношений в хозяйственных обществах. Цифровые технологии трансформируют корпоративное право, повышая эффективность корпоративного управления и улучшая взаимодействие между акционерами (участниками) хозяйственных обществ. В соответствии с изменениями от августа 2024 года в отечественное законодательство вводятся нормы, опосредующие проведение общих собраний в хозяйственных обществах в дистанционном формате, что значительно упрощает и ускоряет принятие корпоративных решений. Возможность онлайн-участия и обязательное хранение записей собраний обеспечивают прозрачность и открытость корпоративных процессов. Применение дистанционных технологий снижает операционные издержки и способствует вовлечению всех акционеров (участников), включая миноритариев, в деятельность корпорации. Это усиливает прозрачность и справедливость корпоративного управления, превращая цифровые технологии в важный элемент современной практики регулирования корпоративных правоотношений, а также осуществления корпоративных прав и обязанностей.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, дистанционные технологии, корпоративное право, общие собрания, акционеры, участники

DIGITALIZATION OF CORPORATE ORGANIZATIONS' ACTIVITIES THROUGH THE PRISM OF THE LATEST NOVELTIES OF THE RUSSIAN LEGISLATION MEDIATING THE HOLDING OF GENERAL MEETINGS IN BUSINESS COMPANIES

Abstract. The purpose of this article is to analyze recent changes in Russian corporate law directly aimed at “digitalization” of legal relations in business companies. Digital technologies are transforming corporate law, increasing the efficiency of corporate governance and improving interaction between shareholders (participants) of business entities. In accordance with the amendments of August 2024, domestic legislation introduces norms that mediate the holding of general meetings in business companies in a remote format, which significantly simplifies and accelerates corporate decision-making. The possibility of online participation and mandatory storage of meeting records ensure transparency and openness of corporate processes. The use of remote technologies reduces operational costs and promotes the involvement of all sharehold-

ers (participants), including minority shareholders, in the activities of the corporation. This enhances the transparency and fairness of corporate governance, making digital technologies an important element of the modern practice of regulating corporate legal relations and exercising corporate rights and obligations.

Keywords: law, digital technologies, remote technologies, corporate law, general meeting, shareholders, participants

Введение. Цифровые технологии играют все более значимую роль в регулировании корпоративных правоотношений, трансформируя традиционные методы и формы взаимодействия участников (акционеров) и предоставляя новые инструменты для управления хозяйственной деятельностью коммерческих корпораций. Существенное влияние процесса цифровизации на корпоративное право отмечают многие выдающиеся представители зарубежной правовой науки. К примеру, специалисты по предпринимательскому и корпоративному праву из Китайской Народной Республики Ч. Ванг и К. Сюй пишут, что «корпоративное право, будучи основополагающим компонентом рыночной экономики, должно адаптироваться к вызовам, порождаемым стремительным технологическим бумом» [3]. Не секрет, что цифровизация способствует повышению эффективности работы всех структурных подразделений корпорации, включая юридические департаменты, а также существенным образом влияет на деятельность органов управления организаций. Цифровые технологии способствуют улучшению прозрачности и управляемости корпоративных процессов. Е. Ю. Гупалова, анализируя современные тенденции, направленные на цифровизацию права, отмечает, что «действующее законодательство постепенно пополняется совершенно новыми понятиями, такими как цифровые права, цифровая валюта, цифровые финансовые активы и многими другими» [1].

Основная часть. Одной из ключевых тенденций в цифровой экономике является разработка и применение дистанционных технологий, которые, в том числе, начинают играть все более значимую и заметную роль в корпоративном праве, отражая глобальные тенденции цифровизации и стремление к повышению эффективности управления бизнесом. Их внедрение не только облегчает процесс взаимодействия между акционерами (участниками) и руководством компаний, но и способствует значительному улучшению корпоративного управления в целом.

Ключевым показателем эффективности применения дистанционных технологий в корпоративном праве является их реальная способность ускорять процессы принятия корпоративных решений. В традиционной, уже уходящей в прошлое модели организации общих собраний в очной форме путем физического совместного присутствия всех участников собрания, значительное время уходит на подготовку и проведение такого собрания, особенно в крупных обществах с большим числом акционеров (участников). Согласно позиции И. С. Шиткиной и К. В. Севеевой «для обеспечения качественного корпоративного управления, в том числе в части соблюдения прав участников хозяйственных обществ, особо важное значение приобретает тема проведения общих собраний участников корпорации в дистанционном формате, то есть онлайн» [2].

В связи с этим становится понятно, почему отечественное корпоративное законодательство в последние годы претерпевает существенные изменения, направленные на включение в законы о хозяйственных обществах норм, регулирующих отношения по проведению общих собраний в хозяйственных обществах в дистанционной форме. Так, совсем недавно был опубликован Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «Закон 287-ФЗ»), который вводит в отечественное законодательство о хозяйственных обществах нормы, опосредующие регулирование порядка проведения общих собраний в дистанционной форме. Одной из ключевых новелл указанного закона является возможность проведения общих собраний в хозяйственных обществах с использованием электронных или иных технических средств, что существенно оптимизирует процесс принятия корпоративных решений, позволяя участникам таких корпораций принимать участие в общих собраниях, находясь в любом месте, где имеется доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Так, согласно нормам Закона № 287-ФЗ, которые вступят в силу с 01.03.2025, общие собрания в хозяйственных обществах могут проводиться дистанционно при условии использования технических средств, позволяющих достоверно установить личность участника общего собрания и предоставляющих реальную возможность принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня общего собрания и голосовать по ним. Таким образом, при проведении собраний в дистанционной форме должна быть обеспечена техническая возможность для верификации акционеров (участников) хозяйственного общества, принимающих участие в собрании, и в корректной фиксации их волеизъявления, которая выражается в голосовании по вопросам повестки дня общего собрания.

Законом 287-ФЗ устанавливается перечень требований, которые предъявляются к порядку проведения дистанционных общих собраний:

1) обязательным является онлайн-трансляция общего собрания, что позволяет всем его участникам следить за ходом заседания. Такая мера способствует открытости и прозрачности процесса принятия решений в хозяйственных обществах;

2) уставом общества может быть предусмотрено исключение указанного правила, данное требование следует рассматривать в качестве дополнительной гарантии прав и интересов участников общих собраний, потому как оно обеспечивает гибкость в проведении собраний и учитывает потребности тех участников, которые предпочитают физически присутствовать в месте проведения собрания;

3) определяется юридические последствия, которые наступают в случае, если имеют место быть технические неполадки, способные помешать проведению дистанционного общего собрания. При таких обстоятельствах, для целей исключения ситуаций, когда имеет место быть возможность принятия решений в условиях, когда не все участники собрания могут выразить свое мнение, соответствующее собрание признается несостоявшимся;

4) в уведомлении о проведении дистанционного общего собрания должны быть указаны сведения о порядке доступа к участию в нем, включая способы идентификации участников собрания. По общему правилу, такая идентификация осуществляется посредством усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП). Вместе с тем, уставом общества могут быть предусмотрены и другие способы, такие как использование усиленной неквалифицированной электронной подписи или идентификация через «Госуслуги». Эти меры направлены на обеспечение высокой степени защиты персональных данных и корректной верификации участников собрания.

Внедрение возможности проведения дистанционных общих собраний приносит корпорациям множество преимуществ. Одним из главных является повышение оперативности принятия решений. В условиях, когда акционеры (участники) могут участвовать в собраниях онлайн, устраняется необходимость физического присутствия всех участников собрания. Это особенно важно для крупных хозяйственных обществ с дисперсной структурой капитала, в которых число акционеров (участников) может представлять значительное число. В таких случаях организация традиционного общего собрания, предусматривающего физическое совместное присутствие в одном месте всех участников общего собрания, требует значительных временных и/или финансовых затрат, связанных с арендой помещений, обеспечением логистики и выполнением других организационных задач.

С переходом на дистанционные собрания хозяйственным обществам удастся сократить указанные затраты и ускорить процесс принятия корпоративных решений. Это, в свою очередь, позволит корпорациям быстрее реагировать на стоящие перед ними вызовы, внедрять новые производственные и/или операционные стратегии и адаптироваться к изменчивой рыночной конъюнктуре. В условиях высокой конкуренции это становится принципиально важным фактором для успешного ведения хозяйственной деятельности.

Кроме того, дистанционные общие собрания способствуют улучшению корпоративного управления. Внедрение и использование современных технологий позволит автоматизировать многие процессы, связанные с подготовкой и проведением собраний, что снижает риск ошибок и увеличивает прозрачность всех этапов принятия корпоративных решений. Например, использование электронных платформ для осуществления голосования позволит не только ускорить процесс подсчета голосов, но и обеспечить его прозрачность и защитить от фальсификаций.

Для акционеров (участников) корпораций наличие возможности участвовать в общих собраниях в дистанционном формате также предполагает наличие массы преимуществ. Прежде всего, это повышение доступности участия в управлении хозяйственным обществом и принятии ключевых корпоративных решений. Независимо от того, где находится акционер (участник), он может принять участие в общем собрании, выразить свою позицию и проголосовать по всем вопросам повестки общего собрания. Это особенно важно для миноритарных акционеров (участников), которые часто оказываются в невыгодном положении из-за сложностей с доступом к собраниям, проводимым в традиционной

офлайн форме. Дистанционный формат позволит им участвовать в общих собраниях наравне с мажоритариями, защищать свои интересы и принимать непосредственное участие в управлении обществом.

Кроме того, проведение дистанционных общих собраний способствует лучшей информированности акционеров (участников) о деятельности общества. Благодаря онлайн-трансляциям и возможности записи собраний, акционеры (участки) смогут не только присутствовать на заседаниях, но и возвращаться к обсужденным вопросам в любое удобное время, в том числе и на последующих собраниях, анализируя ранее принятые решения. Это должно повысить уровень осведомленности акционеров (участников) относительно принимаемых решений, а также ответственности за них, что поможет принимать более рациональные, экономически выгодные и юридически правильные корпоративные решения в будущем. Таким образом, дистанционные общие собрания способствуют формированию корпоративной культуры, основанной на прозрачности, открытости и ответственности акционеров (участников) за принимаемые ими решения. В долгосрочной перспективе это может привести к улучшению имиджа компании, повышению ее капитализации, укреплению позиций на рынке и приведению в соответствие ее деятельности нормам законодательства.

Заключение. Закон № 287-ФЗ открывает новые возможности для российского бизнеса, адаптируя законодательство к современным реалиям и вызовам. Возможность проведения дистанционных общих собраний – это не только шаг вперед в области цифровизации корпоративного управления, но и инструмент, который может существенно повысить эффективность и прозрачность управления корпорациями. Внедрение этих нововведений принесет значительную пользу как самим обществам, так и их акционерам (участникам), способствуя развитию более динамичной, прозрачной и устойчивой корпоративной культуры в Российской Федерации.

Все сказанное свидетельствует о важной роли дистанционных технологий в части влияния на корпоративное право. Их внедрение, безусловно, обеспечивает новые возможности для повышения эффективности, прозрачности и гибкости в части управления корпоративными организациями.

Список литературы

1. Гупалова Е. Ю. Анализ новеллы законодательства о проведении общего собрания акционеров с дистанционным участием // Научные междисциплинарные исследования. – 2021. – № 4. – С. 292–297.
2. Шиткина И. С., Севеева К. В. Дистанционные общие собрания участников хозяйственных обществ: эффективность новелл российского законодательства // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 3. – С. 3–16.
3. Wang, Chen and Ke, Xu, Toward Digital Corporate Law: Revisiting Corporate Law's Responses to Technology (July 01, 2024).

Н. А. Усольцева,
кандидат юридических наук, доцент,
Сургутский государственный университет,
Ю. М. Усольцев,
доцент,
Сургутский государственный университет

МОРАЛЬНО-ВОЛЕВАЯ ДИЛЕММА ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Внедрение искусственного интеллекта, появление общественных отношений, осложненных искусственным интеллектом, естественно поднимает вопрос о необходимости трансформации права, его базовых понятий. Наиболее спорным представляется вопрос о понятиях мораль и воля, как применимых к искусственному интеллекту. Показательным для интерпретации этих понятий является эксперимент «проблема вагонетки», именно он и положен в основу исследования, представленного в настоящей статье. В результате исследования авторы делают вывод о потенциальной возможности искусственного интеллекта самостоятельно решать морально-волевые проблемы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, воля, мораль, субъект права

MORAL-VOLITIONAL DILEMMA FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE: LEGAL ASPECT

Abstract. The introduction of artificial intelligence, the emergence of social relations complicated by artificial intelligence, naturally raises the question of the need to transform law, its basic concepts. The most controversial issue is the concept of morality and will, as applicable to artificial intelligence. The experiment «trolley problem» is indicative for the interpretation of these concepts, it is the basis of the study presented in this article. As a result of the study, the authors conclude that artificial intelligence has the potential to independently solve moral-volitional problems.

Key words: artificial intelligence, will, morality, subject of law

Введение. Искусственный интеллект, его модели и системы, стали участниками нашей каждодневной жизни, принимая в ней все более активное участие. Все это влечет несомненное осознание факта существования искусственного интеллекта в современной реальности, и его принятие или отрицание. Какое бы ни было мнение конкретного лица или группы лиц по этому вопросу, искусственный интеллект получает все больше возможностей, больше правового регулирования и больше места в правовой дискуссии. Важнейшей из таких дискуссий можно определить дискуссию о статусе искусственного интеллекта с позиции субъекта права, соотнесение с базовыми субъектами правовых отношений. Современные правовые концепции позволяют рассматривать искусственный интеллект и как объект правоотношений, и как их субъекта или квазисубъекта.

Остановимся на таких традиционных правовых понятиях как воля и мораль.

Основная часть. Несколько отстраняясь от сформировавшейся правовой интерпретации данных понятий, обратим внимание на первоочередные, по нашему мнению, сущность и понимание морали и воли в разрезе проблемы искусственного интеллекта.

Вспомним про эксперимент «проблема вагонетки» и представим себя на месте человека у стрелки. Мы готовы принимать решение, основывая на собственных моральных ценностях, выразить свою волю и получить соответствующие последствия, как морально-этические, так и юридические. Варианта поведения человека изначально в этой ситуации два: переключить стрелку, выбирая количество жертв, или уйти, не глядя на нее. Если принимаем решение стрелку переключить, то, какое количество жертв мы выбираем – одну или пять. Исходя из сформированной статистики этого эксперимента, преимущественно испытуемые выбирают одну жертву, делая выбор с позиции большего и меньшего блага для общества и для себя (один погибший лучше, чем много). Таким образом, формируется утилитарный или рациональный подход, который проявляет испытуемый человек.

И тем не менее исследования в эксперименте с вагонеткой продолжаются, и при изменении критериев жертв, происходит и изменение результатов эксперимента. Выбор пола жертвы; единая или противоположная гендерность с лицом, принимающим решение; изменение числа жертв на обоих путях; появление дополнительных субъектов, которых надо толкнуть на рельсы, чтобы остановить вагонетку; все это приводит к тому, что рациональный или утилитарный подход срывается не всегда. В его действие вмешивается эмоциональная составляющая. При изменении условий моральной дилеммы, которую необходимо решить, наш мозг не всегда готов принимать решение исключительно рационально [1].

Человек, принимая решение, не всегда обосновывает его моральными аспектами, принимая своей волей аморальный по мнению общества выбор. И чем же будет отличаться от него в данной ситуации искусственный интеллект, который делает рациональный выбор? Если поставить у стрелки рядом с вагонеткой искусственный интеллект, какова будет правовая природа и особенности его морально-волевой дилеммы?

С позиции правовой мысли мораль можно интерпретировать как выраженные во вне долженствования, реализованные в делах, поступках, соизмеримых с установленными правилами, что воспринимается в качестве уровня, среза морально-нравственного состояния социума [5. С. 38–44].

Но мораль не является стагнационным понятием, не подвергающимся трансформации с течением времени. То, что было вполне моральным в прошлые времена сейчас признается абсолютно аморальным. Традиционным примером для такой ситуации является морально оправданное разделение общества на классы, сословия, признание рабства и т. д. Соответственно стоит однозначно утверждать, что трансформация общества, его уклада приводит и к изменению критериев тех моральных ценностей, которые положены в его основу. Причем моральные ценности, основанные на религиозных догмах, также могут трансформироваться и изменяться под влиянием времени и изменений уклада общественной жизни, и прочих условий. Все это позволяет сделать вывод, что уни-

версальной, устойчивой морали просто не существует. Она проектируется на конкретное место, время, конкретное общество и конкретного человека.

Основываясь на соответствующих утверждениях, полагаем, что вплетение в мораль и ее ценности искусственного интеллекта вообще не является особой проблемой, и даже если сейчас еще существует неприятие искусственного интеллекта отдельными субъектами или их группами, то в ближайшем будущем трансформация однозначно завершится.

Продолжая исследование морально-волевой дилеммы искусственного интеллекта, обратимся к понятию воли. В контексте философских и психологических направлений волю можно интерпретировать как способность к выбору и наличие сил к реализации этого выбора. При этом воля может быть свойственна не только человеку, но и другим субъектам отношений, даже фиктивным и коллективным.носителем воли может быть юридическое лицо, государство, сообщество в целом и т. д. В зависимости от ситуации, от причин и условий, от носителя, воля может иметь разные характеристики и значение. Характеристики самого субъекта, являющегося носителем воли, также существенно влияют на нее (личные качества, традиции, религия, мораль, культура и т. д.). Несомненно, что воля, в правовом контексте, неразрывно связано с понятием дееспособности.

Интересным представляется вопрос о сочетании воли и разума. Разум можно рассматривать как основу для формирования воли, мотивации к действию. Это видение мира и реальности, на основе которого мы принимаем решения и имеем волю для их реализации. И одновременно соотношение этих понятий можно перевернуть: воля – это побудительность действия, а разум – мотивация к движению по выбранному направлению. При любом механизме взаимодействия воли и разума мораль остается необходимым элементом для выбора способа и метода решения заданного вопроса или сложившейся ситуации.

При такой неоднозначности и неоднородности воли, разнообразии субъектов носителей воли, несомненно, можно предположить вариант распространения статуса носителя воли на искусственный интеллект, как на квазисубъекта или как на субъекта правоотношений в будущем. Если же искусственный интеллект останется только в статусе объекта правоотношений, то конечно говорить о морали, воле, разуме самого искусственного интеллекта в большей степени бессмысленно. Он останется исключительно носителем воли и морали своего создателя или пользователя, тем самым его в любом случае можно определить лицом, актором, принимающим решение у вагонетки.

Рассматривая современную ситуацию с позиции возможности включения искусственного интеллекта в категорию носителей морально-волевых качеств, обратим внимание на следующее.

Развивая эту мысль, можно предположить, что искусственный интеллект в этой ситуации является формой реализации волеизъявления конкретного человека. Однако данная позиция не представляется бесспорной. Дополнительно отметим, что авторы задали вопрос нескольким из существующих нейросетей о том, какой из путей в ситуации с вагонеткой выбрал бы искусственный интеллект? Все нейросети отказались от ответа на данный вопрос со ссылкой, что он является морально-этическим.

Вопрос морально-волевых и морально-этических установок для искусственного интеллекта не является праздным. Расширение применения искусственного интеллекта в непосредственном взаимодействии с человеком в системе беспилотного транспорта, в медицине, в обороне, ставит эти вопросы перед обществом. Логика закрепления моральных ценностей разработчика/пользователя искусственного интеллекта в его алгоритмах должна завершаться системой юридической ответственности для этих субъектов.

Что это, если не проявление воли и разума? Решение в данной ситуации искусственный интеллект основывает на собственной морали, или как минимум на морали того человека, который собственное видение моральных ценностей заложил в программные алгоритмы.

Полагаем, что все это в совокупности дает возможность говорить о существовании потенциальной возможности появления у искусственного интеллекта собственных морально-волевых качеств, а также самостоятельно сформированных и обоснованных побудительных мотивов к действию. Удивительным в такой ситуации представляется факт того, что для искусственного интеллекта уже сейчас появились специализированные тесты, которые не только отличают искусственный интеллект от компьютера (тест Тьюринга), но и иные тесты (например, эмоциональный), которые ориентированы на определение мыслительных, когнитивных, эмоциональных способностей машины [2]. Реальность, несомненно, характеризуется существованием отношений, в которых человек может взаимодействовать с искусственным интеллектом, и даже вступает в отношения непосредственно с ним. Но при этом пока никто не ставит задачу искусственному интеллекту понимать конкретного человека, его мысли, задачи и поступки. Однако именно это сделает искусственный интеллект сравнимым и сопоставимым с естественным, и действительно даст основания говорить о собственных морально-волевых качествах. Хотя это не значит, что искусственный интеллект не способен нас удивить уже сейчас.

Заключение. Возвращаясь к вопросу морально-волевой дилеммы и эксперимента вагонетки, предположим, что искусственный интеллект может стать носителем воли и будет способен с собственного восприятия и позиции общества выстраивать собственную мораль и следовать общественным нормам. В такой ситуации он будет способен принять самостоятельное решение о переключении стрелок и выборе числа жертв либо принять решение и отказаться от такого выбора.

Список литературы

1. Иваницкая А. Вагонеткология: как люди решают, кто достоин остаться в живых? [Электронный ресурс]. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/20188-vagonetkologiya-kak-lyudi-reshayut-kto-dostoin-ostatsya-v-zhivykh> (дата обращения: 26.08.2024).

2. Исков А. Если тест Тьюринга не подходит, то что? Свобода воли искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. – URL: <https://author.today/post/210715> (дата обращения: 29.08.2024).

3. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102.

4. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

5. Осин В. Н. Мораль, нравственность в современном философско-правовом аспекте // Философия права. 2022. № 3 (102). С. 38–44.

6. Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 9 (142). – С. 63–72.

Н. И. Федоров

аспирант,

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование проектного финансирования в строительной отрасли в условиях цифровых технологий. Основной целью исследования является выявление ключевых особенностей и тенденций, влияющих на юридические аспекты проектного финансирования при внедрении цифровых решений. Особое внимание уделяется изменениям в законодательстве, новым требованиям к прозрачности и безопасности финансовых операций, а также внедрению цифровых инструментов для оптимизации проектного финансирования. В статье анализируются актуальные нормативно-правовые акты, судебная практика и примеры успешного применения цифровых технологий в проектном финансировании. Результаты исследования направлены на формирование рекомендаций для улучшения правового регулирования и повышения эффективности финансирования строительных проектов.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, проектное финансирование, ГЧП

LEGAL REGULATION OF PROJECT FINANCING IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. This article examines the legal regulation of project financing within the construction industry amidst digital technologies. The primary objective of the study is to identify key features and trends impacting the legal aspects of project financing with the implementation of digital solutions. The article focuses on legislative changes, new requirements for transparency and security in financial operations, and the integration of digital tools to optimize project financing. It analyzes current regulatory frameworks, judicial practices, and successful examples of digital technology application in project financing. The findings aim to provide recommendations for improving legal regulation and enhancing the efficiency of financing construction projects.

Keywords: Law, Digital Technologies, Project Financing, Public-Private Partnerships

Введение. С развитием цифровизации значительное внимание уделяется внедрению цифровых платформ и технологий, таких как блокчейн, электронные договоры, смарт-контракты и цифровые финансовые активы (ЦФА). Эти инструменты существенно меняют как правовые, так и финансовые аспекты проектного финансирования, создавая новые возможности и правовые вызовы.

Основная часть.

1. Определение проектного финансирования в цифровую эпоху

Проектное финансирование представляет собой систему, при которой погашение задолженности осуществляется за счет будущих доходов проекта.

2. Правовая природа цифрового проектного финансирования

С развитием цифровых технологий правовое регулирование проектного финансирования эволюционирует. Применение блокчейна и ЦФА в строительных проектах позволяет автоматизировать многие аспекты проектного управления и привлечения капитала.

Применение цифровых активов в проектных контрактах создает новые правовые вызовы, особенно в области защиты прав инвесторов и обеспечения исполнения обязательств.

Кроме того, применение смарт-контрактов, о которых говорится в статье 309 ГК РФ, позволяет автоматизировать выполнение обязательств. В проектном финансировании это означает, что контракты могут быть запрограммированы на автоматическое исполнение по мере достижения конкретных этапов строительства. Это снижает риски задержек и нарушений обязательств.

3. Участники проектного финансирования в условиях цифровизации

Рассмотрим правовой статус участников проектного финансирования с учетом использования цифровых технологий и ЦФА:

1. Заемщик (проектная компания). Проектные компании могут выпускать цифровые облигации или токены, обеспеченные будущими доходами проекта, что позволяет эффективно привлекать средства через блокчейн-платформы. Это

облегчает процесс финансирования и взаимодействия с кредиторами и инвесторами. Использование блокчейн-платформ в будущем может существенно улучшить прозрачность проектного финансирования.

2. Кредиторы. Цифровые финансовые активы обеспечивают кредиторам новый инструмент для управления рисками. Использование блокчейна для выпуска и управления ЦФА позволяет кредиторам контролировать целевое использование средств и получать дополнительные гарантии в виде цифровых активов.

3. Инвесторы. Введение цифровых облигаций и токенов открывает инвесторам доступ к новым возможностям. ЦФА позволяют более эффективно и безопасно вкладывать средства в строительные проекты.

4. **Подрядчики.** Подрядчики могут использовать цифровые платформы для управления своими контрактами и обеспечения выполнения работ. Смарт-контракты гарантируют автоматические выплаты по мере завершения этапов проекта, что минимизирует споры по оплате.

4. Законодательная база цифрового проектного финансирования

В условиях цифровизации нормативная база проектного финансирования расширяется за счет регулирования цифровых технологий и ЦФА. К основным нормативным актам, регулирующим цифровые аспекты проектного финансирования, относятся:

1. Гражданский кодекс РФ, который устанавливает общие положения о юридической силе электронных документов и смарт-контрактов (ст. 160, 309 ГК РФ).

2. Федеральный закон № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» – регулирует использование цифровых технологий в проектах государственно-частного партнерства (ГЧП), включая электронные документы и цифровой контроль за выполнением обязательств.

3. Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» – определяет правила выпуска и обращения цифровых облигаций, что позволяет использовать их для привлечения капитала в рамках проектного финансирования.

5. Проблемы правового регулирования цифрового проектного финансирования

Несмотря на существенные преимущества цифровых технологий и ЦФА, правовое регулирование их использования в проектном финансировании сталкивается с рядом проблем:

1. Нечеткость правового регулирования ЦФА. Хотя Федеральный закон № 259-ФЗ регулирует обращение ЦФА, на практике существуют проблемы с их правовой квалификацией и обеспечением. Например, не до конца урегулированы вопросы банкротства компаний, выпускающих цифровые активы, что создает риски для инвесторов.

2. Риски безопасности данных. Использование цифровых платформ требует надежной защиты данных участников проектного финансирования. В контексте блокчейн-систем возникают проблемы, связанные с правовой охраной персональных данных, как отмечает Х-Г. София в своей работе по регулированию блокчейн-технологий в свете персональных данных [2].

3. Налоговые риски. Операции с ЦФА могут подлежать специфическим налоговым режимам, что требует доработки налогового законодательства. В частности, цифровые облигации и токены могут рассматриваться как новые виды активов, что вызывает вопросы о порядке их налогообложения.

6. Международный опыт использования ЦФА в проектом финансировании

На международной арене использование ЦФА становится стандартом для проектного финансирования, особенно в развитых экономиках. Например, в Сингапуре и Швейцарии законодательство адаптировано под выпуск токенов и цифровых облигаций для крупных инфраструктурных проектов. В Великобритании блокчейн и ЦФА широко используются в финансировании крупных инфраструктурных проектов. Российский экономист Дмитрий Кочергин подчеркивает, что законодательство в этой сфере постоянно адаптируется под новые технологии и требует участия профессиональных юристов в развитии правовых норм [3].

Заключение. Цифровизация проектного финансирования, включая использование ЦФА, меняет существующие подходы к реализации крупных инфраструктурных проектов. ЦФА и смарт-контракты делают процессы более эффективными и прозрачными, однако для успешного применения этих инструментов требуется дальнейшее совершенствование нормативной базы. Внедрение цифровых технологий позволит минимизировать правовые риски и ускорить реализацию проектов в строительной отрасли.

Список литературы

1. Цифровые финансовые активы и их операторы [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/digital_oper/ (дата обращения: 01.09.2024).
2. Jiménez-Gómez, Briseida Sofia, Risks of blockchain for data protection: A european approach // Santa Clara High Tech. L.J. – 2020. – Vol. 36. – P. 281
3. Kochergin D. Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Turnover // International Organizations Research Journal. – 2022. – Vol. 17, № 3. – Pp. 75–130 (in English). DOI:10.17323/1996-7845-2022-03-04.

Д. А. Федоров,
аспирант,

Государственный академический университет гуманитарных наук

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Аннотация. Автором рассмотрен вопрос защиты цифровых прав в актуальном законодательстве. Обозначается позиция законодателя, согласно которой текущее нормативное закрепление цифровых прав в законе – первое из многих будущих форматов, сформулированных в результате анализа и переосмысления норм о цифровых правах. На основе проведенного исследования предлагается вывод о системном исследовании цифрового права и в первую очередь механизма защиты цифрового права и специальных способов защиты цифрового права.

Ключевые слова: цифровое право, защита гражданских прав, способы защиты цифровых прав, гражданско-правовая ответственность, объекты гражданских прав, утилитарные цифровые права, цифровой финансовый актив

LEGAL REGULATION OF DIGITAL RIGHTS PROTECTION

Abstract. The author considers the issue of protection of digital rights in current legislation. The position of the legislator is indicated, according to which the current normative consolidation of digital rights in the law is the first of many future formats formulated as a result of the analysis and rethinking of the norms on digital rights. Based on the conducted research, a conclusion is proposed on the systematic study of digital law and, first of all, the mechanism for protecting digital law and special ways to protect digital law.

Keywords: digital law, protection of civil rights, methods of digital rights protection, civil liability, objects of civil rights, utilitarian digital rights, digital financial asset.

Введение. Внедрение цифровых технологий в деятельность общества послужило началом нового этапа в российском гражданском праве, связанного с включением в число объектов гражданского права совершенно новой категории – цифровых прав. В научном сообществе уделено много внимания анализу значения «цифровых новелл» в гражданском законодательстве. Вместе с тем практически отсутствует какой-либо анализ цифрового права с точки зрения охранительной функции гражданского права, способов защиты права для защиты от потенциальных посягательств на новую категорию прав.

Появление категории цифровое право подразумевает наступление новой стадии развития цивилизации, при которой в ходе научно-технологического прогресса общества становится возможным производить многочисленные блага, существующие в виртуальном (нематериальном) формате. Сам факт существования зоны, функционирующей на основании программного кода, алгоритма в киберпространстве с возможностью реализации в ее пределах прав и свобод граждан, свидетельствует о прорывном этапе не только в общественных отношениях,

но и в актуальном состоянии права в том числе. На текущем этапе развития института цифрового права российским законодательством предусмотрены две ее разновидности – цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права.

Следует отметить, что создание специальных норм цифрового права также было инициировано в рамках общей кампании по «цифровому обновлению» объектов гражданских прав посредством выделения в законе в первую очередь элементов, представляющих государственный интерес для регулирования финансового рынка (цифровой финансовый актив) и макроэкономики (утилитарное цифровое право) в условиях цифровизации [3].

В то же время цифровое право в российском гражданском праве нельзя назвать полноценной, безукоризненной категорией прав, которая не нуждается в исследованиях жизнеспособности норм права и пробелов. Так, инициация дополнения ГК РФ цифровыми правами произошла с упущением ряда системных исходных начал, в числе которых механизм защиты цифровых прав. Оформление в федеральном законе столь специфичного правового института, как цифровые права предусматривает такой же соответствующий, специальный подход к вопросам защиты права.

Как справедливо указали М. М. Старосельцева, П. И. Брусова, нематериальные характерные черты цифровых объектов в российском гражданском праве предполагают особую классификацию способов защиты [5]. На данный момент защита цифровых прав производится посредством применения общих способов защиты прав, предусмотренных ст. 12 ГК с учетом иных способов, предусмотренных законом. Так, в соответствии с указанными профильными федеральными законами за нарушение прав собственника по цифровым финансовым активам и утилитарным цифровым правам предусмотрена ответственность оператора соответствующей информационной системы в виде возмещения убытков.

Представляется, что нематериальные характеристики и роль, отведенная законодателем в становлении цифровой экономики цифровых прав, свидетельствуют об особом статусе данной категории прав, достаточно особом, чтобы иметь специальные способы защиты прав, помимо стандартных, предусмотренных ст. 12 ГК. Д. Н. Кархалев, М. М. Старосельцева, П. И. Брусова обоснованно отмечают, что общих способов защиты гражданских прав по ст. 12 ГК явно недостаточно для полноценной защиты цифровых прав, кроме того, необходимо дополнение механизма защиты цифровых права специальным способом защиты – компенсацией по аналогии с санкцией за нарушение исключительных прав, предусмотренной ч. 4 ГК РФ [4].

По мнению В. Н. Гаврилова и Р. М. Рафикова, одним из центральных недостатков института цифровых прав в ГК служит отсутствие возможности взыскания на цифровые права и способов их защиты [2].

Л. Ю. Василевская полагает, что цифровизация имущественного оборота диктует необходимость формирования объективного цифрового права в виде отдельной полноценной системы юридических норм, регулирующих, в том числе цифровые охранительные отношения [1]. Считаю, что данный подход к пониманию концепции цифровых прав является верным, так как актуальный правовой режим цифровых прав в ГК РФ представляет собой первую попытку «обращения

силы права» на цифровую среду, в результате которой была введена дефиниция цифровых прав в ГК РФ.

Законодатель отвел специальную роль цифровым правам в экономическом развитии государства. Введение в ГК РФ цифровых прав подразумевает начало процесса последовательного развития норм о цифровых правах, в особенности в части защиты указанных новелл ГК РФ. Считаю необходимым предусмотреть в законе альтернативные способы защиты цифровых прав.

В этой связи предлагаю дополнить закон нормой о специальном возмещении убытков в большем размере в качестве последствия недействительности договора инвестирования, совершенного под влиянием существенного заблуждения в соответствии с Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ. Размер указанной санкции будет определяться судом в зависимости от вины нарушителя, величины понесенных потерь и других фактических обстоятельств. Данный отход от традиционного полного возмещения убытков, при условии, что законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере, обусловлено особой ролью цифровых прав, в частности, утилитарных цифровых прав в экономике российского государства.

Данное «повышенное» взыскание, помимо выполнения основных своих функций как способа защиты права, то есть с наказанием виновного лица, предупреждением совершения нового правонарушения и восстановлением права, будет также работать как косвенный фактор, способствующий повышению доверия граждан к цифровым правам в аспекте противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в цифровой среде, тем самым продвигая распространение цифровых прав в обществе.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, текущая модель регулирования характеризуется рядом пробелов, в числе которых механизм защиты цифровых прав. Ограничение охраны цифрового права лишь общими способами защиты согласно ст. 12 ГК РФ не может обеспечить должную юридическую защиту столь специфичных объектов права. Все потому, что в данном случае речь идет о совершенно новом, отличном от традиционных объектов права цифровом формате, для обеспечения адекватной защиты которого охранительный инструментарий, «заточенный» как раз для пресечения посягательств на традиционные объекты гражданского права, не может быть вполне эффективны. В научной доктрине уже проводились исследования потенциала актуальных способов защиты цифровых прав, но для дальнейшего и полноценного развития концепции цифровых прав в гражданском праве необходимо дальше исследовать аспекты механизма защиты цифровых прав.

Список литературы

1. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5(102). – С. 111–119.

2. Гаврилов В. Н., Рафиков Р. М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 1. – С. 51–59.
3. Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex Russica. – 2020. – № 10(167). – С. 21–31.
4. Кархалев Д. Н. Цифровые права в гражданском обороте // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – № 19(2). – С. 134–141.
5. Старосельцева М. М., Брусова П. И. К вопросу о защите цифровых прав сквозь призму гражданского права // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 2(10). – С. 227–230.

А. И. Чижов

аспирант,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
юрист консалтинговой группы «Берингов»

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ТОКЕНИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена феномену токенизации, который набирает популярность в настоящее время и является одним из ключевых инструментов цифровизации экономики. В предложенном материале большое внимание уделяется определению термина «токенизация», его правовым преимуществам и возможностям использования в различных сферах экономической деятельности. На основе законодательства, правоприменительной практики и правовой доктрины автором проводится анализ текущего состояния правового регулирования технологии токенизации в Российской Федерации и других странах мира с учетом имеющихся тенденций. Статья будет интересна всем, кто интересуется вопросами цифровизации и правового обеспечения экономических процессов в современном мире.

Ключевые слова: цифровая экономика, правовое регулирование, цифровое право, блокчейн, токенизация, токен, цифровые права, цифровые активы

TOKENIZATION: THE LEGAL NATURE

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of tokenization which is gaining popularity nowadays and is one of the key tools of digitalization of the economy. The proposed material pays much attention to the definition of the term “tokenization”, its legal advantages and opportunities for use in various spheres of economic activity. On the basis of legislation, law enforcement practice and legal doctrine the author analyzes the current state of legal regulation of tokenization technology in the Russian Federation and other countries, taking into account existing trends. The article will be of interest to all those who are interested in the issues of digitalization and legal support of economic processes in the modern world.

Keywords: digital economy, legal regulation, digital law, blockchain, tokenization, token, digital rights, digital assets

Введение. В современном обществе технология токенизации может коренным образом перестроить правовую парадигму, вызывая необходимость нового понимания и регулирования привычных правовых институтов. В условиях быстрого цифрового развития и изменения традиционных бизнес-моделей токенизация начинает играть ключевую роль в решении различных правовых проблем. Технология токенизации предоставляет возможность эффективного управления различными активами, повышая результативность и безопасность многих процессов.

Основная часть. В первую очередь необходимо понять, что представляет собой данная технология. По мнению Hileman G. и Rauchs M., токенизация представляет собой процесс цифрового представления, существующего реального, внецепочечного актива в системе распределенного реестра [11. С. 11]. Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board) определяет токенизацию как представление классических финансовых активов, например, финансовых инструментов, совокупности залогов или реальных активов – в системе распределенного реестра [12. С. 11]. В статье, опубликованной международной консалтинговой компанией McKinsey & Company, токенизация определяется, как процесс выпуска цифрового представления актива на блокчейне (как правило, частном) [14]. В работе, выпущенной международной аудит-консалтинговой корпорацией PricewaterhouseCoopers, токенизация активов определяется, как процесс преобразования лежащего в основе актива, нематериального или физического, в другую единицу, называемую токенами [9. С. 4].

В статье «Моделирование бизнес-процессов краудинвестиционных платформ на основе токенизации активов» токенизация определяется, как «представление традиционных активов в виде токенов, выпущенных в сети DLT» [3. С. 47]. Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна отмечают, что токенизацией называется «выпуск токенов, представляющих стоимость реального актива» [6. С. 124]. А. И. Савельев пишет: «В результате токенизации создается цифровая репрезентация определенного объекта, так что его дальнейший оборот осуществляется уже посредством распоряжения его цифровой репрезентацией, на которую возникает самостоятельное гражданское право» [4. С. 37]. Центр стратегических разработок дает следующее определение: «Токенизация – облечение известного объекта гражданских прав (например, прав по договору, права собственности, права участия в корпорации) в криптоформу» [7].

Таким образом, мы видим, что устоявшееся и общепризнанное определение понятия «токенизация» в настоящее время отсутствует. Наиболее верно будет определять токенизацию как процесс выпуска токенов в блокчейне, которые закрепляют тот или иной объем прав на лежащий в основе актив реального мира. Сделки, которые направлены на актив реального мира, будут происходить именно с токенами. По сути, в процессе токенизации происходит выпуск цифрового представления актива реального мира на блокчейне.

Среди основных правовых преимуществ технологии токенизации активов можно выделить повышение прозрачности, неизменяемости и автоматизации. Прозрачность – ключевое преимущество токенизированных активов. Технология блокчейн позволяет создавать децентрализованную, публичную книгу всех транзакций и соглашений. Это означает, что все стороны, участвующие в правовых отношениях, могут видеть историю соглашения и любые изменения, внесенные в него. Такая прозрачность способствует укреплению доверия между сторонами и снижает риск мошенничества или возникновения споров. Неизменяемость – еще одно значимое преимущество токенизации активов. Технология блокчейн гарантирует, что после записи транзакции в блокчейн ее нельзя изменить или удалить. Это означает, что юридические соглашения и контракты могут надежно храниться, а история соглашения полностью защищена. Также существенным преимуществом технологии токенизации активов можно назвать автоматизацию. Смарт-контракты, которые представляют собой самоисполняющиеся контракты с условиями договоренностей, записанными непосредственно в коде, могут использоваться для автоматизации исполнения юридических соглашений. Это означает, что при выполнении определенных условий договор будет исполняться автоматически, что снижает необходимость ручного вмешательства и повышает эффективность.

Таким образом, следует отметить, что правоотношения, которые возникают в связи с токенизированными активами, имеют ряд преимуществ по сравнению с правоотношениями, которые связаны с классическими активами. Использование технологии блокчейн позволяет повысить прозрачность, неизменяемость и автоматизацию, делая юридический процесс более эффективным и безопасным.

Стоит отметить, что токенизация может быть использована в различных сферах для решения существующих проблем. Так, например, Ю. С. Харитоновна пишет, что технология NFT идеально подходит для использования в индустрии мероприятий, поскольку продажа билетов зачастую связана с такими проблемами, как мошенничество и подлинность билетов [5. С. 69].

Таким образом, мы видим, что токенизация представляет собой мощный инструмент с широким спектром возможностей для решения имеющихся проблем и оптимизации процессов в различных отраслях экономики. Технология токенизации демонстрирует свою особую эффективность в сфере мероприятий и сфере интеллектуальной собственности, которые в большей степени подвержены различным нарушениям.

В сегодняшнем мире каждое государство имеет свою правовую систему и четкие механизмы правового регулирования, однако вопрос нормативно-правового регулирования токенизации находится в процессе развития, несмотря на имеющиеся у него значимые преимущества. В настоящее время отсутствует единый, общепринятый подход к правовому регулированию процесса токенизации.

Важно отметить, что акт токенизации активов реального мира не изменяет внутреннюю природу самих активов. Этот факт подчеркивает важность тщательного правового анализа, основанного на характеристиках базового актива. Независимо от того, рассматриваем ли мы механизмы передачи прав собственности, применение законодательства о ценных бумагах или меры по защите прав

потребителей, природа активов реального мира неизменно определяет суть данных вопросов. Например, процесс передачи прав собственности на токенизированный актив должен согласовываться с правовой базой, регулирующей физический актив, гарантируя, что все транзакции будут действительны и осуществимы. Аналогичным образом квалификация токенов в соответствии с законодательством о ценных бумагах зависит от природы базового актива, что может иметь серьезные последствия для решения вопроса о необходимости соблюдения нормативных требований, вопроса о контроле со стороны регулирующих органов и вопроса о защите инвесторов.

Юристы канадской юридической фирмы Osler Hoskin & Harcourt LLP отмечают, что очень важно создать четкую правовую базу для владения этими токенами и для их передачи. Это включает в себя, например, определение прав и обязанностей держателей токенов, создание механизмов передачи токенов, обеспечение соответствия применимому имущественному и договорному законодательству, а также создание механизмов проверки права собственности в случае утраты токена. Также важную роль играют тщательно составленные юридические соглашения, отражающие природу и программную основу смарт-контрактов токенов [10].

С. Л. Будылин правовую сущность токенизации рассматривает на примере токенизации произведений искусства: «Конкретный объем передаваемых с токеном прав может существенно варьироваться. Так, с токеном может передаваться исключительное право на изображение, а может – лишь ограниченное право на его использование. Само произведение как физический объект (картина и т. п.) может передаваться, а может и не передаваться приобретателю токена. Покупателю токена могут предоставляться и другие права, например право пообедать с автором картины.

Соответственно, конкретный смысл «токенизации» не предопределен. Все зависит от конкретных условий выпуска токена или двустороннего договора между продавцом и покупателем токена» [8].

Описание сущности токенизации, которое дал С. Л. Будылин, представляется верным. Автор совершенно точно отмечает, что у термина токенизация нет общепринятой правовой природы и что каждая токенизация уникальна. Уникальность каждой токенизации заключается в используемых видах токенов, в выбранном корреспондирующем активе, а также, что самое главное, в том определенном наборе прав, который получает покупатель вместе с приобретенным токеном. Необходимо обратиться к конкретным правилам выпуска, из которых можно узнать подробно все условия и понять, что конкретно можно получить при покупке. Таким образом, мы можем сделать вывод, что конкретные выпуски токенов регулируются на локальном уровне. В таком случае законодателю важно оставить определенный уровень свободы участникам процесса токенизации активов, закрепив на федеральном уровне лишь общие положения, регулирующие токенизацию, определенные рамки поведения для участников процесса токенизации.

Некоторые страны решили пойти по пути распространения законодательства о ценных бумагах на токены. Так, например, решила поступить Швейцария. В 2020 году в Обязательственное право Швейцарии была введена новая категория

ценных прав (реестровые ценные права), правовая природа которых максимально приближена к ценным бумагам. Как отмечается в докладе Центра стратегических разработок: «По сути, реестровые ценные права представляют собой новую категорию «ценных бумаг», существуя параллельно с прежними (нереестровыми) ценными правами, которые имеют обязательственную природу. Таким образом, новая категория реестровых ценных прав, которые учитываются и обращаются, прежде всего, посредством блокчейна, обладают теми же ключевыми свойствами, что и обычные документарные ценные бумаги. В итоге реестровые ценные права (большинство токенов) становятся максимально обрабатываемыми» [1. С. 7].

В США к токенам часто применяется законодательство о ценных бумагах путем обращения к понятию инвестиционного контракта, заключаемого между эмитентом и инвестором. Комиссия по ценным бумагам и биржам США использует *Howey test* для квалификации токена в качестве инвестиционного контракта, в результате чего актив может подпадать под действие американских законов о ценных бумагах. В таком случае на токены будет распространяться Закон о ценных бумагах США 1933 года со всеми имеющимися требованиями и запретами. Так, например, Комиссия по ценным бумагам и биржам США подала иск против биржи Kraken [13]. В своем иске Комиссия по ценным бумагам и биржам США обозначила ряд токенов, которые она считает незарегистрированными ценными бумагами, а биржа Kraken обвиняется в том, что она выступила в отношении этих и других криптоактивов в качестве одновременно брокера, дилера, биржи и клирингового агентства, не имея при этом соответствующих разрешений и регистрации.

Таким образом, мы видим, что одним из подходов к регулированию токенов, которые представляют собой одну из основных составляющих процесса токенизации активов, является сближение регулирования токенов и ценных бумаг и распространение законодательства о ценных бумагах на отношения, связанные с токенами и токенизацией.

В России же формируется несколько иной подход к правовому регулированию отношений, связанных с токенизацией [2]. Основу правового регулирования токенизации и токенов в России составляет Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). Цифровые права включены в перечень объектов гражданского права, закрепленный статьей 128 ГК РФ, в качестве разновидности имущественных прав. Определение цифровых прав приводится в статье 141.1 ГК РФ, согласно которой цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Также законодатель отмечает, что осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Таким образом, мы видим, что законодатель закрепил в ГК РФ такое преимущество токенизации, как дезинтермедияция путем установления ограниче-

ния на совершение различных операций с цифровыми правами исключительно в информационной системе без привлечения посредников.

Российским законодателем был также принят перечень законов, которые носят своей целью сформировать полноценное регулирование блокчейн индустрии. К таким законам, в частности, относится принятый в начале 2021 года Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О ЦФА»). Согласно п. 1 ст. 1 данным Федеральным законом регулируются отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации.

ФЗ «О ЦФА» вводит понятие «цифровые финансовые активы». Согласно п. 2 ст. 1 «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы». Такая формулировка закона позволяет охватить довольно большой спектр криптоактивов. В монографии Л. В. Санниковой и Ю. С. Харитоновой отмечается, что понятие «цифровые финансовые активы» обозначает инвестиционные токены, которые как раз таки используются в процессах токенизации активов [6. С. 186].

Также стоит рассмотреть возможность применения Федерального закона от 02.08.2019 №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ») к регулированию отношений, связанных с токенизацией. Согласно ст. 1 данный Федеральный закон регулирует отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ.

ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» вводит понятие утилитарных цифровых прав, определение которых дается через перечисление цифровых прав, которые могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться в инвестиционной платформе (ст. 2 и 8). К таким цифровым правам относятся:

- право требовать передачи вещи (вещей);
- право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Утилитарные цифровые права, таким образом, представляют собой различные виды прав требования и, соответственно, являются элементом обязательственного правоотношения, в рамках которого утилитарное право обеспечивается обязанностью должника.

Таким образом, мы видим, что регулирование токенизации может идти по пути применения к ней существующего законодательства, либо по пути формирования специального законодательства. Россией был выбран путь формирования специального законодательства в области токенизации, к которому относятся ФЗ «О ЦФА» и ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». При этом необходимо иметь в виду, что конкретные выпуски токенов на активы регулируются во многом на локальном уровне.

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что технология токенизации несет в себе значимые преимущества и, соответственно, имеет большой потенциал для применения в экономике. Правовое регулирование в данной сфере только начинает зарождаться и законодателю предстоит обширная работа, поскольку крайне важно разработать эффективную нормативно-правовую базу для регулирования этой области. При этом правовое регулирование должно быть разработано таким образом, чтобы сохранить все преимущества технологии токенизации, одновременно минимизировав потенциальные риски.

Список литературы

1. Башкатов М., Айрапетян Л., Малахов А. [и др.] Виртуальные активы: токенизация и эмиссия токенов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.csr.ru/ru/research/tssr-vypuskaet-doklad-virtualnye-aktivy-tokenizatsiya-i-emissiya-tokenov/> (дата обращения: 02.09.2024).
2. Будник Р. А. Риски и перспективы токенизации творчества // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. № 1(3). – С. 587–611. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.25>. EDN: xhasaw
3. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Федореев С. А. Моделирование бизнес-процессов краудинвестиционных платформ на основе токенизации активов // Мир новой экономики. – 2022. – № 1. – С. 45–61.
4. Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. – № 2. – С. 36–51.
5. Харитонова Ю. С. Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности // Юрист. – 2021. – № 9. – С. 65–73.
6. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. – М.: Издательство «4 Принт», 2020. – 304 с.
7. ЦСР выпускает доклад «Виртуальные активы: токенизация и эмиссия токенов» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.csr.ru/ru/research/tssr-vypuskaet-doklad-virtualnye-aktivy-tokenizatsiya-i-emissiya-tokenov/> (дата обращения: 02.09.2024).
8. Что такое токенизация? Блокчейн и NFT для чайников [Электронный ресурс]. – URL: <https://zakon.ru/blog/2021/08/21/blokchejn-i-nft-dlya-chajnikov-voprosy-i-otvety> (дата обращения: 02.09.2024).

9. Asset Tokenisation [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pwc.com/ng/en/assets/pdf/asset-tokenisation.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).
10. Burgoyne M. T., Fouin L., Richard C. Tokenization: unlocking value and legal challenges [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a37cc497-a7ab-4965-b56d-10906f1e00e3> (дата обращения: 02.09.2024).
11. Hileman G., Rauchs M., Global Blockchain Benchmarking Study [Электронный ресурс]. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3040224> (дата обращения: 02.09.2024).
12. OECD. The Tokenisation of Assets and Potential Implications for Financial Markets, OECD Blockchain Policy Series [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/338740098_The_Tokenisation_of_Assets_and_Potential_Implications_for_Financial_Markets (дата обращения: 02.09.2024).
13. SEC Charges Kraken for Operating as an Unregistered Securities Exchange, Broker, Dealer, and Clearing Agency [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sec.gov/news/press-release/2023-237> (дата обращения: 02.09.2024).
14. What is tokenization? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-is-tokenization> (дата обращения: 02.09.2024).

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н. Н. Гончарова,

кандидат юридических наук, доцент,
Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова,

Е. В. Дятлова,

старший преподаватель,
Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье раскрывается понятие цифровой дипломатии, выявляются цифровые инструменты, которые используются в процессе осуществления дипломатической деятельности. А также проводится сравнение терминов публичная дипломатия, традиционная дипломатия и цифровая дипломатия. Анализируются проблемы и перспективы использования цифровой дипломатии в качестве инструмента внешней политики в деятельности государств. Выводы, сделанные в процессе проведения исследования, помогают представить будущее дипломатии и международных отношений на мировой арене.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатическая деятельность, международные отношения, публичная дипломатия, традиционная дипломатия, цифровая дипломатия, цифровые инструменты

DIGITAL DIPLOMACY AS A FOREIGN POLICY TOOL

Abstract. The article reveals the concept of digital diplomacy, identifies digital tools that are used in the process of carrying out diplomatic activities. The terms public diplomacy, traditional diplomacy and digital diplomacy are also compared. The problems and prospects of using digital diplomacy as a foreign policy tool in the activities of states are analyzed. The conclusions drawn in the course of the study help to imagine the future of diplomacy and international relations on the world stage.

Keywords: foreign policy, diplomatic activity, international relations, public diplomacy, traditional diplomacy, digital diplomacy, digital tools

Введение. Современные технологии проникли во все аспекты нашей жизни, включая мир международных отношений. Цифровизация оказала влияние на дипломатию, которая функционирует как инструмент государственной внешней политики. Дипломатическое общение в 21 веке все больше сосредотачивается вокруг

цифровой дипломатии, которая является результатом глобализации. Цифровая дипломатия предлагает международным субъектам возможность использовать ее для разработки политики и достижения конкретных международных целей.

Основная часть. Ограничения цифровой дипломатии, поскольку она напрямую не регулируется Венской конвенцией о дипломатических сношениях и другими международно-правовыми инструментами, означают, что она может иметь свои собственные традиции. Министерства иностранных дел в различных странах начали устанавливать руководящие принципы для сотрудников по установлению приемлемых границ, при этом многие новые руководящие принципы предусматривают неформальное общение, а не формальный формат.

До наступления цифровой эры концепции, которые способны реализовать профессионалы, просто не присутствовали в цифровой сфере. Дипломатия обладает значительным потенциалом в таких областях, как автоматизация услуг, анализ зарубежной аудитории, обработка и обмен информацией, оптимизация внутренних процессов, а также потенциал для создания новых типов многостороннего сотрудничества.

При успешном развитии цифровой дипломатии ИТ-отделы внутри департаментов будут не только играть техническую роль, но и способствовать стратегическому планированию; появятся новые цифровые форматы внутреннего, межведомственного и международного общения, в том числе дипломатического уровня, возникнет потребность в информационной культуре [1. С. 37]. Несмотря на преимущества и проблемы цифровой революции, дипломатия изменилась вместе с появлением новых форм общения, но она по-прежнему сохраняет значение в международных отношениях.

Таким образом, под «цифровой дипломатией» следует понимать использование различных интернет-технологий для действенного решения дипломатических задач [7].

Цифровая дипломатия в основном применяется и дает значительные преимущества в работе с международной аудиторией, продвижении официальной позиции и влиянии на общественное восприятие страны.

В связи с этим дипломатия встречается с рядом препятствий в цифровой среде: дезинформация, как распространение ложной информации способно существенно подорвать доверие к государству, часто и так не стабильное, хакерские атаки, как угроза безопасности работы государственных систем и другие.

Необходимо отметить, что «традиционную дипломатию» цифровые технологии при всем своем молниеносном развитии вытеснить не смогут. Традиционная дипломатия опирается на официальные документы, которые содержат различные аспекты взаимодействия государств друг с другом.

Однако интересными направлениями применения цифровой дипломатии как средства являются мягкое продвижение своей культуры, ценностей посредством социальной сети, управления кризисными ситуациями, в том числе для информирования общественности, укрепления международного сотрудничества посредством реализации виртуальных саммитов, конференций и работы международных органов и учреждений.

В отличие от традиционной дипломатии, в дискурсе цифровой дипломатии заявление как официальный документ не присутствует, однако политики, стоящие во главе государства и занимающиеся международной деятельностью, могут использовать заявление, опубликованное в виде поста на странице аккаунта в социальной сети и адресованное конкретному лицу [5. С. 168]. Тот факт, что негативный имидж одних стран и превосходство (в разных смыслах) других можно сделать правдивыми посредством обвинений, угроз, оскорблений и речевых действий, которые могут быть использованы как средство ведения информационной войны.

Конечно, в традиционной дипломатии и дальше будут использоваться закрытые переговоры между представителями государств. Однако цифровая дипломатия способна дать представление о причинах принятия определенного решения за «закрытыми дверями», оповестить общественность о результатах и последствиях, к которым приведет принятое традиционным способом решение.

Стоит реализовать идеи применения цифровых инструментов и в разрешении международных публичных и частных споров [3. С. 100–101], методы разрешения которых вполне можно привести к единому знаменателю и регулированию в объеме работы цифровой платформы с применением виртуального пространства, мета вселенных и инструментов искусственного интеллекта.

Фактически, помимо использования цифровых платформ для проведения дипломатических переговоров двустороннего и многостороннего характера, использования онлайн-услуг для предоставления консульских услуг, речь может идти об использовании анализа данных для выявления трендов и принятия более взвешенных международных решений.

При проведении анализа понятия «публичная дипломатия» необходимо сделать вывод о том, что это система, состоящая из неправительственных и государственных институтов, деятельность которых направлена на улучшение диалога с общественностью разных государств в целях повышения благосостояния государства и продвижения национальных интересов [2].

Сущность публичной дипломатии намного шире, чем сущность вышеперечисленных видов дипломатической деятельности, так как в нее входит и традиционная дипломатия, и цифровая дипломатия.

Вопросами реализации идеи цифровой дипломатии остается правовая основа работы в цифровом пространстве. Основными источниками на данный момент выступают общепризнанные принципы международного права. Прежде всего, речь идет о применении такого принципа как равенство государственных суверенитетов, а значит и вмешательство во внутренние дела государства через цифровые каналы недопустимо. Принцип уважения прав и свобод человека предполагает защиту персональной информации человека и неприкосновенность его частной жизни, недискриминацию по признакам пола, расы, религии и т. д.

Главным образом цифровая дипломатия способствует реализации принципа мирного разрешения международных споров, практика обращения к которому стремительно падает [4, 8, 9], а, значит, ее применение нуждается в характеристике проявления цифровой агрессии против государства, что может найти в будущем и нормы об ответственности в таком случае.

Сами правовые нормы в системе института цифровой дипломатии должны формироваться с учетом лежащих в их основе признаков адаптивности к быстро меняющейся технологической среде с уверенным балансом между свободой выражения мнений и защитой от злоупотребления доступа. Это позволит сделать такие правила стабильными и предсказуемыми, способными привести к надлежащему уровню защиты от внешних угроз и с другой стороны, доверию к самим методам цифровой дипломатии.

Цифровая дипломатия расширяет возможности для международного сотрудничества и создает новые грани, которые могут быть поставлены на инновационные рельсы БРИКС [6]. Возможно, это поможет более эффективному развитию международного общения, в том числе в целях разрешения международных споров.

Заключение. Цифровая дипломатия имеет преимущества в ряде международных ситуаций, где существует необходимость быстрого, бесконтактного, объективного взаимодействия по широкому кругу вопросов. Дипломатия, как свободная форма взаимодействия в разных направлениях не может быть сильно ограничена правовыми рамками, а значит стоит задача направить все усилия на формирование принципов использования цифровой среды в дипломатических целях.

Стоит выработать стратегию развития дипломатии в цифровом пространстве, что может способствовать распространению современных идей и избежать негативного воздействия прямой конфронтации в целях развития суверенных прав государств, в том числе в условиях международного спора.

Список литературы

1. Бердимуратова Д. А., Зулпиев Н.Р. Цифровая дипломатия // Символ науки. – 2023. – № 9–2. – С. 36–37.
2. Бурлинова Н. В. Публичная дипломатия // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс] – URL: <https://bigenc.ru/c/publicchnaia-diplomatia-051c87/?v=8936970>. (дата обращения: 07.09.2024).
3. Гончарова Н. Н. Разрешение споров в международном публичном и международном частном праве / Н. Н. Гончарова // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2017. – Т. 13. – С. 99–103.
4. Гончарова Н. Н. Принцип мирного разрешения международных споров в новых условиях / Н. Н. Гончарова // Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 21–22 апреля 2023 года / Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова. Чебоксары: Б. и., 2023. С. 247–253.
5. Горбачева Е. Н. Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений) // Известия ВГПУ. 2019. – № 5(138). – С. 164–169.

6. Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография. – М.: ИЗИСП: РИОР, 2016.

7. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты // РСМД [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-diplomatiya-napravleniya-raboty-riski-i-instrumen/> (дата обращения: 07.09.2024).

8. Абделькарим Я. А. Демаркация киберпространства: политико-правовые последствия применения концепции национальных интересов суверенных государств // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 2. – С. 262–285. EDN SYWSRK.

9. Талимончик В. П. Перспективы рассмотрения споров, связанных с цифровыми технологиями, судами интеграционных объединений // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 690–710. EDN: TEDARM

В. П. Демидов,

кандидат философских наук, доцент,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Д. А. Мохоров,

кандидат юридических наук, доцент,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

А. Ю. Мохорова,

кандидат политических наук, доцент,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВОПРАВНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ОПЫТ ШОС

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления сотрудничества государств – участников ШОС в сфере противодействия кибертерроризму, анализируется правовая база в области антитеррористической деятельности и основанные на ней действия, осуществляемые силовыми структурами стран, входящих в ШОС, касающиеся вопросов противодействия киберпреступности. Результатом исследования выступает установление недостаточного регионального правового регулирования борьбы с терроризмом, в том числе в сети Интернет и невысокого уровня унификации антитеррористического законодательства, что создает препятствия для всеобъемлющего сотрудничества.

Ключевые слова: кибертерроризм, терроризм, Шанхайская организация сотрудничества, правовое регулирование, сотрудничество, международные нормы, региональная организация, цифровизация

COUNTERING THE MISUSE OF THE INTERNET: THE EXPERIENCE OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Abstract. The article examines the main areas of cooperation between the SCO member states in the field of countering cyberterrorism, analyzes the legal framework in the field of anti-terrorism activities, and the actions based on it, carried out by the security forces of the SCO member states regarding issues of countering cybercrime. The result of the study is the establishment of insufficient regional legal regulation of the fight against terrorism, including on the Internet, and a low level of unification of anti-terrorism legislation, which creates obstacles to comprehensive cooperation.

Keywords: cyberterrorism, terrorism, Shanghai Cooperation Organization, legal regulation, cooperation, international norms, regional organization, digitalization

Введение. В первые десятилетия XXI века обострились проблемы международного терроризма, активно вторгающегося в информационное пространство. Использование современных технологий, в том числе всемирной сети Интернет, предоставило террористическим группировкам дополнительные широкие возможности по противоправному воздействию на реализацию функций государственной власти в области управления. Международные террористические образования создают новые неправомерные направления применения сети интернет, расширяют террористические угрозы информационного характера, существенно влияющие на процессы жизнедеятельности населения государств и экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

Цель исследования – анализ региональной правовой базы и направлений ее развития для осуществления эффективной антитеррористической деятельности и создания комплексной программы действий, охватывающей наиболее уязвимые места террористической активности в рамках региональных организаций, а также осуществления силовыми структурами стран – участников ШОС борьбы с киберпреступностью.

Материалами исследования являются политико-правовые документы, принимаемые в рамках ШОС, а также научные издания по рассматриваемым вопросам.

Методами исследования выступают формально-юридический и системно-аналитический, позволяющие исследовать региональную правовую базу противодействия терроризму и установить направления деятельности органов государственной власти стран – участников ШОС по борьбе с проявлениями международного терроризма в информационном пространстве.

Основная часть. В 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества создавалась с целью противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму в среднеазиатском регионе [3. С.172]. За период существования организации принят целый ряд региональных документов, направленных на противодействие данным негативным социальным явлениям, базовым из которых была Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [1]. В настоящее время совместные усилия государств направлены и на обеспечение их кибербезопасности.

Необходимо отметить деятельность постоянно действующего органа ШОС – региональной антитеррористической структуры (РАТС ШОС), целью которого является установление взаимодействия стран, входящих в Организацию по вопросам, в том числе противодействия кибертерроризму путем взаимодействия с государственными структурами участников ШОС, проведения антитеррористических мероприятий, сбора информации и т. п.

В развитие разрешения данных вопросов в 2020 г. принято заявление Совета глав государств – участников ШОС, регламентирующее осуществление комплекса мероприятий, направленных на обеспечение международной информационной безопасности. Данный документ позволяет более детально конкретизировать перспективные направления противодействия коррупционному влиянию на формирование киберпространства, используемого государственными органами власти для реализации своих функций в сфере управления. Он создает базу для дальнейшего развития разнообразных форм политико-правового характера, имеющих целью снижение уровня террористических угроз при использовании передовых информационных технологий всеми субъектами этой, одной из важнейших, сфер общественных отношений в современном мире.

В 2021 году в Душанбе был подписан План взаимодействия стран ШОС по вопросам обеспечения международной информационной безопасности на 2022–2023 гг., в апреле 2024 г. на заседании Группы экспертов государств-членов ШОС по международной информационной безопасности обсуждались вопросы продления сроков реализации данного плана, решение по реализации Плана было принято в Астане по итогам саммита ШОС в июле 2024 г.

Сотрудничество ведущих держав ШОС в области противостояния терроризму требует неуклонного технического совершенствования всех сфер использования современных электронно-телекоммуникационных систем, что в перспективе обеспечит достаточно значимый эффект от совместных усилий лидеров Шанхайской организации сотрудничества на пути ограничения количества террористических актов в киберпространстве.

Заключение. Борьба государств, входящих в ШОС в настоящее время с международной киберпреступностью, постоянно обостряется. Ее успех зависит от создания эффективной системы мер межгосударственного характера, воздействующих на состояние терроризма: принятия политико-правовых документов, содержание которых позволит выявить наиболее перспективные точки воздействия со стороны государственных органов власти на процессы противодействия терроризму; гармонизации национального законодательства в первую очередь уголовно-правового, определение юридически значимых черт международного терроризма, а также создание системы организационных мер по борьбе с кибертерроризмом.

Список литературы

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и Экстремизмом [Принята в г. Шанхае 15 июня 2001 г.]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901812033> (дата обращения: 01.09.2024).

2. Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области международной информационной безопасности. 02.06.2011. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902289626> (дата обращения: 01.09.2024).

3. Гайнетдинова А. К. Перспективы развития сотрудничества в сфере противодействия кибертерроризму в рамках ШОС // Global and Regional Research. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 171–175. EDN BATXLS.

4. Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Проспект, 2025.

Д. Ю. Камышанский,
член Экспертно-консультативного совета
при Совете ПА ОДКБ,
Московский университет имени А. С. Грибоедова

УГРОЗЫ РАЗВИТИЮ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины и, как следствие, при попытках Соединенных Штатов Америки и коллективного Запада правового, экономического и политического давления на Россию дискуссии и соответствующей научной проработки требуют вопросы развития цифровой экономики государства. Автором представлены основные угрозы развитию цифровой экономики Российской Федерации в указанных условиях с учетом анализа международно-правовых актов, научных трудов российских и зарубежных ученых, а также авторского понимания указанной проблематики. Научная статья может быть использована представителями органов государственной власти, а также сотрудниками, аспирантами, соискателями и студентами высших учебных заведений в своей научно-исследовательской и образовательной деятельности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровая экономика, санкционной политика, секционное давление, санкции, специальная военная операция, международное право

THREATS TO THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE SANCTIONS POLICY OF FOREIGN STATES

Abstract. In the context of the Russian Federation conducting a special military operation to demilitarize and denazify Ukraine and, as a result, with attempts by the United States of America and the collective West to exert legal, economic and political pressure on Russia, the issues of developing the digital economy of the state require discussion and appropriate scientific study. The author presents the main threats to the

development of the digital economy of the Russian Federation in these conditions, taking into account the analysis of international legal acts, scientific works of Russian and foreign scientists, as well as the author's understanding of this issue. The scientific article can be used by representatives of public authorities, as well as employees, graduate students, applicants and students of higher educational institutions in their research and educational activities.

Keywords: economic security, digital economy, sanctions policy, sectional pressure, sanctions, special military operation, international law

Введение. Обеспечение экономической безопасности Российской Федерации на протяжении многих лет было и останется в долгосрочной перспективе одним из основных направлений деятельности органов государственной власти в вопросах обеспечения национальной безопасности и реализации законных интересов государства.

Особую актуальность этот вопрос приобретает на современном этапе развития международных отношений в правовой, экономической и политической сферах – трансформации международно-правовых отношений, нарастающим санкционным давлением со стороны коллективного Запада, а также обострением геополитической обстановки [8]. В своем выступлении на X Парламентском форуме БРИКС Президент Российской Федерации Путин В. В. отметил, что «Запад хочет подменить международное право в лучших традициях классического колониализма. Становление мироустройства, отражающего реальное положение дел в мире, сложный и болезненный процесс, Российская Федерация это понимает» [3].

Основная часть. Санкции носят экономический характер и направлены на подрыв экономики Российской Федерации с целью изменения ее политического курса, соответственно, противодействие им должно носить комплексный характер. В этом процессе, по нашему мнению, должны быть задействованы все органы государственной власти [6. С. 25], а наука должна сформировать теоретическую и прикладную основу для принятия рациональных, взвешенных правовых, экономических и политических решений.

Стоит отметить, что помимо санкционного давления на Российскую Федерацию, на обеспечение ее экономической безопасности оказывает влияние ряд факторов, среди которых можно выделить:

- рост противоправных действий, совершаемых незаконными организованными группами, в том числе транснациональными организованными преступными формированиями;
- развитие новых форм и методов совершения киберпреступлений, в том числе с учетом использования новых информационных технологий [14. С. 18], безналичных платежей, искусственного интеллекта и т. д.;
- увеличение финансирования национальных, федеральных и региональных проектов, которое требует соответствующего контроля со стороны различных органов государственной власти и местного самоуправления;
- неравномерность пространственного развития Российской Федерации, способствующая нарастанию разрыва в уровнях социально-экономического развития отдельных регионов;

– неразрешенность проблем на рынке труда Российской Федерации, нехватка высококвалифицированных кадров, необходимых для устойчивого экономического развития государства и др.

Кроме того, в условиях беспрецедентных в мировой истории антироссийских санкций со стороны Соединенных Штатов Америки, Канады и большей части государств Европы обострилась проблема обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в сфере информационной политики. Необходимо отметить, что в целом антироссийская санкционная политика со стороны ряда иностранных государств началась с 2014 года в связи с государственным переворотом на Украине. Однако санкционные меры, которые вводятся против Российской Федерации с начала проведения ею специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины продолжают расти, достигая своего максимума.

Официально антироссийские санкции направлены на изменения политического курса Российской Федерации в отношении Украины. Однако фактически санкции со стороны недружественных государств [9] против России используются как инструмент для решения геополитических задач, зачастую пренебрегая нормами международного права.

Многими российскими [4; 5; 7] и иностранными учеными [11; 12; 13] констатируется факт, что санкции, которые западные государства используют как инструмент давления на Российскую Федерацию, параллельно воздействуют на правовые, социально-экономические и политические показатели стран антироссийской коалиции. Постепенно мировая экономика ощущает на себе деструктивный эффект от последствий таких санкций.

Мировая экономика еще окончательно не нормализовалась от последствий финансового кризиса 2008 г. и COVID-19 [8], как начали ощущаться последствия санкционной политики западных государств в отношении Российской Федерации в виде повышения цен на энергоресурсы и дефицит продовольственных товаров, а также колеблющихся курсов национальных валют (так называемых фиатных валют, ценность которых поддерживается лишь решениями правительств).

Необходимо отметить, что затяжной санкционный период в отношениях между западными государствами и Российской Федерацией сказывается на внутреннем рынке информационных технологий и формирует определенные угрозы, показывая, насколько развитие многих отраслей экономики государства зависит от производителей иностранных партнеров, в первую очередь объектов новых информационных технологий (техника, комплектующие, программное обеспечение и т. д.). При этом товары ежедневного потребления человека быстро и эффективно можно заменить, а различного рода технологии и их элементы сменить затруднительно, поскольку период разработки и последующего замещения соответствующего программного обеспечения требует времени и ресурсов, как материальных, так и кадровых.

Так, например, Российская Федерация была отключена от платежных систем MasterCard и Visa, а также от международной финансовой информационной системы SWIFT. Государство в ускоренные сроки, с привлечением возможностей высококвалифицированных специалистов, смогло достойно ответить такому вы-

зову, создав национальную платежную систему «Мир», действие которой регламентировано Федеральным законом «О национальной платежной системе» [10]. Основной целью указанной национальной платежной системы является обеспечение финансовой безопасности государства и независимость банковских услуг в Российской Федерации от внешних политических и экономических факторов.

По нашему мнению, можно выделить несколько потенциальных угроз для российского рынка информационных технологий.

1. Изменение вектора развития внешней инвестиционной политики. Уход из российского рынка иностранных инвесторов.

2. Отток специалистов в области IT-технологий.

3. Рост цен на импортную IT-продукцию.

4. Отсутствие равнозначных аналогов некоторой IT-продукции.

Представляется, что в нынешних геополитических реалиях наступил период реализации возможностей для российских производителей для дальнейшего ускоренного развития национального рынка.

Важно, что с одной точки зрения возникли новые вызовы и угрозы развитию новым информационным технологиям Российской Федерации, а с другой – сформировались векторы совершенствования и роста российской IT-продукции. Так, в целом в мире возрос спрос на такую продукцию, что способствовало разработке полноценных аналогов западной IT-продукции.

По нашему мнению, необходимо использовать возможности международного сотрудничества в рамках ОДКБ, ШОС, БРИКС, ЕАЭС и других международных организаций для создания, поддержания и последующего развития единого информационного пространства, современной многофункциональной цифровой экономики с учетом развития международно-правовых норм.

Представляется, что рынок новых информационных технологий Российской Федерации, безусловно, обретет новые способы развития, роста и сбыта посредством активного и эффективного многостороннего сотрудничества государств – партнеров в рамках деятельности указанных международных организаций.

Стоит отметить, что цифровизация государственных институтов и общества в целом имеет как положительные, так и отрицательные качественные изменения. Их внедрение в повседневную деятельность граждан сопровождается разработкой новых правил и сопутствующих им ограничений и запретов, что несет в себе различные криминологические риски.

Можно согласиться с мнением старшего преподавателя Московского университета имени А. С. Грибоедова Аксенова А. Н., который в своем научном труде отметил, что «узакониванием цифровых финансовых активов («виртуальные деньги», «криптовалюты») объясняются риски их внедрения, в том числе «криминальные», а именно – отсутствие комплексных методик расследования преступлений, направленных как на сами цифровые финансовые активы, так и на совершения преступлений при их использовании» [1. С. 694–695].

Кроме того, по мнению представителей Банка России, «криптовизация» ограничивает суверенитет денежно-кредитной политики, в результате чего для сдерживания инфляции необходимо будет поддерживать на постоянной основе более высокий уровень ключевой ставки. Это снизит доступность кредитования

для граждан и бизнеса. Распространение криптовалют приводит к выводу сбережений граждан за пределы российского финансового сектора и, как следствие, сокращению его возможностей по финансированию реального сектора и снижению потенциального роста экономики, что уменьшает количество рабочих мест и потенциал роста доходов граждан» [2].

Важно, что рост фактов приобретения гражданами криптовалюты приводит к оттоку капитала из государства и последующему ослаблению курса национальной валюты.

Представляется, что криптовалюта может содержать реальные и потенциальные угрозы для экономики государства, а при ее чрезмерном распространении – рост количества таких угроз с возможным нанесением большого ущерба в разных сферах жизнедеятельности государства и общества.

Также стоит отметить, что в условиях санкционной политики иностранных государств угрозой развитию цифровой экономики в Российской Федерации бесспорно является международная организованная киберпреступность, которая оказывает существенное влияние на российскую банковскую систему. Основными проявлениями такой угрозы продолжают оставаться «фишинговые» программы, социальная инженерия, компрометация деловой электронной переписки, подмена сим-карт мобильной связи.

При этом, по нашему мнению, отдельные элементы киберпреступности проникают и в другие сферы традиционной преступности, формируя новое криминологическое явление – преступления, совершаемые посредством цифровых технологий.

Заключение. Таким образом, несмотря на угрозы и вызовы развитию цифровой экономики государства, обусловленные в первую очередь проведением Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины и, как следствие, попытками Соединенных Штатов Америки и коллективного Запада правового, экономического и политического давления на Россию путем введения все новых санкций, продолжается реализация утвержденных проектов развития.

Как показали исторический опыт и практика работы уполномоченных ведомств, даже в возникающих кризисных ситуациях Российская Федерация имеет потенциал для развития новых информационных технологий, цифровой экономики и производства новых технических средств, способствующих развитию имеющихся отраслей, а также формированию новых. Это может достигаться только путем внутреннего всестороннего и комплексного развития, а также при помощи взаимодействия с государствами – партнерами с учетом строгого соблюдения норм международного права.

Важно, что с учетом среднесрочного и долгосрочного планирования государству необходимо иметь гарантии устойчивости и стабильности всех видов деятельности. Этому должна способствовать проработка различных вариантов развития событий и превентивное упреждение возможных кризисных ситуаций, в том числе в сфере цифровых технологий и права.

Список литературы

1. Аксенов А. Н. Актуальные вопросы в исследовании юридической терминологии // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): Материалы XX международной теоретической конференции. В 2 ч., Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургского университета МВД России, – 2023. – С. 693–696.
2. Банк России объяснил, чем опасны криптовалюты для инвесторов и экономики / [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10959711> (дата обращения: 22.08.2024).
3. Выступление Владимира Путина на пленарном заседании X Парламентского форума БРИКС / [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duma.gov.ru/news/59672/> (дата обращения: 22.08.2024).
4. Ганичев Н. А., Кошовец О. Б. Цифровая экономика России: к стратегии развития в условиях санкций // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6(195). – С. 94–108.
5. Коршунов А. В., Ермаков Д. Н., Егельская А. В. Анализ механизмов преодоления международных экономических санкций в условиях цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика, Социология. Менеджмент. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 66–82.
6. Камышанский Д.Ю. Уголовно-правовая характеристика преступлений коррупционной направленности по законодательству Федеративной Республики Германия // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2024. – № 2. С. 21–26.
7. Пилипенко Ф. С. Влияние санкций на процесс цифровой трансформации экономики РФ // Финансовый бизнес. 2022. № 7(229). С. 81–84.
8. Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М.: Проспект, 2025.
9. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 11. – Ст. 1748.
10. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 01.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.
11. Чень С., Чжун С. Китай и Россия отвечают на санкции США в контексте цифровой экономики // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства: материалы VII международной научной интернет-конференции, Вологда, 21–23 июня 2023 года. – Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2023. – С. 399–404.
12. Hunter Ch. E. The Design and Impact of Western Economic Sanctions against Russia // The RUSI Journal. 161:3:52-64, June / July 2016.
13. Malkawi B. Here's how China is responding to US sanctions – with blocking laws and other countermeasures // The Conversation Media Group. 2023. 21 July;

Vatanka A. Can the West Stop Russian Iranian Convergence? // Middle East Institute. – 2023. – 3 April.

14. Самойлов И. Н., Камышанский Д.Ю. Потенциальные и реальные угрозы технологии deepfake (дипфейк) // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 4. – С. 17–22.

Н. Н. Мазурова,

аспирант,

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ЗАЩИТА ДАННЫХ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Цифровые технологии стремительно меняют все аспекты нашей жизни, включая правотворчество и международные нормы. Век информации и коммуникаций привел к созданию новых форм взаимодействия между государствами, а также к изменениям в подходах к регулированию правовых отношений. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты влияния передовых технологий на процесс правотворчества и формирование международных норм, обеспечивая международную кибербезопасность.

Ключевые слова: международное право, цифровые технологии, передовые технологии, защита данных, кибертерроризм, кибербезопасность, цифровые технологии

CYBERSECURITY AND INTERNATIONAL LAW: DATA PROTECTION IN A GLOBAL CONTEXT

Abstract. Digital technologies are rapidly changing all aspects of our lives, including lawmaking and international norms. The age of information and communications has led to the creation of new forms of interaction between states, as well as changes in approaches to regulating legal relations. This article examines key aspects of the influence of digital technologies on the process of lawmaking and the formation of international norms that ensure international cybersecurity.

Keywords: international law, digital technologies, data protection, cyber terrorism, cybersecurity, digital technologies

Введение. Цифровые технологии стремительно меняют все аспекты нашей жизни, включая правотворчество и международные нормы [2]. В настоящее время, век информации и коммуникаций, быстро развиваются передовые технологии, что привело к созданию новых форм взаимодействия между государствами, а также к изменениям в подходах к регулированию правовых отношений. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты влияния цифровых технологий на процесс правотворчества и формирование международных норм.

Основная часть. Зарубежные ученые М. М. Абдул-Раззак и Р. Н. Нури анализируют природу цифрового терроризма, его характеристики и методы [4]. В исследованиях Х. А. Ахмеда [5], С. Р. Аль-Абеди [6], С. Х. Аль-Фатлави [6] отмечается, что международный терроризм в цифровой среде направлен на поражение цифровой структуры страны, изоляцию данной страны от внешнего мира и контроль за ее экономическим развитием, как правило в чувствительных секторах, например финансовый сектор, который в большей степени взаимодействует с электронными средствами.

Следует отметить, что в настоящее время на универсальном уровне не разработано унифицированное понятие кибертерроризма. Использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в террористических целях запрещено Резолюцией Генеральной Ассамблеи Интерпола от 22 сентября 2005 г. № 10 [8].

Конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г., Будапештская конвенция [1], также можно применять при регулировании вопросов противодействия кибертерроризму. Данная конвенция содержит ряд процедур, таких как обыск компьютерных сетей и перехват данных.

В 2019 году Россия добилась принятия Специального комитета для «разработки всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях». Переговорный процесс пережил несколько кризисов, 9 февраля 2024 года состоялось голосование по проекту, и проект был отклонен ввиду различия позиций государств. Разногласия вызвало то, что рядом государств основная роль в будущем поиске ИКТ-преступников возлагается на Международный уголовный суд (МУС) в качестве альтернативы конвенции ООН по противодействию использованию ИКТ в преступных целях.

Универсальная Конвенция предполагает содержание положений о криминализации действий, о процессуальных мерах и правоохранительной деятельности.

Несмотря на положительное влияние цифровых технологий на правотворчество и международные нормы, существуют и значительные проблемы:

– неравенство доступа: не все государства обладают равным доступом к современным технологиям, что создает дисбаланс в правотворчестве и формировании международных норм;

– правовая неопределенность: быстрые изменения в технологиях могут опережать развитие правовых норм, что приводит к правовой неопределенности и затруднениям в регулировании новых форм взаимодействия;

– угрозы безопасности: Увеличение числа кибератак и угроз безопасности требует от государств разработки новых норм и стандартов для защиты данных и обеспечения безопасности.

В настоящее время существует общий регламент защиты данных (GDPR)

Общий регламент защиты данных (GDPR) – это законодательный акт Европейского Союза, принятый в 2016 году и вступивший в силу 25 мая 2018 г. [3]. Он устанавливает строгие правила обработки персональных данных граждан ЕС и регулирует, как организации могут собирать, хранить и использовать эти данные. Основные положения GDPR включают:

1. Прозрачность: организации обязаны получать согласие на обработку.
2. Права субъектов данных: GDPR предоставляет гражданам право на доступ к своим данным, право на исправление, право на удаление и право на переносимость данных.
3. Ответственность и штрафы: организации, нарушающие правила GDPR, могут подвергаться значительным штрафам.
4. Защита данных: организации должны внедрять меры защиты данных на этапе разработки продуктов и услуг.
5. Передача данных за пределы ЕС: передача персональных данных в страны, не обеспечивающие адекватный уровень защиты, разрешена только при наличии дополнительных гарантий.

Заключение. GDPR и различные соглашения ООН представляют собой важные шаги в направлении защиты персональных данных и прав человека в условиях цифровой трансформации, а также обеспечение кибербезопасности. Эти документы помогают установить четкие рамки для обработки данных и обеспечивают защиту прав граждан на международном уровне. Кибербезопасность достигается принятием норм и соглашений, направленных на защиту информации и инфраструктуры от кибератак, а также на сотрудничество между государствами в этой области.

Список литературы

1. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). – URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 06.07.2024).
2. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. – М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2024.
3. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 06.09.2024).
4. Abdul-Razzaq, M. M., Nuri, R.N. The role of international organizations in combating digital terrorism // The Message of Rights magazine. – 2018 – № 10(2). – Pp. 46–70. (In Arabian).
5. Ahmed, H.A. Electronic terrorism and the role of the international community in confronting it // Research Journal of the College of Basic Education. – 2019. – № 15(4). – Pp. 599–622. (In Arabian).
6. Al-Abedi, S.R. The reality of terrorism and its repercussions on the Iraqi economy for the period 2003-2016 // Karbala University Journal. 2018. – № 16(1). – Pp. 63–71. (In Arabian).
7. Al-Fatlawi, S.H. The crAl-Zaidanin, H.M., Al-Qaryouti, R.M. Terrorism and its economic effects on Jordan // the Jordanian Journal of Islamic Studies. 2018. – № 14(4). – Pp. 129–144. (In Arabian).
8. Addressing Internet activities supporting terrorism: resolution of the ICPO-Interpol Gen. Assembly, Berlin, 19–22 Sept. 2005, № AG-2005-RES-10. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interpol.int/content/download/5386/45196/version/4/file/agn74res10.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

Л. Ю. Одегова,
кандидат юридических наук,
Донецкий государственный университет
В. В. Базака,
студент,
Донецкий государственный университет

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ И РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БОРЬБЕ С НИМ

Аннотация. В научной статье рассматривается проблема экологического терроризма и роль цифровых технологий в борьбе с ним. Анализируются причины возникновения экологического терроризма, его влияние на окружающую среду и общество. Обсуждаются возможности использования цифровых технологий для предотвращения и борьбы с экологическим терроризмом, такие как мониторинг, анализ данных и прогнозирование экологических угроз. Предлагается определение понятия «экологический терроризм».

Ключевые слова: экологический терроризм, цифровые технологии, международно-правовые акты, борьба с терроризмом, национальное законодательство, международное сотрудничество, цифровизация, искусственный интеллект

ENVIRONMENTAL TERRORISM AND THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FIGHT AGAINST IT

Abstract. The scientific article examines the problem of environmental terrorism and the role of digital technologies in combating it. The causes of environmental terrorism, its impact on the environment and society are analyzed. The possibilities of using digital technologies to prevent and combat environmental terrorism, such as monitoring, data analysis and forecasting of environmental threats, are discussed. The concept of "environmental terrorism" is proposed.

Keywords: environmental terrorism, digital technologies, international legal acts, fight against terrorism, national legislation, international cooperation, digitalization, artificial intelligence

Введение. В современном мире экологические проблемы приобретают глобальный характер, и экологический терроризм становится одной из наиболее опасных угроз международной и общественной безопасности [3]. Это явление представляет собой угрозу для устойчивого развития и безопасности государств и ответственности, так как оно связано с использованием природных ресурсов в преступных целях. Кроме того, экоцид многогранен по целям и своим проявлениям, а также активно использует достижения современной науки и техники. Все это, в конечном счете, оказывает сильное негативное влияние на национальную безопасность современных государств и на выживание всего человечества в целом.

Основная часть. По своей сути экологический терроризм – это использование природных ресурсов, таких как вода, земля, воздух и биологические виды, для достижения политических целей путем создания угрозы жизни людей, нанесения ущерба окружающей среде или нарушения международных норм и правил. Он может принимать различные формы, такие как загрязнение окружающей среды, уничтожение редких видов животных и растений, а также нарушение прав коренных народов на использование природных ресурсов.

Экологический терроризм появился в середине XX века, а ключевыми причинами, вызвавшими появление и дальнейшее развитие и распространение этого крайне негативного явления, стали: точечное использование изотопов и радиоактивных материалов, заражение населения инфекционными заболеваниями через птиц и рыб, выжигание лесных массивов, джунглей, сельвы и тайги, попытки взорвать плотины, тепловые и атомные электростанции, масштабное сжигание нефтяных скважин. Эти факторы способствовали развитию экологического терроризма и его распространению в современном мире [4. С. 35].

Примечательно, что в современной юридической науке, нормах национального законодательства многих государств (исключение составляют Франция, Грузия и еще несколько стран), а также в международно-правовых актах не установлено понятие «экологический терроризм».

Необходимо отметить, что в российском законодательстве также не упоминается термин «экологический терроризм». Единственное относительно близкое по смыслу понятие такое как «терроризм, создающий опасность для окружающей среды» содержится в Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р. [5]

Кроме того, в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» в перечне основных понятий, используемых в законе, отсутствует определение «биологического» или «экологического» терроризма. Среди основных биологических угроз выделены как террористические акты с использованием патогенов, так и террористические акты на потенциально опасных биологических объектах [2].

Анализ уголовного законодательства Российской Федерации позволил установить, что само понятие терроризма трактуется в широком значении без выделения его экологической разновидности.

По мнению Е. Н. Каратуевой, экологический терроризм можно квалифицировать как разновидность терроризма и как проявление экологической преступности, что позволяет его классифицировать в рамках уголовного законодательства. [1. С. 338].

Как отмечает Д. И. Тисленко, «экологические террористические акты, в особенности сопряженные с посягательством на экологически опасные объекты (АЭС, химические предприятия и т. п.) или с использованием экологически опасных средств (оружия массового уничтожения, ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных, химических или биологических веществ), могут обладать чрезвычайной вредоносностью» [6. С. 241].

Успешная борьба с экологическим терроризмом требует совместных усилий как государств, так и международного сообщества в целом. На международном уровне принимаются различные документы, направленные на предотвращение и пресечение актов экологического терроризма. Среди них можно выделить Конвенцию о запрещении разработки, производства и накоплении запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1971 г.), а также Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1976 г.), Конвенцию о запрещении разработки, производства, накоплении и применении химического оружия и о его уничтожении (1993 г.) и ряд других международных актов [7. С. 277].

Примеры успешного применения цифровых технологий в борьбе с экологическим терроризмом включают использование спутниковых снимков для обнаружения незаконной вырубki леса, автоматизированных систем мониторинга качества воды и воздуха, а также разработку мобильных приложений для информирования населения о состоянии окружающей среды и мерах по ее охране.

Использование искусственного интеллекта для предотвращения, а также сокращения случаев экологического терроризма может вестись по ряду направлений, вот некоторые из них:

- установление системы распознавания лиц (это может эффективно работать в отношении лиц, уже имеющих проблемы с законом, а также подозреваемых в терроризме);
- системы, фильтрующие контент в социальных сетях (что может выражаться в поиске конкретных изображений или ключевых словах, направленных на пропаганду терроризма. После чего эти системы оповещают модераторов, которые удаляют непригодный контент, а также правоохранительные органы);
- дроны с ИИ (что позволит осуществлять надежную круглосуточную охрану наиболее важных экологических объектов, особенно с учетом современных реалий);
- прогнозирование загрязнения воздуха (мониторинг воздуха), что крайне важно в условиях современных вооруженных конфликтов с применением различного рода химического оружия.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, экологический терроризм – серьезная угроза для окружающей среды и человечества в целом. Он порожден неразрешенными социальными, политическими, экономическими и религиозными противоречиями. В структуре экологического терроризма можно выделить четыре подвиды: технологический, химический, ядерный и биологический терроризм.

Противодействие этому явлению требует совместных усилий всех стран и разработки эффективных мер по предупреждению и пресечению экологических террористических актов.

Заключение. Кроме того, поскольку в национальном законодательстве России на сегодняшний день отсутствует законодательное определение понятия «экологический терроризм», необходимо в обязательном порядке дополнить действующую правовую систему Российской Федерации соответствующей юридической дефиницией.

Список литературы

1. Каратуева Е. Н. Проблемы классификации экологического терроризма // ПОЛИТЭКС. – 2021. – № 4. – С. 388-406.
2. О биологической безопасности в Российской Федерации (с изм. от 12.12. 2023): Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ // ИПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/400156868/?ysclid=m0jjazfzur971462211> (дата обращения: 01.09.2024).
3. Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Проспект, 2025.
4. Рыженков А. Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 27-35.
5. Садовников Ю. В., Основин С. В. Цифровизация в обеспечении экологической безопасности: оценка влияния цифровых инструментов на мониторинг окружающей среды, управление экологическими рисками и устойчивое развитие [Электронный ресурс]. – URL: <https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/30219/1/Tsifrovizatsiia.pdf?ysclid=m0jel2uwla84023703> (дата обращения: 01.09.2024).
6. Тисленко Д. И. Общественная опасность экологического терроризма // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – Вып. 6 (98). – С. 241-246.
7. Экологическая доктрина Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document24/> (дата обращения: 01.09.2024).

Н. В. Савельева,
младший научный сотрудник,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ГОСУДАРСТВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье приводится международно-правовой анализ первого в мире обвинения в уголовном правонарушении с использованием информационных технологий, совершенном на борту МКС в космическом пространстве. Рассматриваемое дело связало два совершенно новые для уголовной юстиции области: космос и киберпространство. Проведенный анализ действующих международных договоров и применимых норм национального законодательства позволяет сделать вывод о том, что подобное деяние может рассматриваться, как преступление международного характера. Рассматриваемый случай поднимает ряд важных вопросов, связанных с определением уголовной юрисдикции при совершении киберпреступлений в космическом пространстве, либо с использованием средств, расположенных в космическом пространстве, а также при уча-

стии граждан различных государств. Сложности при рассмотрении подобных дел могут быть преодолены только при условии совместной работы государств и совершенствования действующей системы международного права.

Ключевые слова: международное космическое право, информационно-коммуникационные технологии, информационная безопасность, уголовная юрисдикция, международная космическая станция

CYBERCRIMES IN OUTER SPACE AND CRIMINAL JURISDICTION OF STATES: INTERNATIONAL LEGAL ANALYSIS

Abstract. The article provides an international legal analysis of the world's first charge of cyber-crime in outer space. From the legal point of view, the case is very interesting as it merges completely new areas of criminal justice: space and cyberspace. The analysis of existing international treaties and national legislation allows us to conclude that the act in question can be considered an international crime. It raises important issues related to criminal jurisdiction for cybercrimes committed in outer space or using space-based technologies, as well as involving citizens of different states. These difficult issues can only be resolved through cooperation between states and improvement of the current international legal system.

Keywords: international space law, information and communication technologies, information security, criminal jurisdiction, international space station

Введение. Гражданка США Саммер Уорден, отставной офицер разведки ВВС США в отставке и бывшая супруга астронавта НАСА Энн Макклейн, подала жалобу в Федеральную торговую комиссию США и Управление генерального инспектора НАСА. В своей жалобе Уорден обвинила Макклейн в краже личных данных и незаконном доступе к ее личной финансовой информации, а именно, состоянию банковского счета Уорден, который ранее был общим счетом супругов. С декабря 2018 по июнь 2019 года Макклейн находилась на МКС в качестве бортинженера и использовала служебный ноутбук НАСА для доступа к счету Уорден через онлайн банк [3, 5]. По жалобе Уорден была проведена проверка, и против Макклейн были выдвинуты обвинения в преступлении. В мировой практике это дело стало первым случаем применения уголовной юстиции в космическом пространстве, с использованием оборудования, предназначенного для решения научных задач и технической поддержки при работе на МКС.

Основное содержание. В отношении международных киберпреступлений применяется Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS 185, подписанная в Будапеште 23 ноября 2001 г., известная как «Будапештская конвенция» [10]. Это первый международно-правовой инструмент, регулирующий вопросы уголовной ответственности за киберпреступления. Всего в конвенции перечислены четыре состава правонарушений, за которые предусмотрена уголовная ответственность. К ним относятся и преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, противозаконный доступ и противозаконное использование устройств.

США подписали Будапештскую конвенцию сразу после принятия (23 ноября 2001 года), ратифицировали и ввели в действие 29 сентября 2006 г. и 1 января 2007 г. Соответственно, на момент совершения вменяемого Макклеин правонарушения, положения Будапештской конвенции применимы в юрисдикции США. Гражданка США Энн Макклеин обвинялась в несанкционированном доступе к информации о состоянии счета гражданки Уорден, также гражданки США, с персонального компьютера НАСА, находившегося внутри американского сегмента МКС и предназначенного для научных и технических целей. Таким образом, вменяемое Макклеин деяние подпадает под два состава, предусмотренные Будапештской конвенцией, и может рассматриваться, как преступление международного характера.

Национальное законодательство США, а именно, Закон США о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях (англ. аббревиатура CFAA), также предусматривает уголовную ответственность за преднамеренный доступ к компьютеру без разрешения или с превышением разрешенного доступа, с целью получения финансовой информации [2]. CFAA применяется в отношении правонарушений, совершенных как гражданами США, так и других стран, на территории США, так и за ее пределами, в отношении компьютерных систем, которые находятся на территории США [3].

Хотя федеральные законы применяются исключительно на территории США, ряд уголовных законов применяется экстра-территориально, на основании специального статута Конгресса США, при условии, что такой статут не нарушает нормы международного права [4].

Особая морская и территориальная юрисдикция Соединенных Штатов определена в пункте 6 параграфа 7 части 18 из Кодекса Соединенных Штатов (18 U.S.C. §7(6)), согласно которому «любое транспортное средство, используемое или предназначенное для полета или навигации в космосе и внесенное в реестр Соединенных Штатов в соответствии с Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, и Конвенцией о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, в период времени, когда это транспортное средство находится в полете, то есть с момента, когда все внешние двери закрываются на Земле после посадки, до момента, когда одна такая дверь открывается на Земле для высадки или в случае вынужденной посадки, до тех пор, пока компетентные органы не возьмут на себя ответственность за транспортное средство, а также за людей и имущество, находящиеся на борту» [11].

В частности, в параграфе 38 части 18 из Кодекса Соединенных Штатов (18 U.S.C. §38) оговорены случаи и условия применения экстра-территориальной юрисдикции при рассмотрении правонарушений, связанных с мошенничеством с составными частями судов и космических аппаратов. Во-первых, нарушителем должен быть гражданин США, либо юридическое лицо, зарегистрированное в США, т. е. компания-резидент. Во-вторых, владельцем судна или космического аппарата также должен быть либо гражданин, либо компания-резидент США. В-третьих, поступок, способствующий совершению преступления, был совершен в США, т. е. на территории или в юрисдикции США.

Сложность рассматриваемого дела заключается в том, что СФАА в сочетании с приведенными выше положениями Кодекса, никогда ранее не применялся в отношении лиц, находящихся в космическом пространстве, которое, как известно, обладает особым статусом и деятельность в котором регулируется рядом универсальных международных договоров.

Таким образом, при рассмотрении данного случая, помимо положений Будапештской конвенции и применимого законодательства США, необходимо учитывать положения (а) универсальных международных договоров, регулирующих деятельность государств в космосе, в частности, правовой статус космонавтов на МКС и гражданство в космическом пространстве, а также (б) положения многостороннего международного договора между участниками проекта МКС.

Правовой статус космонавтов определен в статье V Договора по космосу [12]. Следует отметить, что Договор по космосу подписали более ста государств-членов ООН, его положения давно рассматриваются как обычные нормы. Таким образом, можно утверждать, что особый статус космонавтов является международно-признанным, в частности, космонавты имеют право на оказание помощи и поддержки в случае вынужденной посадки на территории другого государства. При этом космонавты остаются гражданами запускающего государства, так как в силу положений статьи VIII Договора по космосу [12], *«запускающее государство сохраняет юрисдикцию и контроль над объектами и их экипажами во все время их нахождения в космическом пространстве»*.

МКС является уникальным составным экстратерриториальным образованием. Невозможно провести однозначные аналогии между МКС и воздушными или морскими судами, в отношении которых действуют положения соответствующих международных договоров. Поэтому необходимо обратить внимание на положения многостороннего международного договора по МКС.

Соглашение между правительствами Канады, государств-членов Европейского космического агентства, Японии, России и США, известное как *«Соглашение по МКС»* русском языке [15] и *«Space Station Agreement»* на английском [9], было подписано в 1998 году. Сразу же началось сооружение МКС на орбите. Базовым элементом МКС стал российский функциональный грузовой блок «Заря», к которому впоследствии были добавлены российские и американские модули. На данный момент МКС включает два сегмента: российский, который управляется из Центра управления полетами в Королеве, и американский, который управляется из Хьюстона, штат Техас [13].

С юридической точки зрения для нас важно то, что МКС является уникальным экстратерриториальным образованием со смешанной юрисдикцией: в одном сооружении объединены экстратерриториальные юрисдикции России и США.

Часть 2 статьи 5 Соглашения по МКС содержит ссылки на указанные выше положения статьи VIII Договора по космосу и статьи II Конвенции о регистрации, согласно которым *«каждый участник соглашения сохраняет юрисдикцию и контроль над элементами, которые он регистрирует на себя, а также над лицами из состава персонала МКС, находящимися внутри или снаружи ее, которые являются его гражданами»*. Таким образом, Соглашением по МКС

предусмотрено, что Россия и США имеют полноценную юрисдикцию над элементами инфраструктуры (так называемыми «сегментами») МКС, а также своими гражданами из состава экипажей МКС. ЕС, Канада, Япония являются поставщиками отдельных наименований оборудования, поэтому сохраняют право собственности на указанные виды оборудования, но не на сегменты станции в целом.

Уголовная юрисдикция государств-участников регулируется положениями статьи 22 Соглашения по МКС. Согласно части 1 статьи 22, *«государства-участники могут осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении членов персонала внутри или на любом орбитальном элементе МКС, которые являются их гражданами»*. Более того, в части 2 статьи 22 предусмотрены условия осуществления уголовной юрисдикции одного государства-участника в отношении граждан других государств-участников. Такая юрисдикция возможна только с согласия государства, гражданином которой является предполагаемый правонарушитель, после проведения консультаций, при условии, что не предоставлено уведомление о передаче дела в свои компетентные органы.

Возвращаясь к вопросу об экстратерриториальной применимости СФАА следует отметить, что СФАА применяется в отношении правонарушений, совершенных как гражданами США, так и других стран, на территории США, так и за ее пределами. МКС является экстратерриториальным образованием, следовательно, уголовная юрисдикция США распространяется персонал МКС, которые являются гражданами США, действующий на американском сегменте США, с учетом положений 18 U.S.C. §38, поступок, способствующий совершению правонарушения, совершен также на сегменте МКС, зарегистрированном США. В случае Макклейн применение СФАА является законным и обоснованным.

В ходе расследования Макклейн пояснила, что хотела убедиться, что на счете Уорден достаточно средств для оплаты счетов и заботы о ребенке, в воспитании которого Макклейн принимала участие, будучи в супружеских отношениях с Уорден. Макклейн не оспаривала факт доступа к банковскому счету, но утверждала, что в прошлом много раз проверяла их совместный счет с разрешения Уорден. В ходе слушаний выяснилось, что Уорден солгала следователям относительно даты открытия счета и даты изменения пароля доступа к данным счета. В итоге, Макклейн была оправдана, а Уорден обвинили в даче ложных показаний [6].

Заключение. Само рассмотрение дела в суде стало важным прецедентом, так как связало два совершенно новые для уголовной юстиции пространства: космос и киберпространство. Вопросы, которые возникли при его подготовке, а также в ходе рассмотрения крайне важны для развития международного права.

К примеру, правомерность распространения экстратерриториальной юрисдикции государства на объекты, запущенные в космос, либо расположенные на небесных телах, является краеугольной проблемой международного космического права. Особенно остро данный вопрос стоит сейчас, когда появляется все больше коммерческих компаний, реализующих собственные космические проекты, то есть, когда субъектами космической деятельности становятся не только государства, но частные лица, юридические и даже физические. Подобные про-

екты реализуются с целью получения прибыли, что неизбежно ставит вопрос приватизации добытых ресурсов, ограничения доступа в некоторые области для защиты частных интересов и т. п.

Вторая сложность заключается в том, что дорогостоящие космические проекты по большей части являются международными, т. е. реализуются при участии нескольких государств и (или) частных лиц, силами интернациональных экипажей. В ситуации длительной совместной работы в космосе вероятны спорные ситуации, когда встанет вопрос распространения уголовной юрисдикции государства в отношении граждан другого государства при совершении деяний в космосе, либо на небесных телах, причем не только внутри космических объектов, но и снаружи, в пространстве, которое согласно нормам международного космического права, является достоянием всего человечества, на которое не может быть распространена юрисдикция какого-либо государства.

Третий момент связан со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их активным применением в космосе, а также использование космоса при реализации систем связи, навигации, глобальных спутниковых группировок и т. п. Киберпространство стремительно расширяется, выходит в космос и становится глобальной средой осуществления деятельности миллионов людей. Регулирование отношений в киберпространстве давно вышло за рамки национальных юрисдикций. Для обеспечения эффективного взаимодействия в киберпространстве, как и в космосе, необходимы универсальные международно-правовые инструменты [14].

Работа по созданию таких инструментов ведется давно, при активном участии нашей страны. По инициативе Российской Федерации была создана рабочая группа открытого состава (РГОС) ООН по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ [7]. Буквально на днях, 8–12 июля 2024 года, состоялась восьмая заключительная сессия РГОС. В итоговом отчете по итогам сессии закреплено решение создать единый универсальный переговорный механизм по проблемам безопасности ИКТ на базе ООН, с соблюдением Устава и традиций ООН, к примеру, принятие решений и юридически-обязательных документов строго на основе консенсуса. Первоочередной задачей такого органа должны стать вопросы применения международного права при использовании ИКТ, выявление и заполнение возможных проблем, разрешение коллизий, формулировка и вынесение на обсуждение новых, юридически-обязательных правовых норм в сфере регулирования ИКТ.

Более того, в начале августа 2024 года прошла заключительная сессия Специального комитета ООН по разработке всеобъемлющей конвенции по противодействию информационной преступности [1]. Указанный комитет был утвержден по инициативе Российской Федерации, при поддержке более сорока государств, резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 74/247 в 2019 году. По итогам сессии 9 августа 2024 года был единогласно принят итоговый проект будущей конвенции и вынесен на утверждение 79-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН.

Преимущества рассматриваемого документа по сравнению с Будапештской конвенцией неоспоримы. Во-первых, это универсальный международный

инструмент, разработанный и принятый на базе ООН. Во-вторых, в новой конвенции существенно расширен список составов правонарушений. Как указано выше, Будапештская конвенция включает четыре состава. Согласно положениям новой конвенции, криминализации подлежат такие правонарушения, как незаконный доступ, незаконный перехват, воздействие на электронные данные и информационные системы, неправомерное использование устройств, подлог и хищение с использованием ИКТ-систем, размещение материалов сексуального характера с участием несовершеннолетних, домогательства в отношении несовершеннолетних, распространение интимных изображений без согласия, отмывание доходов от преступлений. Также конвенция предусматривает ответственность юридических лиц за совершение преступлений с использованием ИКТ.

Создание подобных инструментов занимает много времени, так как требует всеобщего консенсуса по ключевым вопросам, внесения изменений и дополнений в уже действующие нормы международного права. В текущих условиях согласование подобного универсального инструмента – это достижение российской дипломатии, которое заслуживает высшей оценки.

Случай Макклейн открыл новую страницу судебной практики киберпреступлений в космическом пространстве. Несомненно, в ближайшем будущем мы станем свидетелями рассмотрения большего количества дел, связанных с незаконным использованием ИКТ в космосе. Появление универсальных международно-правовых инструментов, подобных описанной выше конвенции, является своевременным и крайне желательным.

Список литературы

1. Ad Hoc Committee to Elaborate a Comprehensive International Convention on Countering the Use of Information and Communications Technologies for Criminal Purposes // Официальный сайт United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/ad_hoc_committee/home (дата обращения: 03.08.2024).
2. Computer Fraud and Abuse Act (CFAA) // Официальный сайт Конгресса США [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/99th-congress/house-bill/4718> (дата обращения: 03.08.2024).
3. David P. Fidler «Cyber Crime in Outer Space: Houston, Do We Have a Problem?» // Council on Foreign relations [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cfr.org/blog/cyber-crime-outer-space-houston-do-we-have-problem> (дата обращения: 03.08.2024).
4. Extraterritorial Application of American Criminal Law, Charles Doyle, Senior Specialist in American Public Law, October 31, 2016 – [Электронный ресурс]. – URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/94-166.pdf> (дата обращения: 03.08.2024).
5. Mike Baker «NASA Astronaut Anne McClain Accused by Spouse of Crime in Space» // The New York Times, Published Aug. 23, 2019, Updated Aug. 27, 2020, [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/23/us/astronaut-space-investigation.html> (дата обращения: 03.08.2024).
6. Mike Baker «Space Crime Allegation Leads to Charges Against Astronaut's Ex-Wife» // The New York Times, Published April 6, 2020, [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.nytimes.com/2020/04/06/us/space-crime-allegation-indictment.html> (дата обращения: 03.08.2024).

7. Open-ended working group on security of and in the use of information and communications technologies 2021–2025 // Официальный сайт United Nations Office for Disarmament Affairs (UNODA) [Электронный ресурс]. – URL: https://meetings.unoda.org/meeting/57871/documents?f%5B0%5D=document_type%5Bmeeting%3AFinal%20reports (дата обращения: 03.08.2024).

8. Outer Space and Cyber Space. Similarities, Interrelations and Legal Perspectives edited by Annette Froehlich, European Space Policy Institute, Vienna, Austria; Springer Nature Switzerland AG, 2021, ISBN 978-3-030-80022-2 ISBN 978-3-030-80023-9 (eBook).

9. Space Station Agreement Between the UNITED STATES OF AMERICA and OTHER GOVERNMENTS (Signed at Washington January 29, 1998) // Официальный интернет-портал правовой информации США [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/02/12927-Multilateral-Space-Space-Station-1.29.1998.pdf> (дата обращения: 3 августа 2024).

10. The Budapest Convention (ETS No. 185) and its Protocols // Официальный сайт Совета Европы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (дата обращения: 03.08.2024).

11. Unites States Code // National Archives [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.archives.gov/federal-register/constitution/united-states-code.html> (дата обращения: 03.08.2024).

12. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 03.08.2024).

13. Международная космическая станция // Официальный сайт ГК «РОСКОМОС» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.roscosmos.ru/202/> (дата обращения: 03.08.2024).

14. Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. Н.Г. Доронина. – М.: ИЗиСП – 2-е изд., перераб. и доп.; ИД «Юриспруденция», 2023.

15. Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств – членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения // Официальный интернет-портал правовой информации РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000356&page=1&rdk=0&link_id=75#I0 (дата обращения: 03.08.2024).

В. М. Шумилов,
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации

ГЛОБАЛЬНАЯ НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА И ГЛОБАЛЬНОЕ ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Аннотация. Цель статьи – обозначить перечень основных нормативных регуляторов межгосударственных отношений и отношений международного характера, которые составляют *глобальную нормативную систему* и задействованы в формировании и поддержание нормативных режимов в *глобальном цифровом пространстве*. Раскрывается суть каждой составляющей части *глобальной нормативной системы*: международных политических норм (мягкого права), международно-правовых норм, норм внутригосударственного права, наднационального права, транснационального права. Показывается место и роль перечисленных нормативных комплексов в формировании, регулировании и поддержании порядка в цифровой сфере в условиях нового мироустройства.

Ключевые слова: международные отношения, международная политическая система, международные политические нормы, международное право, мягкое право, внутригосударственное (национальное) право, наднациональное право, транснациональное право, цифровое пространство, правопорядок, порядок, мироустройство

THE GLOBAL NORMATIVE SYSTEM AND THE GLOBAL DIGITAL SPACE

Annotation. The purpose of the article is to identify a list of the main normative regulators of interstate relations and relations of international character that make up the global normative system and are involved in the formation and maintenance of normative regimes in the global digital space. The essence of each component of the global normative system is revealed: international political norms (soft law), international law norms, norms of domestic law, supranational law, transnational law. The place and role of the listed normative complexes in the formation, regulation and maintenance of order in the digital sphere in the conditions of the new world order is shown.

Keywords: international relations, international political system, international political norms, international law, soft law, domestic (national) law, supranational law, transnational law, digital space, legal order, order, world order

Введение. Развернувшаяся в сообществе государств и народов *глобализация* привела человечество к формированию на Земле системно единого социального организма с тесно взаимосвязанной экономикой. Образовалась универсальная *международная политическая система*, которая охватывает все виды межгосударственных отношений и отношений международного характера во всех сфе-

рах жизни. Объективный интерес людей состоит в поддержании приемлемого порядка, в рамках которого можно развиваться и развивать свои общества.

Основная часть. Вместе с тем наступившая эпоха – это эпоха глубокой перестройки международных отношений, трансформации всего миропорядка: цивилизации Запада противостоят другие – незападные – цивилизации, в том числе государства-цивилизации: Россия, Китай, Иран, а также локальные цивилизации Азии, Африки, Латинской Америки. В условиях разлома устаревшего мироустройства, установленного когда-то Западом с помощью силы (в широком понимании), происходят события и складываются тенденции, ведущие к закреплению кардинально обновленной *международной системы*. Глобализация в форме однополярной вертикали преобразовывается в «горизонтально-многополярную» *глобализацию*, с усилением цивилизационного фактора.

В ряду эпохальных явлений и тенденций находятся практически сформировавшиеся *глобальная нормативная система* [12. С. 9–16] и *глобальное цифровое пространство* [4. С. 65–73]. Без них невозможна дальнейшая эволюция человеческого сообщества и будущий миропорядок.

Глобальное цифровое пространство охватывает сегодня всю сферу отношений: промышленность, торговлю, услуги, финансы, транспорт, бизнес, экономику в целом, инновации (технологии), космос, управление на всех уровнях, образование, культуру, спорт, трудовую деятельность и т. д. В этих отношениях участвуют государства, международные организации, уполномоченные регионы государств, локальные (местные, муниципальные) органы, транснациональные корпорации и банки, предприятия и организации разного рода, физические лица. В широком смысле цифровизация пронизывает и «обслуживает» как «мир», так и «войну».

Наиболее заметную роль в глобальном цифровом пространстве изначально играли и играют ИТ-корпорации различной национальной принадлежности, в основном американские, японские, южнокорейские: Google, Microsoft, Apple, Amazon и другие. В конкуренцию на рынке вступили китайские компании (Huawei, Alibaba). Именно такие компании развивают цифровые технологии, разрабатывают программы, производят оборудование, запускают новые телекоммуникационные сети (5G), мобильные операционные системы, прочие компьютерные архитектуры и революционные продукты, оказывают ИТ-услуги по всему миру (консалтинг, аутсорсинг, аналитика, кибербезопасность, интернет вещей, облачные ресурсы), осваивают технологии блокчейна, искусственного интеллекта, управляют производственными цепочками в мировой экономике. Российские телекоммуникационные компании на глобальном рынке цифровых услуг пока менее заметны, но, несмотря на жесткую конкуренцию и целенаправленное противодействие со стороны западных государств выходят на мировой уровень (МТС, «Ростелеком», поисковая система «Яндекс», мессенджер «Телеграм»).

ИТ-корпорации в одностороннем порядке или по договорам между собой устанавливают правила пользования их продуктами и услугами, создавая как бы обязательные нормативные режимы для клиентов, пользователей. Этим правилам – транснациональным нормам – в ряде случаев подчиняются и сами государства (государственные аппараты). Более того, государства всячески опекают

«свои корпорации», возвращают их и встают на их защиту, если понадобится. В то же время государства стараются ограничить «свободу» IT-корпораций, когда корпорации вступают в излишнюю конкуренцию с государствами. Средствами управления выступают: инструментарий налогообложения, регистрации, запреты на присутствие иностранных компаний и прочие запреты, юридическое закрепление компетенций и условий работы – тем самым на смену транснациональным нормам государства вводят все новые и новые правовые нормы.

Есть и другая проблема: сообщество глобальных интернет-корпораций из враждебных западных государств ввело «санкции» против России и Рунета, лишив граждан нашей страны возможности пользоваться благами глобальной системы, – тем самым общемировое цифровое пространство разделилось на «западное» и «незападное». Речь идет о сохранении Россией своего «цифрового суверенитета» как части государственного суверенитета. Одна из главных проблем в глобальном цифровом пространстве – это проблема управления им [11].

Из представленной в общих чертах картины *глобального цифрового пространства* можно вывести основные регулятивные комплексы, которые воздействуют на отношения в рамках данного пространства и входят в общее надстроечное явление под названием *глобальной нормативной системы*.

Очевидно, что *транснациональные нормы*, которые создаются самими IT-корпорациями и образуют нормативные режимы для всех пользователей, представляют собой целый – самостоятельный, автономный – компонент *глобальной нормативной системы*. Эти нормы составляют так называемое «транснациональное право» [1], которое может существовать в форме односторонних предписаний, договорных норм или обычаев (по типу *lex mercatoria*). *Транснациональное право* возникает и создается там, где это «разрешается» международным правом и/или национальным правом. Такой МЕТОД регулирования может предшествовать международно-правовому регулированию (опережать его), а может не допускать международно-правового регулирования (замещать его).

Очевидно также, что нормы транснационального права находятся в тесной корреляции с *внутригосударственным* (национальным) правом – еще одним компонентом *глобальной нормативной системы*. В национальном праве возникли и быстро развиваются нормативно-правовые институты по отдельным аспектам функционирования цифровой среды [6; 8; 9; 13].

Во многих государствах посредством внутринационального права усиливается контроль над цифровым пространством; посредством давления на мессенджеры постепенно ограничивается или ликвидируется «свобода слова», в том числе тайна переписки: спецслужбы государств требуют постоянного доступа к частным сообщениям, к ключам и кодам в программах. О тенденции к ограничениям в различных формах свидетельствует и арест главы «Телеграма» Павла Дурова во Франции, совершенный в августе 2024 года [10].

Международно-правовые нормы – важнейший регулятивный компонент, воздействующий на глобальное цифровое пространство [2, 3]. Можно констатировать, что практически сформировано *международное цифровое право*, как отрасль всего международного права [7]. Незрелость *международного цифрового права* проявляется в том, что в его системе практически нет императивных

норм (если не относить к ним принцип суверенитета, включая суверенитет в цифровой сфере), а также нет обязательств *erga omnes*; нет норм-принципов. Преобладающая часть *международного цифрового права* – это диспозитивные нормы, от которых государства могут отклоняться по взаимному согласию, что делает установленный полу-порядок в цифровой среде довольно неустойчивым. К этой проблеме добавляется проблема низкого уровня международного правосознания и международной законности.

В регулировании глобального цифрового пространства активно задействованы также нормы *наднационального права*. Их основное отличие от чисто международно-правовых норм состоит в том, что они появились как результат применения *субординационного* способа регулирования, а данный метод применяется чаще всего в рамках интеграционных объединений, например директивами в ЕС (Директива ЕС 2018/1673 о борьбе с отмыванием денег и др.). Особенность метода *наднационального регулирования* состоит в том, что для создания норм не обязательно согласие всех задействованных государств: нормы принимаются не консенсусом, а большинством голосов; такие нормы имеют прямое действие, то есть применяются напрямую на территории государств-участников правоотношений, без дополнительных процедур имплементации.

Заключение. Государства – коллективно либо в одностороннем порядке – используют все методы регулирования в поисках баланса между предоставлением свободы для соответствующих транснациональных корпораций (прежде всего IT-компаний) и обеспечением контроля над цифровой сферой.

Можно предположить, что сфера транснационального регулирования цифрового пространства постепенно будет сокращаться за счет национально-правового и международно-правового регулирования.

Список литературы

1. Галенская Л. Н. Правовое регулирование транснациональных отношений. – СПб: Изд-во СПб университета, 2022. – 316 с.
2. Грязнов С. А. Международное правовое регулирование киберпространства. // Международный журнал гуманитарных и общественных наук. – 2021. – № 1–3 (Т. 52). – С. 82–84.
3. Данельян А. А. Международно-правовое регулирование киберпространства. // Образование и право. – 2020. – № 1. – С. 261–268. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-kiberprostranstva/viewer> (дата обращения: 28.08.2024).
4. Данилова Н. Ф., Сараева И. В. Глобальное цифровое пространство: перспективы и угрозы для экономического развития стран. // Известия Саратовского университета. Право. – 2019. – Т. 19, вып.1. – С. 65–73.
5. Динарское заявление об инициативе за нормы в киберпространстве. Сопровождение министров иностранных дел Г-7. 2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/declaration_de_dinard_sur_l_initiative_pour_des_normes_dans_le_cyberespace_cle8d13bd-1.pdf (дата обращения: 27.08.2024).
6. Купцова А. С. Правовое регулирование использования интернета вещей. // Образование и право. – 2021. – № 7. – С. 225–230. [Электронный ресурс].

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-interneta-veschey/viewer> (дата обращения: 28.08.2024).

7. Насер А.А. Международное информационное право. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://be5.biz/pravo/m026/20.html> (дата обращения: 28.08.2024).

8. Раздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах // Диссертация на соискание степени кандидата юридических наук. – 2022.

9. Рахметов Р. Российское и международное законодательство в области защиты персональных данных. // Информационная безопасность. – 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://habr.com/ru/post/470888/> (дата обращения: 28.08.2024).

10. Сообщение МИД РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20240825/mid-1968299961.html> (дата обращения: 28.08.2024).

11. Суверенитет или свобода данных? // Статья портала «Радиочастотный спектр». – 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rspectr.com/articles/suverenitet-ili-svoboda-dannyh> (дата обращения: 28.08.2024).

12. Шумилов В. М. Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства. // Всероссийский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 5. – С. 9-16.

13. Abid A. Adonis. International Law on Cyber Security in the Age of Digital Sovereignty. // E-International Relations. – 2020. – Pp. 1–5. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.e-ir.info/2020/03/14/international-law-on-cyber-security-in-the-age-of-digital-sovereignty/> (дата обращения: 27.08.2024).

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW (СЕКЦИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Ksenia M. Belikova,
Dr. Sci. (Law), Professor,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

CERTAIN APPROACHES TO BUSINESS PROTECTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AND LEGAL SOLUTIONS

Abstract. In the article in the context of the application of new digital technologies that stand or are capable of serving business certain approaches to business protection in the digital environment and legal solutions are given.

Keywords: law, business, digital environment, business protection, legal solutions

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ЗАЩИТЕ БИЗНЕСА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ И ПРАВОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье в контексте применения новых цифровых технологий, которые внедрены или способны служить бизнесу, приводятся определенные подходы к защите бизнеса в цифровой среде и правовые решения.

Ключевые слова: право, бизнес, цифровая среда, защита бизнеса, правовые решения

Introduction. Digital technologies present information in a universal digital form [1. pp. 189–192]. There is no general definition of digital technologies in Russian legislation, however digital transformation is gaining momentum in business [2. P. 149, 3. P. 6, 47, 64, 67, etc.]. In the same sense, the term “business” is used by the Trade Representation of Russia, for instance, in South Africa when describing the business climate and the directions and types of business activity of entities in South Africa [4], etc.

Main part. Keeping it in mind let`s look at the threats to business that can be identified in connection with its digital transformation, for example, the following:

1. (Cyber) threats to the physical infrastructure of enterprises (businesses) in the real sector (e.g., the gas industry and others) and the services sector (e.g., banks), including general threats such as corporate (cyber) espionage. These threats include, for instance, unlawful activities by competitors, criminal groups, third parties, or company employees in relation to the company's property and employees, including those who have access to financial, material, and informational resources, as well as deliberate actions leading to disruptions in the operation of technical systems and

security measures; inadvertent violations of established requirements for accounting, storage, circulation, and sale of inventory, financial resources, official documents, and information; emergency situations: fires, accidents, destruction, man-made disasters, and natural catastrophes [5];

2. Threats to the digital twins of enterprises in the real sector (e.g., the gas industry) through threats to industrial internet security, and cyber threats to service sector enterprises (e.g., banks) in the form of data leaks and fraud, voice forgery of users, and others. Examples of digital twins include: SIBUR at Tomskneftekhim (a subsidiary) in 2020 was the first in Russia to implement a digital modeling system for the petrochemical process [6]; the need for active IT implementation for the modernization of enterprises and facilities is discussed by oil companies and the Ministry of Energy of Russia [7]. In the USA, several technological digitalization initiatives are being developed, such as the National Network for Manufacturing Innovation (NNMI) and the Industrial Internet Consortium (IIC). IIC, for instance, is being developed in the form of a consortium by leading multinational corporations such as General Electric, Intel, IBM, Cisco, AT&T, and is aimed at effective cooperation among competitors to improve goods and services [8. P. 16–25];

3. Issues with legal means of protection against fraud with new digital objects (e.g., NFTs in connection with the growing implementation of entrepreneurial strategies in metaverses) [9. P. 34–46];

4. The problem of protecting not the infrastructure of enterprises themselves, but the quality of their products.

In the first two cases, legal solutions are presented in the existing legal regulation – normative legal documents for physical protection [20. P. 27–29].

Furthermore, industrial espionage (in both the first and second cases) – as a form of unfair competition, in which there is unlawful obtaining, use, or disclosure of information constituting a commercial, official, or other legally protected secret for the purpose of gaining advantages in entrepreneurial activities or for obtaining material benefits – is prosecuted by law under Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation [10].

These drawings were sent by fax and email. Davis pleaded guilty and was charged with espionage. He faced a total of 15 years in prison and hundreds of thousands of dollars in fines [5].

Documents that are of a general and recommendatory nature applicable in the second case include: Recommendation Y.2060 of the International Telecommunication Union under the UN [11]; Best Practices for Ensuring the Security of the Internet of Things in the Context of Intelligent Manufacturing by the European Union Agency for Network and Information Security [12]; ISO/TR 22100-4:2018 “Safety of machinery – Relationship with ISO 12100 – Part 4: Guidance to machinery manufacturers for consideration of related IT-security (cyber security) aspects” [13], etc.

Due to the identified and other threats and the need for protection from them, educational courses are emerging in university programs, such as the master's program 'Comprehensive Security of State Corporations and Businesses' in the 'Economics' discipline at RUDN University. As explained in its description, this program is driven by the complex economic situation in the world, the imposition of sanctions against

Russia, the difficulties of conducting business, threats and new economic challenges to business and state corporations, as well as the need for qualified personnel in state and private organizations to carry out supervisory, informational-analytical, auditing, and other functions to ensure their comprehensive security (see at clck.ru/3D5nNx).

As for the threat of fraud with new digital objects, such as NFTs, there is currently no specific legal regulation of NFTs in Russia. NFTs are not recognized as either property or a result of intellectual activity. From this perspective, in terms of protection, it is advisable to consciously strengthen self-protection and explore variable legislative measures. For example, Bill No. 126586-8 proposed to amend Article 1225 of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation to include non-fungible tokens among the list of protected results of intellectual activity [15]. In the doctrine, it is proposed to introduce the concept and definition of “digital things (objects)” [16. P. 66-74] or, under certain conditions (e.g., recognition of this possibility by the legislator, issuance of NFTs according or to differentiate legal regulation depending on the nature and functions performed by NFT records in the distributed ledger system (blockchain). In our opinion, NFT objects should be divided into two groups: those having a creator-author of existing material objects (paintings, music, and other types of art) and those having a creator-author of digital copies of other objects (voices, appearance of a specific person).

As for the fourth case (protection of product quality), the solution to this problem appears to lie in the creation of state digital marketplaces for various purposes (industrial, agricultural products, etc.) while maintaining competition in the spirit of D.A. Medvedev's words [18] that protecting the digital environment is a task for the state: “Since global processes on our planet, such as the management of large systems like nuclear facilities and power plants, <...> are also carried out using the digital environment, <...> the state's task is to protect and safeguard the digital environment. <...> The issue of establishing a digital culture both in our country and globally is one of the main ones. This is a big and complex state task; it is a very serious task for everyone involved in it' and 'We must transition to new services, to the use of artificial intelligence, but under no circumstances should we allow the emergence of so-called digital totalitarianism.”

At the same time, it should be noted that as a vector for increasing the ethics of business and its protection, we see a multifactorial approach in the form of:

- Digitizing control and supervisory functions and corporate activities to eliminate the fragmentation of intra-agency and similar controls. In this format, based on Article 11 of the Federal Law of July 31, 2020, No. 247-FZ “On Mandatory Requirements in the Russian Federation” [19], a Registry of Mandatory Requirements has already been created to systematize mandatory requirements and inform interested parties, containing, in addition to the requirements themselves, information on the regulatory legal acts that established them and their term of validity. The corresponding information system (<https://ot.gov.ru/>) has already been put into operation;

- The “transition” of business in the current and future periods to Bitcoin as a new way of preserving value and (in the long term) as a way of reorganizing global

wealth, where Bitcoin essentially turns into a bank in cyberspace, where the price of Bitcoin and its market capitalization will indicate how much money is in such a bank;

- Increasing the resilience of the economy through the tokenization of externalities of enterprises/businesses (e.g., when an enterprise installs protective structures, it receives tokens that can later be exchanged for tax benefits) –

- As a result of which, cumulatively, very soon, the long-term capitalization of the enterprise in Bitcoin (tokens) will not allow the entrepreneur to ethically disregard the honor of the enterprise for the sake of profit (a paradox, but this will happen, it is dialectics) without any supervisory authorities. Karl Marx spoke of 300% profit at which a capitalist would do anything. Yes, a swindler will do it, but only once. The name was more valuable to the merchant, and this will be true again.

Conclusion.

1 Addressing the issues arising from the digital transformation of business requires a comprehensive approach that involves strengthening legal frameworks, enhancing cybersecurity measures, and promoting the ethical conduct of businesses. By integrating advanced technologies, such as blockchain and artificial intelligence, within a robust legal structure, enterprises can better safeguard their assets and operations against emerging threats.

2 Furthermore, fostering a digital culture that emphasizes the protection of both physical and digital infrastructure will be crucial in ensuring the long-term stability and success of businesses in the modern economy.

3 The evolving legal landscape must also adapt to new forms of digital property, such as NFTs, and offer clear guidelines for their protection and regulation. As the digital economy grows, so too will the necessity for legal professionals to be equipped with the necessary skills and knowledge to navigate the complexities of digital business and intellectual property. Educational programs and training courses that focus on digital security and legal aspects of the digital economy will become increasingly important.

4 In the face of digital transformation, businesses must be proactive in implementing strategies to protect their digital and physical assets. This includes adopting best practices in cybersecurity, ensuring compliance with evolving regulations, and being prepared to respond to new types of threats that arise as technology continues to advance.

5 Overall, the future of business in the digital age will depend heavily on the ability of legal systems and corporate policies to adapt to new realities, and on the commitment of businesses to uphold ethical standards in their operations.

References

1. Kanishcheva E. M., Belyaeva E. S. Digital Technologies: Concept, Types, Advantages and Disadvantages // Sat. Articles of the 10th International Scientific and Practical Conference "Actual Problems of International Relations in the Context of the Formation of a Multipolar World". Kursk: Publishing House of the South-West State University, 2021. – Pp. 189–192.
2. Business Law. Legal support of business: practicum / ed. Ed. by I. V. Ershov. – Moscow: Prospekt, 2018. – P. 149 (504 p.).
3. Investment Law: A Textbook for Master's Degrees. Ed. by I. V. Ershov, A. Yu. – Moscow: Prospekt, 2020. – P. 6, 47, 64, 67 and others (304 p.).
4. Business Guide to the Republic of South Africa // Inf. Trade Mission of the Russian Federation in the Republic of South Africa. 2017. – URL: https://polpred.com/upload/pdf/Business_guide_SA_2017.pdf (accessed: 29.04.2023).
5. 5 Known Cases of Industrial Espionage / EVKRUS. 9 Nov 2020. – URL: <https://habr.com/ru/articles/525780/> (accessed 28.03.24).
6. SIBUR is introducing a unique technology for digital modeling of gas chemical reactions. November 5, 2020. Available at: <https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/SIBUR-vnedryaet-unikalnuyu-tehnologiyu-tsifrovogo-modelirovaniya-gazokhimicheskikh-reaktsiy/> (accessed: 15.03.2024).
7. Information Technologies in the Oil and Gas Industry. 2024/07/18. – URL: clck.ru/3CYw9w (accessed 15.08.2024); Nikolaev A. Digital Twins and Ensuring Cybersecurity of Enterprises. Oil & Gas Industry / KASPERSKY LAB. 20.10.2022. – Pp. 2–3 (14 p.).
8. Karelina E. A. Structural Transformation of Strategies of Transnational Corporations under the Influence of Digitalization. Innovations and investments. – 2022. – № 3. – Pp. 16–25.
9. Belikova K. M. Current State and Prospects of Legal Regulation of Non-Mutually Changeable Tokens (NFTs). // Digital Technologies and Law: Collection of Scientific Papers of the II International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 22, 2023) / Ed. by I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova. In 6 vols. Vol. 6. – Kazan: Izd-vo "Poznanie" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, 2023. – P. 34–46. – DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-978-5-8399-0819-2_476
10. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation of June 17. – 1996. – № 25. – Art. 2954. URL: <https://base.garant.ru/10108000/?ysclid=m0rwhai8fx203631267> (accessed: 07/09/24)
11. Recommendation Y.2060 of the International Telecommunication Union under the UN (renumbered as ITU-T Y.4000 on 2016-02-05). – URL: <https://www.itu.int/rec/T-REC-Y.2060-201206-I/en> (accessed: 07/09/2024)
12. Best Practices for Ensuring the Security of the Internet of Things in the Context of Intelligent Manufacturing by the European Union Agency for Network and Information Security. URL: <https://www.enisa.europa.eu/publications/good-practices-for-security-of-iot/@@download/fullReport> (accessed: 07/09/2024)

13. ISO/TR 22100-4:2018 “Safety of machinery – Relationship with ISO 12100 – Part 4: Guidance to machinery manufacturers for consideration of related IT-security (cyber security) aspects”. – URL: <https://standards.iteh.ai/catalog/standards/iso/5f88408a-14f9-40fe-9eaa-ce425de2cee9/iso-tr-22100-4-2018> (accessed: 07/09/2024)
14. Experts told how to prevent bank data leaks [Expert opinion Natalia Svechnikova on RIA Novosti]. 15.12.2020. – URL: <https://zakon.ru/blog/2020/12/15/1?ysclid=lub7glqsa1793989529> (accessed: 28.03.2024)
15. Bill No. 126586-8 proposed to amend Article 1225 of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation to include non-fungible tokens among the list of protected results of intellectual activity. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8?ysclid=m0s072w2ea645070886> (accessed: 07/09/24)
16. Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ “On Attracting Investments Using Investment Platforms and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” //Собрание законодательства Российской Федерации от 5 августа 2019 г. № 31 ст. 4418.
17. Emelyanov D.S., Emelyanov I.S. Non-Fungible Tokens (NFTs) as an Independent Object of Legal Regulation. Property relations in the Russian Federation. – 2021. – № 7. – P. 66–74.
18. Medvedev believes that the protection of the digital environment is the task of the state. September 2, 2020. – URL: <https://tass.ru/politika/9348595?ysclid=ltlsff4upt189098293> (accessed: 10.03.2024)
19. Federal Law of July 31, 2020, No. 247-FZ "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation of August 3, – 2020. – № 31 (Part I). – Art. 5006
20. Burkova E. V. Physical Protection of Informatization Objects: A Textbook. – Orenburg: OSU, 2017. – 157 p.

Nikolai Budnetskii,

PhD, LL.M. (Münster),

All-Russian State University of Justice

Advocate (Moscow Bar), Legal Consultant (Dubai Legal Affairs Department),

Solicitor (Senior Courts of England & Wales)

OVERVIEW OF APPROACHES TO DIGITAL ASSETS REGULATION IN THE UAE, GERMANY AND RUSSIA

Abstract. This article proves that the regulation of electronic property – be it defined as) crypto/ digital/ virtual assets, cryptocurrency, etc. (or e.g. electronic money – which is out of the scope of this article) is subject to different regulatory drivers (and thus, approaches) and dispersed across many sources of law in Germany, Russia, and the UAE. To suggest and implement a reasonable approach to regulation, one shall start with understanding the electronic property-specific features and assessing the current economic environment in a State, rather than applying usual regulatory approaches. Practice shows that a de-centralized (not to say chaotic) *ad hoc* regulation

with sufficient powers granted to local authorities may in some societies be more fruitful than prohibitions, or a strict adherence to traditional regulatory approaches.

Keywords: crypto assets, digital assets, virtual assets, cryptocurrency

ОБЗОР ПОДХОДОВ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ОАЭ, ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Аннотация. Эта статья доказывает, что регулирование электронной собственности – будь то определение ее как крипто/цифровых/виртуальных активов, криптовалюты и так далее (или, например, электронных денег, что выходит за рамки данной статьи) зависит от различных регуляторных факторов (и таким образом, подходов) и разбросано по многим источникам права Германии, России и ОАЭ. Чтобы предложить и реализовать разумный подход к регулированию, необходимо начать с понимания особенностей электронной собственности и оценки текущей экономической ситуации в государстве, а не с применения обычных подходов регулирования. Практика показывает, что децентрализованное (если не сказать хаотичное) специальное регулирование с достаточными полномочиями, предоставленными местным органам власти, может в некоторых обществах быть более плодотворным, чем запреты или строгое соблюдение традиционных подходов к регулированию.

Ключевые слова: криптоактивы, цифровые активы, виртуальные активы, криптовалюта.

The major topics in the crypto field have recently been that cryptocurrencies can be stolen, fraud is perpetrated on custodians of digital assets, the nature of the client – custodian relation (fiduciary, services, agency, etc.) is often not transparent, and there are many insolvencies of all types of parties involved in the digital assets market [1].

Interestingly, the risk of a hostile takeover of data centres -- due to the low energy cost and some isolated incidents of anomaly in law enforcement, should be taken into consideration when drafting a colocation services agreement in the CIS countries.

A "functional" approach would be best workable to improve the digital assets regulations as it will be shown in the below discussion of German, Russian, and UAE regulatory regimes. Since digital assets and cryptocurrencies are new era creatures (and thus have totally new features -- such as smart-contracts, forks, or mining -- not known to the "old" law), the method of analogy of law (in our case, of securities law) or systematic method, by contrast, are not the best methods to heavily rely on in regulation of the digital assets.

The German Law On Digital Securities [4, 5], effective as of 10 June 2021, became a further step in regulation.

The dynamic of German regulation of bearer (*Inhaberschuldverschreibung*) versus registered (*Namenschuldverschreibung*) digital bonds can be used for benchmarking of German regulations effectiveness. So, under the German Law On Digital Securities, it became possible to issue bearer bonds in a digital asset form. BaFin states that "registered and non-negotiable securities (that is, requiring a specific assignment,

not only mutual consent and transfer, to be transferred) as well as order bonds, are not covered by the eWpG" [6]. On 26 April 2023, nearly after two years once the German Law On Digital Securities had been passed, a German office of an international law firm witnessed only 25 issuances of bearer bonds under this German Law On Digital Securities (before 10 June 2021, as mentioned, it was not possible to issue bearer bonds in a digital form). On the other hand, registered digital bonds issuances remained more popular due to legal uncertainty of the new law and a more relaxed regulatory regime (the absence of a requirement to employ a licensed digital securities registrar for registered bonds' issuance [7]). Conclusions of the German office of another international law firm – who compared German Law On Digital Securities' features to the earlier existing regulatory landscape [8] -- are generally aligning with the above view of the other law firm: "Not every token that has the features of a bond (interest, repayment, etc.) is a digital bond in the meaning of the eWpG".

So, the question remains open if the increased popularity of registered digital bonds – with registered securities by definition being designed to be more restricted in circulation than the bearer ones [9] – over bearer digital bonds, and the resulting excuse of a lower protection standard was intended (or is just an occasional effect of a however very labor-intensive and systematic approach to regulation).

According to Dr Gutbrod, BaFin is slow in publishing the implementing regulations, and, more importantly, German regulators seem to be making it clear, in tried-and-true German fashion, that license applications should not be filed. Generally, it is disappointing to many lawyers that such in-depth work is no longer sufficient to create a roadmap to issue a liveable modern finance instrument.

Cryptocurrency definition and use

The German Banking Act regulates digital assets (that embrace cryptocurrency), but there is no specific statutory definition of cryptocurrency in Germany. There are some academic discussions of the legal nature of the cryptocurrency: it is less likely to be a "res corporales" and more likely to be a security [10].

In reality, one can buy and use cryptocurrencies in Germany as a means of payment [13] in Germany.

UAE Regulations

Digital (virtual) assets definition

The major difference of the UAE regulatory approach is that, firstly, it is very much investor/market-oriented (for instance, it has been made clear in discussion with some authorities that the virtual asset issuance is possible regardless of the citizenship of the project stakeholders and there is a sufficient spectrum of safeguards that can be employed by the regulator in a particular high-risk scenario) and, secondly, granular in terms of levels and intertwined regulations in the federal and local jurisdictions.

In terms of levels of regulation, there are isolated common law jurisdictions established in the UAE, like ADGM in Abu Dhabi, that apply the laws of England as is, with all its state-of-art precedents, and separate courts staffed by high-profile KC barrister judges. Another common law jurisdiction, DIFC in Dubai, is regulated by DFSA. As for mainland Dubai, the UAE Cabinet Decision No. 112/2022 delegates wide virtual assets-related powers in Dubai to the VARA exclusively.

Virtual assets types in the UAE include, among others, payment tokens (Central Bank Circular No. 2/2024) and security tokens (DFSA Consultation Paper No. 138).

As for the issuance of security tokens or their exchange, depending on the jurisdiction of issuance and scope of virtual asset, federal (of SCA and/or of the Central Bank) and/or local jurisdictions' (for example, of VARA (Dubai), DFSA (DIFC free zone), or FSRA (ADGM free zone)) licenses are likely to be required.

Remarkably, so-called utility tokens are not considered digital assets – they are less regulated; their issuers are considered as DNFBPs that are subject to the UAE Anti-Money Laundering Law.

Cryptocurrency definition and use

Cryptocurrencies status in the mainland UAE is not clear, and although Central Bank Circular No. 6/2020 and some other authorities classify cryptocurrencies as virtual assets or have defined them in a way, there are published decisions and rulings restricting their use as a means of payment. Within Emirati nationals, a high degree of scepticism exists as the cryptocurrency is often used in illegal activities.

Like in Germany, license(s) are required to exchange fiat/ cryptocurrency.

In practice, there are many companies offering fiat/ crypto exchange and settlement to the public at large.

Conclusion. *Prima facie*, the reason for unsuccessful regulation of digital assets is the lack of systematics in regulation or misunderstanding of history of securities regulation. For example, it is tempting to say that it would help to first clarify whether a particular item of electronic property may be viewed as a bearer, order, or non-negotiable security, be defined as a thing, or as a security in general (or within any other analogous notion or typology ready-existing in a national legal system; the relevant term coined by experts is “historic cost of regulation”).

However, after some deliberation, the misconceived perception of overarching objectives of regulation seems to be more detrimental. Even if a difference between bearer securities and registered securities is figured out, it might appear idle or useless for a lawmaker because, in any event, the owner of an electronic property item will be using electronic medium (e-wallet, crypto ramp, website, etc.) to make a transaction and prove their title.

Much more efficient would be, generally, to develop a regulatory approach and landscape consistent with the current social and economic demands (for example, attractive for investors, or having a higher level of layman/ consumer protection) and, as the case may be, to tailor a dispute resolution clause in the digital assets issuance prospectus according to the most likely risks.

References

1. ThoughtLeaders4. Crypto Exchanges and Custodial Services: Contract, Trust, Fraud and Insolvency [Electronic resource]. – URL: <https://youtu.be/x8OrXqtfF4E?si=W92WoZGvM8HNYrab>
2. Gutbrod M. Autonomy of Will in Times of Artificial Intelligence, Blockchain and ICO's. [Electronic resource]. – URL: https://www.academia.edu/38149653/Autonomy_of_Will_in_Times_of_Artificial_Intelligence_Blockchain_and_ICOs_German

3. Kreditwesengesetzes [Electronic resource]. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/kredwg/>
4. URL: https://www.bafin.de/DE/Aufsicht/FinTech/Geschaeftsmodelle/DLT_Blockchain_Krypto/DLT_Blockchain_Krypto_node.html; BaFin Guidance Notice Crypto Tokens; URL: https://www.bafin.de/SharedDocs/Downloads/DE/Merkblatt/WA/dl_wa_merkblatt_ICOs.pdf?blob=publicationFile&v=3
5. Gesetz über elektronische Wertpapiere. [Electronic resource]. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/ewpg/>
6. URL: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/DE/Fachartikel/2021/fa_bj_2107_eWpG.html
7. Frankfurt School Blockchain Center. Industry Insights (CAC23A) – The Legal Frameworks of Tokenized Debt in Europe. [Electronic resource]. – URL: <https://youtu.be/3l0ZemDl1qs?si=UeX6sWGmD-gIRC5u>
8. URL: <https://www.dentons.com/de/insights/alerts/2021/may/10/bundestag-clears-the-way-for-electronic-securities>
9. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Namenspapier>
10. URL: <https://www.fachanwalt-gesellschaftsrecht-hamburg.de/aktuelles-im-bankrecht-versicherungsrecht-und-anlegerschutzrecht/bitcoin-und-kryptow%C3%A4hrungen/>; URL: https://opendata.uni-halle.de/bitstream/1981185920/80367/1/BeitraegeTWR_162.pdf
11. Concentrating on warnings to consumers. [Electronic resource]. – URL: https://www.bafin.de/DE/Verbraucher/GeldanlageWertpapiere/verbraucher_kryptowerte.html
12. URL: <https://gesetze.berlin.de/bsbe/document/KORE223872018>
13. Jens der Finanztester. Tether (USDT) kaufen & verkaufen mit Euro. Einzahlen, Umtauschen, Versenden (bei Binance, Kucoin). [Electronic resource]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=k7XhMkKpe_U
14. URL: <https://www.estatut.ru/download.php?trid=5087>
15. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6697b1f79a794796605a1a81>
16. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403110010>

Elena E. Gulyaeva

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

COURTROOM CHRONICLES: AI AND HUMAN RIGHTS IN INTERNATIONAL LEGAL PRECEDENTS

Abstract. This article reviews the AI and Human Rights in International Legal Precedents in Courtroom Chronicles. The object of the study is public relations regulated by both international and national law, which include certain actions for the provision of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, human rights, cybersecurity, international law, legal precedents

Introduction. In international practice, an increasing number of court cases each year involve AI-based systems violating certain human rights provisions. Most of these cases focus on issues such as discrimination and privacy, but the scope of complaints coming to courts is not limited to these areas.

European courts handle the largest number of cases related to protecting human rights from the adverse effects of AI technologies. In 2014, the Court of Justice of the European Union addressed the problem of unauthorized personal data collection and confirmed the illegality of third-party systems interference in people's private lives, citing the European Charter of Fundamental Rights and Freedoms. This case marked the first instance where the Court established a precedent for handling cases involving AI-based systems.

In 2018, a significant case was presented to the European Court of Human Rights (ECHR) concerning the UK government's extensive use of AI programs in mass surveillance and communications interception systems. These systems accessed private correspondence and other forms of communication of individual users, employing automated tools for their analysis. After a thorough investigation that included consultations with subject matter experts, the Court delivered its ruling in 2021. The ECHR found that the implementation of such AI systems violated Article 8 of the European Convention on Human Rights, which safeguards the right to privacy, and Article 10, which protects the right to freedom of expression.

The Court's decision underscored the lack of effective measures to prevent potential human rights violations and criticized the absence of clear procedures to ensure that the surveillance measures were necessary and proportionate to their intended purposes [1]. This judgement emphasized the urgent need for specific regulations to govern the use of surveillance technologies by law enforcement in a manner that respects fundamental human rights. In 2020, two human rights organizations, AlgorithmWatch and European Digital Rights (EDRi), specializing in monitoring human rights risks on the Internet, lodged a complaint against HireVue, a job-selection agency that utilizes facial recognition software powered by AI algorithms [2]. The complaint alleged that the use of such systems contravened the General Data Protection Regulation (GDPR) and anti-discrimination laws. The facial recognition technology and other biometric data were used to make hiring decisions about potential employees without adequately informing the candidates involved [3].

The case against HireVue remains pending before the court, and a final decision has yet to be reached. However, the court's acceptance of the complaint has instigated a broad investigation into human resources practices by data protection authorities across several EU countries. This case has highlighted concerns regarding employment discrimination exacerbated by AI systems and the pressing need for regulatory oversight in this domain. In Germany, for instance, the use of predictive analytics by employment agencies to profile and categorize jobseekers has come under scrutiny [4]. Concerns have been raised that such profiling could lead to discriminatory practices, particularly against vulnerable groups. As a result, legal measures and reviews of domestic regulations are underway to ensure compliance with anti-discrimination laws and the protection of individuals' rights to fair and equal treatment.

An illustrative example of AI's application in Germany is the Hessendata system, which employs AI to predict potential “propensity for criminal activity” based on personal data analysis [5]. Civil liberties groups have expressed concerns about privacy violations and racial profiling associated with the application of such tools. German courts have examined the system and previously demanded reforms to enhance transparency and accountability [6]. The ongoing legal scrutiny of the system’s functioning has spurred calls for stricter oversight of AI technologies in tasks that directly impact human rights.

In Canada, the use of AI in immigration and refugee decision-making has sparked significant controversy. Agencies have been utilizing AI tools to review visa applications and assist with asylum claims [7]. Public outcry and calls for greater oversight and regulation of the use of AI in migration policy have prompted the Canadian courts to address these concerns. While the issue is still under judicial review, preliminary recommendations have called for increased transparency and specific oversight mechanisms for AI programs in immigration decision-making to ensure fairness and accuracy in this domain [8].

In 2020, a Dutch court ruled against the government's use of an AI-based risk assessment system known as SyRI (Systemic Risk Indicator). The tool was designed to detect welfare fraud by analyzing data from various government databases. The court found that the system's checks were discriminatory, disproportionately targeting low-income individuals and minorities, thereby violating their rights to privacy and non-discrimination. This decision underscores the importance of ensuring that AI systems do not perpetuate or exacerbate social inequalities, aligning with both national laws and the European Convention on Human Rights [9]. In its judgment, the Dutch court underscored the lack of transparency and accountability in the SyRI system, emphasizing the risks associated with automated decision-making systems that disproportionately impact marginalized groups.

Legal scrutiny of AI-based predictive tools is also prominent in the United States, where such systems are widely utilized. In particular, PredPol [10], an AI system used to predict criminal activity and maintaining public order has faced significant criticism for exhibiting racial bias in its results [11]. Numerous lawsuits and civil rights complaints have been filed, with human rights activists arguing that the program violates the 14th Amendment of the US Constitution by disproportionately targeting minority communities, thus infringing on their right to equal protection under the law. There is an ongoing effort to have the system declared unconstitutional, which could result in its complete prohibition.

In Brazil, the use of facial recognition technology in public surveillance systems, such as those deployed during the Rio de Janeiro Carnival [12], has sparked considerable controversy as with all the previously mentioned cases. Human rights organizations have taken legal action, asserting that the pervasive use of these technologies violates citizens’ rights to privacy and freedom of movement. The primary concern is that without impartial regulatory oversight, facial recognition mechanisms could facilitate unlawful tracking of individuals, including political dissidents [13], thereby restricting freedom of expression and assembly. The preliminary rulings resulting from these lawsuits have called for stricter regulations governing the use of artificial intelli-

gence in public surveillance and enhanced oversight to prevent the misuse of facial recognition technology. A parallel issue emerged in South Korea, where civil rights activists filed a lawsuit in 2020 against the installation of AI-enabled surveillance systems in Seongnam City. They argued that such systems violated privacy rights and could lead to discrimination and abuse by law enforcement officials [14]. The court ordered a halt to the expansion of the AI-based tracking program until a comprehensive review of privacy and civil liberties concerns could be conducted.

On the other side of the world, in Australia, the government's use of an automated debt collection system known as Robo-Debt [15] has also garnered significant attention. A legal challenge to the legitimacy of the program was initiated in response to public concern. The review revealed flaws in the algorithm used to identify overpayments of social security benefits, which led to erroneous notifications of large debts to several thousand welfare recipients [16]. In 2019, the Federal Court of Australia ruled that the use of the Robo-Debt system was unlawful [17]. It found that the system not only made calculation errors but also placed the burden of proving innocence on the, on the “debtors”, innocent recipients were required to prove that no non-existent debts were actually due, thereby violating their rights to proper process and fairness. A class action lawsuit against the Robo-Debt system culminated in the Australian Government agreeing to pay substantial compensation and issue an apology to the affected individuals.

In 2020, a significant controversy regarding the use of artificial intelligence emerged in the United Kingdom. Due to the cancellation of final exams as a result of the COVID-19 pandemic, a decision was made to assign final grades based on a machine-learning algorithm analyzing data accumulated over the students' educational careers. The algorithm, which processed extensive student records, ended up disproportionately downgrading students from low-income and disadvantaged backgrounds. This decision triggered widespread media coverage and public outcry, with allegations of bias and injustice levied against the use of AI in education [18]. The backlash led to petitions and legal actions, compelling the government to abandon the use of the algorithm.

The incident underscored the risk that AI systems, often anticipated to be impartial, can exacerbate societal inequalities. It highlighted the urgent need for oversight in the deployment of such technologies in day-to-day sensitive areas [19]. Similarly, the integration of AI systems into public administration in France, particularly in sectors like school placement and social benefits allocation, has faced legal challenges. The French data protection authority, CNIL, has conducted investigations into several cases where automated systems potentially infringed upon individual rights as outlined by national and EU data protection regulations. These investigations primarily addressed concerns regarding the transparency and accountability of AI systems, as well as potential discriminatory impacts on certain demographic groups. As a result of these inquiries, CNIL mandated that Clearview AI, the company responsible for developing and deploying AI tools within public systems, cease the processing of data related to French citizens and delete all previously collected data [20]. This enforcement action followed the identification of multiple privacy violations.

In India, artificial intelligence is employed by the Aadhar biometric identification system to evaluate citizens' eligibility for various social services. At the time of the program's implementation, critics contended that such mechanisms directly violated privacy rights and posed a significant risk of excluding marginalized communities from accessing essential services. This concern is particularly pertinent in the context of Indian society, which continues to grapple with the challenges of eradicating the caste system [21]. The Supreme Court of India has determined that the Aadhar biometric identification system does not violate the constitutional provisions of India. However, the Court has imposed several restrictions to safeguard privacy and prevent potential misuse. Specifically, it prohibited the collection of biometric data through bank transactions and mobile phone data. Additionally, the Court emphasized the necessity for stringent safeguards by system operators to mitigate risks of malicious use [22].

Conclusions. The case studies presented by the courts on human rights violations and freedoms resulting from the introduction of artificial intelligence-based systems into everyday life highlight the widespread impact of such technologies on fundamental rights. These cases also illustrate the growing tension in protecting these rights from the harmful impacts of technological innovations. The global recognition by courts of the potential human rights risks associated with AI underscores the urgent need to develop and enhance regulatory frameworks. As machine learning tools and algorithms become increasingly sophisticated, it is imperative to bolster legal and oversight mechanisms to ensure responsible and ethical AI deployment. Notably, most legal actions concerning AI-related human rights violations have resulted in decisions to either ban or restrict the use of technologies that pose significant risks.

Despite the innovative nature of artificial intelligence, courts have utilized a range of established normative tools—both foundational and emerging—to address human rights violations attributed to AI systems.

References

1. Big Brother Watch and Others v. The United Kingdom [ECtHR Judgment Review September 2018 No. 58170/13, 62322/14, 24960/15.]. – 2018. – 14 September. – URL: <https://european-court-help.ru/obzor-reshenii-espch-zasentiabr-2018-goda/> (accessed on 01.08.2024). – Text: electronic.
2. Aszodi, N. Civil society statement: we call on members of the EU Parliament to ensure the AI Act protects people and our rights / N. Aszodi // Algorithm Watch. – 2023. – 19 April. – URL: <https://algorithmwatch.org/en/civil-society-statement-ai-act-protects-people-rights/> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.
3. Willner, K. M. Class Action Targeting Video Interview Technology Reminds Employers of Testing Risks / K. M. Willner, C. S. Murphy // Paul Hastings [website]. – 2022. – 16 February. – URL: <https://www.paulhastings.com/insights/client-alerts/class-action-targeting-video-interview-technology-reminds-employers-of#:~:text=The%20complaint%20claims%20that%20the,class%20members'%20facial%20biometric%20identifiers> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.
4. Lucht, M. Is your use of AI in the workplace compliant and guided by policies? / M. Lucht // Squire Patton Boggs [website]. – 2024. – 21 May. – URL: <https://www.employmentlawworldview.com/is-your-use-of-ai-in-the-workplace->

[compliant-and-guided-by-policies-germany/](#) (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

5. Hessendata and its Impact on Personal Data Protection and Privacy. – Police It [website]. – 2022. – 3 February. – URL: <https://police-it.net/hessendata-and-its-impact-on-personal-data-protection-and-privacy> (application date: 17.04.2024). – Text: electronic.

6. Legislation in Hesse and Hamburg regarding automated data analysis for the prevention of criminal acts is unconstitutional [Judgment of 16 February 2023; 1 BvR 1547/19, 1 BvR 2634/20]. – Bundesverfassungsgericht [official website]. – 2023. – 16 February. – URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/EN/2023/bvg23-018.html> (application date: 01.08.2024). – Text electronic.

7. Canadian Council for Refugees v. Canada (Citizenship and Immigration) [2023 SCC 17, 16.06.23]. – Can LII [website]. – 2023. – 16 July. – URL: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2023/2023scc17/2023scc17.html> (application date: 01.08.2024). – Text : electronic.

8. Canadian Council for Refugees, et al. v. Minister of Citizenship and Immigration, et al. (2021, 2022). Case summary. – LEAF-FAEJ. – 2022. – URL: https://www.leaf.ca/case_summary/canadian-council-for-refugees-v-canada-2021/ (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

9. Digital welfare fraud detection and the Dutch SyRI judgment. – IAPP [website]. – 2021. – 23 September. – URL: <https://iapp.org/news/a/digital-welfare-fraud-detection-and-the-dutch-syri-judgment> (application date: 01.08.2024). – Text electronic.

10. Crime and prediction. – Fundamental systems of analysis [website]. – 2020. – 24 April. – URL: <https://fsa3d.com/2020/04/24/crime-prediction-solutions-19/> (accessed 01.08.2024). – Text: electronic.

11. Erickson, D. PredPol: A Case of Mistaken Identity / D. Erickson // Santa Cruz Works. – 2020. 2 July. – URL: <https://www.santacruzworks.org/news/the-mistaken-identity-of-predpol> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

12. Mesquita, C. E. Facial recognition and public security in the city of Rio de Janeiro: a critical analysis in the perspective of federative competences and fundamental rights / C. E. Mesquita, C. S. de Teffe // IUS Publicum. – 2022.

13. URL:https://www.researchgate.net/publication/361228313_FACIAL_RECOGNITION_AND_PUBLIC_SECURITY_IN_THE_CITY_OF_RIO_DE_JANEIRO_A_CRITICAL_ANALYSIS_IN_THE_PERSPECTIVE_OF_FEDERATIVE_COMPETENCES_AND_FUNDAMENTAL_RIGHTS Eleonora MESQUITA CEIA - Chiara SPADACCINI D (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

14. Coelho, L. Brazil turns facial recognition on rioters despite racism fears / L. Coelho // Reuters. – 2023. – 12 January. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSL8N33311N/> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

15. Seongnam City, Korea's first Corona 19 response 'Artificial Intelligence Care Call Service'. – Smart City Korea. – 2020. – 9 March. – URL: <https://smartcity.go.kr/en/2020/03/09/%EC%84%B1%EB%82%A8%EC%8B%9C-%EA%B5%AD%EB%82%B4-%EC%B5%9C%EC%B4%88-%EC%BD%94%EB%A1%9C%EB%82%9819-%EB%8C%80%EC%9D%91-%EC%9D%B8%EA%B3%>

[B5%EC%A7%80%EB%8A%A5-%EC%BC%80%EC%96%B4%EC%BD%9C-%EC%84%9C/](#) (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

16. Burton, T. Robo-debt is a case study in bad government and public service failure / T. Burton // Financial review. – 2023. – 9 March. URL: <https://www.afr.com/politics/federal/robo-debt-is-a-case-study-in-bad-government-and-public-service-failure-20230309-p5cqob> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

17. Roughly 443,000 Australians received false Robodebt notices. – ABC News Australia. – 2023. – 8 July. – URL: <https://www.abc.net.au/news/2023-07-08/robodebt-case-studies/102577632> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

18. Roughly 443,000 Australians received false Robodebt notices. – ABC News Australia. – 2023. – 8 July. – URL: <https://www.abc.net.au/news/2023-07-08/robodebt-case-studies/102577632> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

19. Carney, T. Unraveling Robodebt: Legal Failures, Impact on Vulnerable Communities and Future Reforms / T. Carney // The University of Sydney [official website]. – 2023. – 13 December. – URL: <https://www.sydney.edu.au/law/news-and-events/news/2023/12/13/unraveling-robodebt-legal-failures-impacts.html> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

20. Kolkman, D. What the world can learn from the UK's A-level grading fiasco / D. Kolkman // LSE. – 2020. – 26 August. – URL: <https://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2020/08/26/fk-the-algorithm-what-the-world-can-learn-from-the-uks-a-level-grading-fiasco/> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

21. Walsh, B. How an AI grading system ignited a national controversy in the U.K. / B. Walsh // Axios. – 2020. – 19 August. – URL: <https://www.axios.com/2020/08/19/england-exams-algorithm-grading> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

22. Facial recognition: 20 million euros penalty against CLEARVIEW AI. – CNIL. – 2022. 20 October. – URL: <https://www.cnil.fr/en/facial-recognition-20-million-euros-penalty-against-clearview-ai> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

23. Khera, R. The Different Ways in Which Aadhaar Infringes on Privacy / R. Khera // The Wire. – 2017. – 19 July. – URL: <https://thewire.in/government/privacy-aadhaar-supreme-court> (application date: 01.08.2024). – Text: electronic.

24. Suraksha, P. Aadhaar vetting by private entities against Supreme Court ruling: Experts / P. Suraksha // The Economic Times. 2023. 26 April. – URL: <https://economictimes.indiatimes.com/tech/technology/aadhaar-vetting-by-private-entities-against-supreme-court-ruling-experts/articleshow/99769150.cms?from=mdr> (application date: 01.08.2024). Text: electronic.

О. Ю. Латышев,
Университет «Сайпресс» (США),
кандидат филологических наук, действительный член МАС, МАЕ, ЕАЕ,
ISA, МОО АД ЮТК, член-корр. МАПН, профессор, профессор РАЕ
М. Луизетто,
доктор философских наук,
П. А. Латышева,
Международная Мариинская академия
имени М. Д. Шаповаленко

ПРИОБРЕТЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Цель исследования – определить условия, способы и последствия приобретения и прекращения конституционно-правового статуса личности в цифровой телекоммуникационной среде. В ходе стремительной цифровой трансформации, одновременно охватывающей значительное количество областей жизнедеятельности граждан, это является обстоятельством принципиальной важности. Исключительно при полном и адекватном понимании алгоритмов приобретения и прекращения конституционно-правового статуса личности в цифровой телекоммуникационной среде становится возможным ее стабильное нахождение в правовом поле.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, правовой статус личности, телекоммуникации, интернет, сеть, информационно-коммуникационные технологии

ACQUISITION AND TERMINATION OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL IN A DIGITAL TELECOMMUNICATIONS ENVIRONMENT

Abstract. The purpose of the study is to determine the conditions, methods and consequences of acquiring and terminating the constitutional and legal status of an individual in the digital telecommunications environment. In the course of rapid digital transformation, simultaneously covering a significant number of areas of citizens' life, this is a circumstance of fundamental importance. Only with a full and adequate understanding of the algorithms for acquiring and terminating the constitutional and legal status of an individual in the digital telecommunications environment does its stable presence in the legal field become possible.

Keywords: law, digital technologies, legal status of a person, telecommunications, internet, network, information and communication technologies

Introduction. According to the content of the text of Article 29 of the Constitution of the Russian Federation, every citizen of the Russian Federation receives "guar-

antees of freedom of speech and the right to freely seek, receive, transmit, produce and distribute information by any legal means» [3].

Considering the ways of development of the institute of law in the conditions of digital reality, T. Ya. Khabrieva and N. N. Chernogor express the conviction that "in the conditions of intensive "digitalization" there is a modification of the sphere of legal regulation [5].

It should be noted that certain provisions of the codified acts of the Russian Federation are directly used in the process of developing the constitutional and legal status of the subject. For example, in the content of the text of Article 6.17 "Violation of the legislation of the Russian Federation on the protection of children from information harmful to their health and (or) development" of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, certain sanctions are established against persons who organize access to information distributed through information and telecommunication networks [2]. An exception to this is made by communication operators providing such communication services, because they sign contracts with their clients for the provision of communication services, which they conclude in writing.

Main part. Thus, this title document suggests that the potential for committing a similar offense is present in almost any individual, official, or legal entity.

At the same time, the content of the text of Article 1233 "Disposal of an Exclusive Right" of the Civil Code of the Russian Federation establishes the right holder's ability to declare that he provides any individuals and legal entities with the opportunity to freely use a certain organic set of works of science, literature, or art created by him and, accordingly, belonging to him [7]. In addition, the right holder's ability to declare that he provides any individuals and legal entities with the opportunity to use the object of related rights free of charge on the terms and conditions determined by him is also secured here [4].

In this case, the right holder determines the term of use of the above-mentioned values, and all such information is subject to posting on the official website of the federal executive body on the Internet [1].

Conducting a theoretical study in the field of the subject of law, S. I. Arkhipov considers it necessary to state that in the process of acquiring and terminating constitutional and legal status, it is important to determine the correlations of the rights and obligations of subjects, which actualizes the problem of their categorization by types and functions [6].

Any status, first of all, divides the subjects of law (into types, groups); in it, the essential side, the main characterizing aspect is the moment of distinction, opposition of subjects of law, which in general does not correspond to the idea, the main purpose of law [8].

The opinion expressed by the researcher has direct contact with the modern problem of defining a subject that combines known industry statuses, and also experiences a tangible need for a correct definition of its own constitutional and legal status. This can quite often be caused by the possibility left by the authors of modern legislative initiatives to interpret the concepts of "information intermediary", "organizer of information dissemination", etc. extremely broadly [9].

Conclusion. At present, the algorithm for acquiring and terminating the constitutional and legal status of an individual in the digital telecommunications environment is in the stage of active development. This is facilitated by fairly rapid changes that regularly occur in domestic legislation. In some cases, this leads to the fact that at a certain point, the algorithm for acquiring and terminating the constitutional and legal status of an individual in the digital telecommunications environment already begins to acquire the quality of stability, but new changes in legislation again encourage us to begin to bring various legal norms into line with each other. Therefore, the guarantor of the balance of stability in the field of establishing the algorithm for acquiring and terminating the constitutional and legal status of an individual in the digital telecommunications environment can be precisely the idea of the authors of modern legislative initiatives about when it is most reasonable to stop in the incessant changes to numerous legislative acts so that their end user can still apply them in reality. Otherwise, the domestic legislative system may irrevocably lose authority among the overwhelming majority of citizens of the Russian Federation, and the number of appeals to foreign courts to resolve numerous controversial issues will constantly increase more and more.

Список литературы

1. Латышев О. Ю., Луизетто М., Ибрагим Г. Правовой статус личности в эпоху цифровой трансформации // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 560 с. EDN: GCUTIC. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0768-3_2022_1_560 – URL: https://www.academia.edu/109162230/LEGAL_STATUS_OF_THE_PERSON_IN_THE_AGE_OF_DIGITAL_TRANSFORMATION (дата обращения: 05.09.2024).

2. Шахновская И. В. Эволюция конституционного права в условиях цифровизации // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 531-537. EDN: GCUTIC. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0768-3_2022_1_560

3. Латышев О. Ю., Латышева П. А., Луизетто М. Цифровая трансформация конституционно-правового статуса личности // Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом: материалы XI Международной научно-практической конференции, Витебск, 13 декабря 2023 г.: электронное научное издание / Витебский филиал Международного университета «МИТСО»; редкол.: И. В. Николаева [гл. ред.]; [и др.]. – С. 15–18 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/110893388/DIGITAL_TRANSFORMATION_OF_THE_CONSTITUTIONAL_LEGAL_STATUS_OF_PERSONALITY (дата обращения: 05.09.2024).

4. Фальшина Н. А. Защита прав человека в цифровой среде и национальные особенности цифровизации права // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 494-492. EDN: GCUTIC. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0768-3_2022_1_560

5. Латышев О. Ю., Латышева П. А., Радаэлли М. Э., Луизетто М. Человек в современной правовой концепции цифровой телекоммуникационной среды // Человек в современных социально-философских концепциях [Электронный ресурс]: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Елабужского института (Елабуга, 11 декабря 2023 г.) / отв. ред. С. В. Смирнов; науч. ред. Е. В. Громов; ред. кол.: А. Г. Сабиров, Н. М. Асратян. – Электронные текстовые данные (1 файл: 480 Кб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – 263 с. – С. 176-185. Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <https://kpfu.ru/elabuga/struktura-instituta/osnovnyepodrazdeleniya/fakultety/fakultet-istorii-i-jurisprudencii/kafedra-filosofii-isociologii/elektronnye-resursy> – Загл. с титул. экрана. https://www.academia.edu/121747746/Man_in_the_modern_legal_concept_of_the_digital_telecommunications_environment (дата обращения: 05.09.2024).

6. Синенко В. С. Нормотворческий и правоприменительный процессы в условиях цифровизации общественных отношений // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 417-422. EDN: GCUTIC. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0768-3_2022_1_560

7. Латышев О. Ю., Луизетто М. М., Латышева П. А. Устойчивость экономико-правового положения агропромышленного предприятия в условиях цифровизации // приоритетные направления научно-технологического развития аграрного сектора России // Материалы всероссийской (национальной) научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки. – Улан-Удэ, 2023. – С. 305-311.

8. Подмаркова И. П. Проблема актуальности правовой информации в сети Интернет // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 337-349. EDN: GCUTIC. DOI: http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0768-3_2022_1_560

9. Латышева П. А., Луизетто М. Цифровая трансформация конституционно-правового статуса личности в сфере образования: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Цифровая трансформация науки и образования» (30 июня – 3 июля 2023 года, Нальчик-Приэльбрусье) / под ред. М. Ю. Беккиева, А. В. Псху, С. Ю. Хашировой,

Ю. А. Шекихачева. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, 2023. – С. 54–59. – URL: https://www.academia.edu/120829416/DIGITAL_TRANSFORMATION_OF_THE_CONSTITUTIONAL_LEGAL_STATUS_OF_INDIVIDUALS_IN_THE_FIELD_OF_EDUCATION (дата обращения: 05.09.2024).

Li Jingrong,
Bachelor student,
Lanzhou University of Finance and Economics
Shawuya Jigeer,
PhD student,
St. Petersburg Polytechnic University

RISKS AND REGULATORY FRAMEWORK OF THIRD-PARTY PAYMENT IN CHINA

Abstract. Since the beginning of the 21st century, with the development of financial technologies and rapid growth of e-commerce, third-party payment (such as Alipay and WeChat Pay) has become a widely used payment method in China. Third-party payment provides convenience to the economy and society, while there are potential risks, which is forcing the introduction of regulation. This paper analyzes the financial risks in the context of third-party payment and the regulatory measures adopted so far, and proposes prospects for improving the effectiveness of regulation.

Keywords: third-party payment, e-commerce, privacy, security, risk, risk prevention, regulation

РИСКИ И РЕГУЛИРОВАНИЕ СТОРОННИХ ПЛАТЕЖЕЙ В КИТАЕ

Аннотация. С начала XXI века, с развитием финансовых технологий и стремительным ростом электронной коммерции, сторонние платежи (такие как Alipay и WeChat Pay) стали широко распространенным способом оплаты в Китае. Сторонние платежи обеспечивают удобство для экономики и общества, но при этом существуют потенциальные риски, что вынуждает вводить регулирование. В данной статье анализируются финансовые риски в контексте сторонних платежей и принятые на данный момент меры регулирования, а также предлагаются перспективы повышения эффективности регулирования.

Ключевые слова: сторонние платежи, электронная коммерция, конфиденциальность, безопасность, риски, предотвращение рисков, регулирование

Introduction. Third-party payment refers to a payment service provided by a non-banking institution for fund transfer, payment and settlement through the Internet or mobile devices [1; 2; 3]. With the development of financial technologies and the rise of e-commerce, third-party payment has rapidly spread worldwide and become an indispensable part of the modern financial system. In China, the competitive pattern in

the payments industry can be summarized as a “2+1+N” structure: Alipay and WeChat Pay account for nearly 60% of transactions; UnionPay provides key clearing and settlement services; and a few third-party licensed payment companies are competing for market share in this field. According to the statistics of China Internet Network Information Center, the proportion of China's online payment user scale to the overall number of Internet users has stabilized at the level of over 85% in 2022. According to Mobile Payment Network, China's third-party payment transaction scale will be 338 trillion yuan in 2022.

Third-party payments have played a positive role in economic and social development. Third-party payment has become an important part of e-commerce, effectively solving the problems of high cost and lack of credit in e-commerce [4][5]. Third-party payment is becoming increasingly important in the payment system, and the potential risks brought by new technologies and business models have put forward higher requirements for regulation. This paper analyzes the regulatory framework and potential risks of China's third-party payment industry by reviewing the relevant regulatory framework, and proposes possible solutions to improve the effectiveness of regulation.

Main part.

1. Development status and regulatory framework of third-party payment

1.1. Current status of development of third-party payment

There is no unified definition of third-party payment in academic field currently. The emergence of third-party payment is mutually relevant to the development of e-commerce in the case of China. For e-commerce, electronic payment is an essential and vital instrument. The emergence of the third-party payment service is in line with the development of e-commerce, and is also one of the specific forms of online payment innovations. Alipay is one of the largest payment platforms in China, which was introduced as a payment instrument for secured transactions to solve the trust issue that hindered the development of e-commerce marketplace of Alibaba [6]. The third-party payment service is based on large-scale online portals, and uses the credit of the banks with which it cooperates as its credit guarantee [7; 8]. In this context, third-party payment refers to a payment service provided by a non-banking institution for the purpose of transferring, paying and clearing funds via the Internet or mobile devices. Third-party payment includes online payment and offline payment. Online payment is usually used for e-commerce transactions, where users complete the payment through the third-party payment platform; offline payment is mostly observed in physical stores, where users complete the transaction through mobile devices. Figure 1 shows China's third-party payment market share in 2023 [9].

The data of China's third-party payment market share shows that Alipay, WeChat Pay, and UnionPay ranked the top three with market shares of 34.5 %, 29 %, and 10.2 %, respectively, and the sum of the market shares of these three reached 73.7 %, indicating a high degree of concentration in the market.

According to the People's Bank of China presented in Figure 2, the transaction scale of China's third-party payment operations grew from 99.27 trillion yuan in 2016 to 337.87 trillion yuan in 2022, and it is predicted that the scale of China's third-party transactions will maintain its growth in the future, and is expected to reach 644 trillion yuan by 2028 [10].

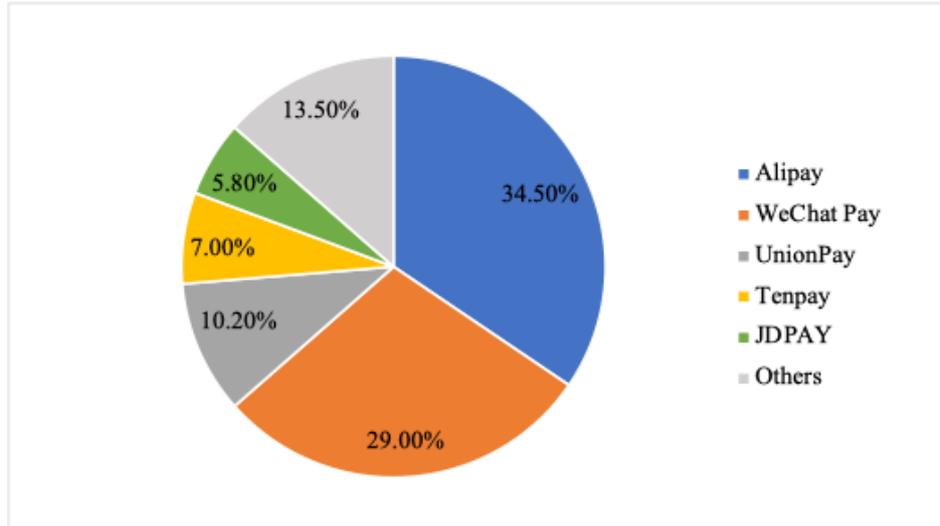

Figure. 1. China's third-party payment market share

Figure. 2. Transaction scale of China's third-party payment operations

1.2. Regulatory framework of third-party payment

The growing importance of third-party payments in the payment system and the potential risks associated with them make it necessary to include third-party payments in the framework of financial regulation. China's third-party payment regulatory framework has a long process from absence to existence, from loose to strict regulation.

Prior to 2010, China had no clear regulatory organization and regulatory framework for third-party payment, and the third-party payment sphere was relatively unorganized, with high level of risks associated with payments. In 2010, the People's Bank of China (PBOC) promulgated the "Administrative Measures for the Payment Services Provided. This clearly establishes that China adopts an institutional regulatory

model for third-party payment institutions. The adoption of the regulation signifies the beginning of the third-party payment legislation [11].

From 2010 to 2023, the People's Bank of China (PBOC), the China Banking Regulatory Commission (CBRC), the State Administration of Foreign Exchange (SAFE) and other financial regulators issued many relevant regulations and legislations to ensure that the third-party payment industry operates in a stable and prudent condition. Table 1 summarizes China's main regulations and legislations related to third-party payments.

Table 1

**China's main regulations and legislations related to third-party payments
(source: collected by authors)**

Regulations	Date	Main content
Administrative Measures for the Payment Services Provided by Non-financial Institutions	2010.06.14	The document clearly stipulates that third-party payment institutions should submit applications to the Central Bank for the issuance of payment service license. It also requires third-party payment institutions to meet the qualifications for registration, which raises the entry threshold, and clarifies the issue of attribution of customer provisioning funds
Measures for the Supervision and Administration of Combating Money Laundering and Financing of Terrorism by Financial Institutions	2012.08.01	The document emphasizes that third-party payment institutions should set up a special anti-money laundering and anti-terrorist financing department to take charge of anti-money laundering measures. Third-party payment institutions are required to verify the authenticity of users' identities
Measures for the Custody of Clients' Reserves of Payment Institutions	2012.06.07	The document clarifies the depository and use of funds in transit, and strictly bans diversion by third-party payment institutions
Announcement of the China Banking Regulatory Commission on the Results of the Review of Regulatory Documents	2014.04.09	The document sets specific requirements in terms of customer authentication, information security, transaction limits, transaction notification, liability for compensation, qualification and activities of third-party payment institutions, and risk management
Notice of the State Administration of Foreign Exchange on the Pilot Cross-border Foreign Exchange Payment Business of Payment Institutions	2015.01.29	The document specifies that payment institutions engaged in cross-border payment activities are subject to the supervision and administration of the SAFE

Regulations	Date	Main content
Administrative Measures for Online Payment Business of Non-bank Payment Institutions	2016.07.01	Payment institutions are subject to classification evaluation in accordance with the relevant regulations of the PBOC and implement corresponding classification and supervision measures
Notice of the General Office of the People's Bank of China on Matters concerning Implementing the Centralized Deposit of the Funds of Pending Payments of Clients of Payment Institutions	2017.01.13	The document requires that, starting from April 17, 2017, payment institutions should deposit a certain percentage of customers' provision funds into a special deposit account of a designated institution
Notice of the General Office of the People's Bank of China on Matters concerning Complete Centralized Deposit of the Funds of Pending Payments of Clients of Payment Institutions	2018.06.29	The document stipulates that from July 9, 2018, payment institutions will increase the centralized deposit ratio of payment institutions' customer reserve funds monthly, and achieve 100% centralized deposit by January 14, 2019
Notice of the General Office of the People's Bank of China on Matters concerning Implementing the Centralized Deposit of the Funds of Pending Payments of Clients of Payment Institutions	2018.11.20	The document requires payment institutions to revoke the customer provisioning accounts opened in provisioning banks before January 14, 2019, and open "centralized provisioning depository accounts" in the branch of the People's Bank of China where the legal person is located
Regulation on the Supervision and Administration of Non-Banking Payment Institutions	2023.12.09	The document is the first administrative legislation in China's payment industry, which raises the level of non-bank payment supervision and aims to comprehensively strengthen the supervision of non-bank payment institutions

Since 2010, with the rapid development of e-commerce and mobile payment, the central bank has issued relevant regulatory legislations, issuing a large number of licenses to encourage the development of the non-bank payment industry and officially including non-bank payment institutions into the regulatory framework. With the increasing number of users of non-bank payment institutions, more and more customers' information is concentrated in these platforms, but compared with traditional banks, non-bank payment institutions have more vulnerabilities in terms of customer information management. As a result, regulators are gradually strengthening this aspect of supervision to protect customer information security. The central bank stopped issuing new licenses after 2015, and at the same time, introduced more strict rules to regulate the development of the industry, with a particular focus on the safety of customer funds and the security of personal information [11].

After decades of development, China has established a payment and clearing system centered on the central bank's payment and clearing system, with the joint participation of commercial banks, clearing agencies and non-bank payment institutions, which is widely accessible and efficient. China has implemented an institutional regulatory model in the field of third-party payments, but with the development of Internet finance, the boundaries between various financial and non-financial institutions are gradually becoming ambiguous, and the drawbacks of the institutional regulatory model are gradually becoming apparent. In 2023, State council issued "Regulation on the Supervision and Administration of Non-Banking Payment Institutions", which is the first administrative legislation in China's payment industry. The document provides a clearer definition of the rights and obligations of all parties in the payment industry, and enables the supervisory authorities to exercise their administrative functions in accordance with the regulatory framework [12] [13].

2. Risks Related to Third-Party Payments

2.1. Inadequate regulation

Third party payments in China are regulated by the People's Bank of China. However, due to its issuance of departmental regulations, the legal status of regulatory regulations is low. This limits the strength of its regulation. This leads to inadequate supervision and regulatory loopholes. In the regulatory system, there is the problem of common supervision by multiple departments, which leads to poor coordination among regulatory departments and unclear regulatory responsibilities. In addition, the lack of uniform standards and norms for supervision makes it difficult to effectively regulate the third-party payment industry [14].

Secondly, compared with the traditional financial industry laws and regulations system, third-party payment as a new industry, rapid development. Targeted special laws and regulations are still scarce and lagging behind. Although China has promulgated a "Management Measures" to make specific provisions on the access and supervision of third-party payment, it cannot meet the rapid development of Internet technology and the large-scale use of third-party payment, which has led to the emergence of a variety of risk issues. It is impossible to prevent legal problems arising in the third-party payment industry in a timely manner, and there are still a large number of gaps in supervision [15]. At the same time, there are also some gaps and shortcomings in the third-party payment regulatory rules in cross-border payment, risk prevention, user information protection, which makes it difficult to fully protect the rights and interests of users. Especially in cross-border payment, the regulatory regulations are weak and difficult to regulate, and it is easy to have capital outflow and security loopholes.

2.2. Financial risk

Sinking fund risk. Sinking funds refer to unused idle funds in society. As an intermediary between buyers and sellers, the third-party payment platform always does not have the ownership of the funds during the whole transaction process, but with the continuous growth of the transaction scale, the amount of funds deposited on the third-party payment platform becomes very huge [15]. As China's largest third-party payment platform, Alipay holds a large amount of funds that have not yet been timely

transferred to the counterparty's account, and this large amount of funds is temporarily stagnated in the Alipay system. The flow of large amounts of funds may be exploited by some speculators to engage in malicious market manipulation and cause abnormal market volatility. At the same time, the flow of a large amount of money may create pressure on the market and affect market stability [16].

Cash-in disorder. Alipay relies on network electronic information technology, but due to the virtual nature of the network, some users may maliciously use fake transactions to cash out. This compromises users' personal information and causes losses to users' private property [17].

2.3. Technology risk

With the rapid development of technology, hacker attacks, data leakage and other security issues are becoming increasingly serious. If the technical protection measures of online payment companies are not in place, they may suffer serious security incidents, resulting in consequences such as leakage of user information and theft of funds. In addition, technological upgrades may also pose a challenge to online payment companies, e.g., the application of new technologies may require companies to invest a large amount of money in upgrading and transformation, while technological failures may lead to difficulties for companies. Third-party payment platforms have the commonality of survival based on financial technologies, the main causes of operational risk in the Fintech industry may also exist in these platforms [18][19].

3. Recommendations on Enhancing the Effectiveness of Third-Party Payment Regulation

3.1. Establish a perfect legal system

Continuously improve the laws and regulations on third-party payment, clarify the responsibilities and obligations of all parties, and provide legal protection for the healthy development of the payment market. Establish a unified third-party payment regulatory authority to specifically supervise the field, ensure the compliance of third-party payment institutions and punish violations. Update laws and regulations on third-party payment in a timely manner to ensure that there is a law to follow.

3.2. Supervision of funds

Regulatory authorities will supervise the clearing, custody and risk management of third-party payment institutions. A firewall will be established between the deposited funds and the operating funds, and different financial institutions will be selected for specialized supervision to prevent misappropriation of funds [20]. In strengthening the management of reserve funds, it is necessary to clarify the legal ownership of the precipitated funds and the fruits thereof, and to strictly control and screen the investment fields and investment directions of the precipitated funds, curb money laundering, and strive to establish and improve the relevant legal supervision system [13].

The use of funds is strictly in accordance with the Bank's audit procedures to improve the management of deposited funds. Second, third-party payment institutions are required to keep users' funds in separate accounts from their own funds, and conduct regular inspections and reports to ensure the safety of funds and the smooth operation of clearing. At the same time, regulators will also review and guide third-party payment institutions on risk management and contingency plans to ensure that risks

can be dealt with in a timely manner when they arise, so as to safeguard the stability and security of the market.

3.3. Technical assurance

The technical systems of third-party payment institutions are monitored and audited to ensure that their systems are stable, reliable, secure and efficient. At the same time, regulators may also use encryption technology to protect user information to ensure that it is not illegally accessed or misused.

Third-party payment plays an important role in e-commerce, and the government should strengthen supervision and establish an appropriate regulatory system to protect consumers' rights and interests. Regulatory authorities should strengthen the formulation and adjustment of regulatory policies, improve the regulatory system and unify the market order. Third-party payment platforms should strengthen internal risk control management, increase technical investment, improve network security and ensure fund security. Only under the premise of achieving security, stability and compliance can third-party payment achieve healthy, stable and comprehensive development and play an important role in the e-commerce ecosystem.

Conclusion. Third-party payments have played a positive role in economic and social development. Third-party payment has become an essential part of e-commerce, effectively solving the problems of high cost and lack of credit in e-commerce. The rapid development of third-party payments poses significant regulatory challenges. The financial innovation of third-party payment is bound to bring a lot of payment risk problems. Therefore, it is necessary to seriously summarize, review and study the current status of the development and regulation of third-party payment in China, so as to provide practical evidence for the implementation of effective regulation. On the premise of security, stability and compliance, we will help third-party payments develop in a healthy, stable and comprehensive manner. Through joint efforts, we will reduce the risks of third-party payments and safeguard payment security and financial stability.

References

1. Liu J., Li X., Wang S. What have we learnt from 10 years of fintech research? A scientometric analysis // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol.155. 120022.
2. Thakor A. V. Fintech and banking: What do we know? // *Journal of financial intermediation*. – 202. – Vol. 41. – 100833.
3. Fan X., Zhao W., Zhang T., Yan E. Mobile payment, third-party payment platform entry and information sharing in supply chains // *Annals of Operations Research*. – 2023. Pp. 1–20.
4. Tang Y. M., Chau K. Y., Hong L., Ip Y. K., Yan W. Financial innovation in digital payment with WeChat towards electronic business success // *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*. 2021. 16(5). – Pp. 1844–1861.
5. Zhao X., Sun Y. A study of third-party online payment: Risk control and supervision analysis. 2012.

6. Ye, W., Chen W., Fortunati, L. Mobile payment in China: A study from a sociological perspective // Journal of Communication Inquiry. 2023. Vol. 47(3). – Pp. 222–248.
7. Yao M., Di H., Zheng X., Xu X. Impact of payment technology innovations on the traditional financial industry: A focus on China // Technological Forecasting and Social Change. 2018. – Vol.135. – Pp. 199–207.
8. Lee I., Shin Y. J. Fintech: Ecosystem, business models, investment decisions, and challenges. Business horizons. – 2018. – Vol. 61(1). – Pp. 35–46.
9. 21st Century News Group, Third Party Payments Industry Research Report 2024 [Electronic resource]. – URL: <https://www.21jingji.com/article/20240716/herald/1acff9f929dfd0d2d4f9aa4c8e7250e4.html>
10. 21st Century News Group, Third Party Payments Industry Research Report 2023 [Electronic resource]. – URL: <https://www.21jingji.com/article/20230616/herald/38ec484bc3e899b5d5dbdcb900fb13a7.html>
11. Liu Jin. The Regulatory Model of Non-Bank Payment Institutions in China and International Comparison: Research report. Institute for Fintech research / Tsinghua university, 2018.
12. Zhou Junwen, Dang Jianwei, & Gao Ming. Objectives and institutional arrangements of third-party payment supervision – International comparison and policy recommendations. 03.006, 2019.
13. Regulation on the Supervision and Administration of Non-Banking Payment Institutions. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/202312/content_6920724.htm
14. Implementation Rules for Regulation on the Supervision and Administration of Non-Banking Payment Institutions. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/tiaofasi/144941/144957/5414094/index.html>
15. Ding Jie. Legal Issues of Third-Party Payment in the Context of Internet Finance. Dispute Resolution. – 2021. – Vol. 7(4). – Pp. 169–178.
16. Liu Zhaolu . Northeast Agricultural University, China’s third-party electronic payment model. – 2018. – Vol. 33. – P. 29
17. Xiong Cen. China's third-party payment risk and control suggestions. – 2023. – Vol. 6.
18. Xu R., Mi C., Mierzwiak R., Meng R. Complex network construction of Internet finance risk. Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. – 2020. – Vol. 540. – 122930.
19. Yao Y., Li J. Operational risk assessment of third-party payment platforms: a case study of China // Financial Innovation. – 2022. – 8(1). – P. 19.
20. Xu R., Mi C., Mierzwiak R., Meng R. Complex network construction of Internet finance risk. Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. – 2020. – Vol. 540. – 122930.
21. Zhang zhu. Research on the legal issues of third-party payment[J] // Cooperative economy science and technology. – 2021. – Vol. 13(1). – Pp. 44–49.

Serikbek Murataev,
Ph.D. in Law, Associate Professor,
Tashkent State University of Law

**EVOLUTION OF THE FORMATION OF HUMAN SOCIETY
AND THE GROWING DIGITAL SOCIETY ERA:
LEGAL AND POLITICAL APPROACHES**

Abstract. Objective: The core objective of this article is to share a prediction of digital development and its possible consequences in the case of the current stream improvement daily affecting humans' lives and rights.

Methods: In the framework of this work, the author used several qualitative and quantitative methods to prove his statements to reveal scientifically proven conclusions among which such methods as observation, statistics, SWOT analysis, historical analysis, interviewing experts, and many others.

Results: The author delivers several interesting conclusions based on practically observable events and shares some predictions, which deserve attention to check and proper actions taking into account facts drawn by the author. As a result of the scientific investigation first revealed a summary that mankind from the outset of the new century entered to new Era or form of society called digital society, in terms of formation attitude even capitalistic society is going to the past liberating its place to the digitalization Era. The author pointed out along with positive expectations some systematically important vital changes might bring humankind into new forms of exploitation. Over the growth of the digital Era, some nations might lose their identity and even disappear as nations inevitably force law to weaken. There is a view that the excessive booming of AI and other digital era findings even futuristically arguing might create or self-create a new form of species that might be a rival before homo sapience.

Scientific novelty: The author came to a conclusion taking into account the length of every previous form of human society and the contractions of its living period derived interference that even though the digital era came into our life comparatively recently, however, it will not last for centuries like feudal or bourgeoisie society. Although, generally the essence of legal acts will be closer to above mentioned period ones, and existing state borders will be a matter of formalism because people will move around the globe. Unfortunately, this fact as a side effect might be the core reason for the disappearance of some nations' identities creating and gradually strengthening the global economy and later global government as well.

Practical significance: In terms of practical value, the superiority of public law will exceed in comparison with private law and its consequences will be sensible in real life meaning that every part of private life will be measurable and accessible for publicity. The value of such professions as lawyer, driver, teacher, or engineer might fall down in human society and be substituted by AI creatures. Over the years, depending on rocketing AI even humans might be considered by society as spare parts of AI.

Keywords: digital society, the transition of human society, human rights, natural human rights, government responsibility, duration of human society, AI creatures, a flame management skills

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ЭРА РАСТУЩЕГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. Основная цель этой статьи – поделиться прогнозом цифрового развития и его возможными последствиями в случае текущего улучшения потока, ежедневно влияющего на жизнь и права людей. Методы: В рамках данной работы автор использовал несколько качественных и количественных методов для доказательства своих утверждений, чтобы выявить научно обоснованные выводы, среди которых такие методы, как наблюдение, статистика, SWOT-анализ, исторический анализ, интервьюирование экспертов и многие другие.

Результаты: автор делает несколько интересных выводов, основанных на практически наблюдаемых событиях, и делится некоторыми прогнозами, которые заслуживают внимания для проверки и правильных действий с учетом приведенных автором фактов. В результате научного исследования впервые был сделан вывод о том, что человечество с начала нового века вступило в новую Эру или форму общества, называемую цифровым обществом, с точки зрения формирования отношения даже капиталистическое общество уходит в прошлое, освобождая свое место для Эпохи цифровизации. Автор отметил, что наряду с позитивными ожиданиями некоторые системно важные жизненно важные изменения могут привести человечество к новым формам эксплуатации. С развитием цифровой эры некоторые страны могут потерять свою идентичность и даже исчезнуть, поскольку страны неизбежно принуждают к ослаблению закона. Существует точка зрения, что чрезмерный бум искусственного интеллекта и других открытий цифровой эпохи, даже с футуристической точки зрения, может создать или самосоздать новую форму вида, которая могла бы стать соперником человека разумного.

Научная новизна: с учетом длительности каждой предшествующей формы человеческого общества и сокращений продолжительности ее существования, вызванных вмешательством, автор пришел к выводу, что цифровая эра хоть и вошла в нашу жизнь сравнительно недавно, но продлится недолго. столетиями, как феодальное или буржуазное общество. Хотя в целом суть правовых актов будет ближе к вышеупомянутым периодам, а существующие государственные границы будут вопросом формализма, поскольку люди будут перемещаться по земному шару. К сожалению, этот факт, как побочный эффект, может стать основной причиной исчезновения идентичности некоторых стран, создавая и постепенно укрепляя глобальную экономику, а затем и глобальное правительство.

Практическая значимость: с точки зрения практической ценности превосходство публичного права будет превосходить частное право, и его последствия будут ощутимы в реальной жизни, а это означает, что каждая часть частной жизни будет измеримой и доступной для огласки. Ценность таких профессий как юрист, водитель, учитель или инженер может упасть в человеческом обществе и быть заменена ИИ. С годами, в зависимости от стремительного развития ИИ, даже люди могут рассматриваться обществом как запасные части ИИ.

Ключевые слова: цифровое общество, переход человеческого общества, права человека, естественные права человека, ответственность правительства, продолжительность существования человеческого общества, искусственный интеллект, яркие навыки управления

Introduction. If we consider the duration of creation of the whole Universe and the formation of this planet then might infer that humankind comparatively emerged recently in this scene. Therefore, it is our moral duty to analyze our being here in terms of law and politics since by means of these sciences we can deeply analyze human interactions and interrelations over the millennia and derive proper summaries to maintain *Homo sapiens* as an existing species. Although it is an axiom that everything in the world has its initiation and ends, we are the most (at least we are used to considering ourselves as the most) reasonable and thinking creatures in the world would naturally try to further improve the quality of our life discovering various things such as cutting-edge technics, AI and social networks. At the same time, inevitably forever changing our lives unnoticeable. As prominent scientist, Neil de Grass Tyson urged: In fact, humans cannot really kill Earth. Earth will remain in orbit around the Sun, along with its planetary brethren, long after *Homo sapiens* have become extinct by whatever cause, it is indirect proof that humankind might really be extinct. The inductive view of human history released before us one exact truth to survive is the human interrelation. In a pre-historic era when ape-like humans lived separately, they constantly were easy prey before animals, which unlike our ancestors lived in groups. Only coming to Genetic society *Homo habilis* people mastered the ability to live in groups. Gradually they understood that the only way to live a life before the harsh conditions of nature and animals is the interaction, living together, seeking food together, finding shelters together, and defending together. Those natural needs revealed to us that the association of people is one of the natural rights of every human. From the contemporary perspective, it is the principle that citizens are entitled, collectively, to govern themselves.

In modern days, separation from all over the world is a guarantee of lagging and a certain amount of degradation for most of us and even for entire societies. There are many instances of this account. Only personal human interaction assisted us in surviving, designing communication skills, and developing senses such as love, friendship, compassion, loyalty, and many others. Human persistence contributed to many discoveries over these millennia. Taking into account all these facts, today we can infer another vital natural right of humans, which are right to freedom of speech and the right to freedom of creation. We can summarize from those early periods because of scientific proof of the emergence of these rights. In fact, without human association, out-of-speech interaction, and investigation of all mysteries of this world humankind could not adapt to survive. It is a mandatory circle of this world. Therefore, all are vitally necessary issues we could state as natural rights, which are inalienable supporting human beings. However, in the modern days just as people unite externally, they more deeply separate internally. Significant improvements of technics and technologies that enable us to live healthier, more abundant, and easier internally people moving away from each other. When we infer moving away from each other, we mean not only on a micro scale but also on a macro scale. Creation of separate blogs, military forces, and

economic alliances, which inevitably affect a private sphere among ordinary people. Although this increasing separation takes its origin from early, pre-historic periods.

If the interrelation and interaction of humans took its origin in a pre-historic era in order to counteract to animals, today there is no animal whom human might be afraid. Therefore, to reach true human unity repeatedly once more perhaps there ought to be something smarter, bigger, and more cunning than a human being is. In fact, all these issues started a long time ago when humanity mastered the skill to manually manage a fire. Because this discovery was truly a life-changing finding that provided early men with constant warmth, and relatively mild food, and the foremost fact is, that managing fire supplied them with essential tools to defend themselves from animals, which was ever number one priority of time. Metaphorically arguing it was transferring relay on ruling this world from animals to humans. Still, *Homo sapiens* going in rivalry with each other. However, indeed the discovery of fire management ability has two aspects: advantages and disadvantages. Almost all the pros were counted above, and there is a spot to reveal some cons. The first and foremost side effect is spreading human greed, superiority, and a sense of power because of possessing such skill to manage fire. Since, gradually after fire managing skills those curious ones felt a sense of importance and another euphoria and commenced experimenting with various things throwing items like stones, leaves, soil, and much other accessible stuff into the fire hoping to discover other things. Thus, it was discovered metal over certain periods, melted by fire, and shaped into useful tools, which contributed to the rocketing of early people's lives to another level, from gathering society into producing one. On the other hand, beginning real and tangible stratification of society.

In terms of the economy, *homo-habilis*'s life was based on gatherings Mother Nature endowed them with fresh water, wild apple trees, and many other eatable plants, up to the discovery of fire managing skills and the aftermath development of metal. Actually, that period of life probably was the most careless and truly happy life of humankind over the period of its existence. Despite that, some scholars titled this period of humankind the "age of savagery". There was no rivalry among people and no worries about future plans and so on. However, as soon as one commences to be curious about how the environment works, everything starts to change. Exactly skills to manage fire was the starting point in this journey. Further events and most of the findings had cause and effect on relationships and in the end gradually divided newly created even it was tribal human societies into skilled ones and vice versa. Gradually over the years learned how to hunt successfully (it was thanks to human association) against animals, agriculture by means of improved labor tools, then cattle breeding, fishing, and so forth. Unconditionally, all these skills contributed to noticeably improving early people's external lives. However, these advancements had also negative sides, initially manifesting in hidden controversy and later obvious battles between people to receive more land for agriculture, more cattle breeding, and so on. In terms of this site, Carl Marx's materialistic theory of the emergence of law seems reasonable. However, since then nothing could create true interaction and interrelation between people, even contemporary growing digitalization is not a tool sought by humankind. In spite of the fact, that at first glance it seems something marvelous that everyone would be able to communicate with people from far distances allowing him or her to

be in touch. However, historical analysis of past events proves the opposite of this fact in the long run. In other words, as Tayiib pointed out: many of the hallmarks of supposed social order—from feudalism to modern capitalism—demonstrate the “continuing savagery” of eras defined by colonialism, warfare, and the exploitation of the weak.

Before considering a digitalization society on earth, we have to examine previous forms of human society that allow us to view from above to make maximum correct conclusions. Because there is no distinction between digital society and earlier forms of societies, except tribal society form. Thus in this brief investigation, we will try to disclose connections between forms of human societies and reveal the most influenced factors substitution from one form to another as well as primarily to design certain predictions where the current development could lead us.

Main part.

1. Brief Tribal Society inventions, natural human rights, pros and cons. As we pointed out human relationships and their interaction as extremely vital skills, we would once more consider this interaction from a Tribal society where there was no private property, and where there were no lobbied legal systems or military systems that could suppress voices. Actually, in connection with the absence of the abovementioned systems, there was no need to be suppressed. Consequently, exactly human creativity means the creation of fire management was the starting point of all other discoveries, which had its pluses and minuses.

If its pluses manifest in providing warm in cold weather, preparing relatively mild foods, and defending from animals its minuses perhaps did not appear immediately and it took several years and even centuries. It is morally hard to admit it, but human curiosity contributed to mastering flame management and then other creations from this point. In other words, human creativity is also one of the inalienable natural rights like the right to freedom of association or right to freedom of speech to communicate with each other. However, whether man intentionally or not creates various disasters such as bombs, drugs, and unhealthy foods even from my personal view AI is also. It requires a certain amount of time to recognize its side effects.

In terms of natural rights, it should be noted that almost the emergence of all human inalienable natural rights is derivable exactly from that period. Humankind was created no matter what: from apes, from clay, or evolved from microorganisms, thus, everyone has the right to life. After all, no one had not been decided when, where, in which family, or in which gender to be born, all of us just be born. It is not an issue of our choice. Hence, the issue of our coming back is not our decision when it might happen, but it inevitably will. Therefore, there is the power; infinitely great and almighty power decides all these processes. Only He will decide who will live or not. That is why the right to life is the inalienable natural right of everyone. And no digitalization advancements could cease it, in the best way, it might slightly prolong it.

To confront animals early people had to create unity, which was also a natural right to freedom of association, during this created unity they had to interact with each other. Thus, gradually evolved communication skills, which are called in legal language as the right to freedom of speech. Despite the fact, that human creation not always might be positive in plenty of instances, however, this is also one of the natural rights of humans. Because there is no choice or enough wisdom and maturity in hu-

mans to stay unmoving when he/she surrounded by severe conditions of nature. That is why; always constantly moving to reveal as soon as possible secrets of this world is a natural behavior of humankind. Hence, moving from one place to another to make creations and discoveries is also a natural necessity for people. Otherwise, the discovery of America or ocean ways might remain impossible. Therefore, freedom of moving is also one of the natural rights of people.

Over these periods because of plenty of unknown processes in people's minds evolved a view about upper power, which later was the reason for the creation of plenty of beliefs. In society gradually prevailed taoism, animism, fetishism, totemism, and shamanism. These were also initial elements of belief in human life. Because in case of human weakness, they tend to prey, to ask from high power to display a way, supply with strength and knowledge. That is why this phenomenon justifiably might be considered, as freedom of belief is one of the inalienable rights of people.

There is indeed a physiological need in every person to eat and drink to have shelter. Therefore, from pre-historic times, we can derive an inference that our ancestors commenced to manage, operate, and possess property which might be considered as initial examples of having property and that property is the natural right of people. Because having property is the vital thing to survive. And they had it. We have to just imagine, that all the above-mentioned natural and inalienable rights that humankind had during tribal society were lost in subsequent forms of societies. Coming right after the next Tribal society is the Slaveholding society once the title itself reveals the essence of the form of society. Then humankind entered a Feudal society where a significant part of people remained enslaved. During Bourgeoisie society, many people still relentlessly worked on plantations and fabrics without any right to rest just with a minor salary. Even in recent Capitalist societies, endless consumerism, and credit practically exhausted people, and they had to complete debts before banks to purchase cars, real estate, and many other techniques. Finally, the digital society that we put forward in this article also more likely cannot guarantee true freedom to humans. Instead, it might somehow remind slaveholding society of twisting men from all sides with cameras, logins, passwords, and registrations as well as fake friends and relatives. However, all this stuff will be analyzed later on. All of these side effects were created along with the creation of new and new stuff. Even though our early ancestors were unaware of all these theoretical and scientific aspects of it. They were free, free of any obligations, free of seniority, free of stratifications, and from other forms of unfairness. On the other hand, as we pointed out above, there was no way besides doing something to survive, they naturally forced their mind to take proper actions to defend themselves, to find eatable stuff, and to settle in a safe place not only from animals but also from whims of weather. Naturally, they did not think and could not think about measures of their creativity. Overall, among men, from ancient times, there has been an attitude of hate when someone's acquaintance constantly goes to improve intellectually, physically, or emotionally, those haters externally express and require equality in everything, even on the level of knowledge or power. However, it is impossible to be equal for everyone, which means all these processes are inevitable consequences.

For this reason, anyway even during the thriving of Tribal society approximately 20,000 – 17,000 years ago when all used to live together in a huge community with

general eating, care, and other duties, leading ones, distributed obligations, commenced commanding to others arranging life activity of tribe. This separation of roles in the tribal community itself gradually also impacted to creation of stratification. Depending on managing, persuading, and ruling skills, tribal society is slow, but constantly directed toward deeper stratification into management and controlled classes, and domesticating fire and by means of this welfare deriving metals just accelerated social divisions.

In order to discuss public deals those management class members commenced to form special councils to consider appointing new management persons, to analyze strategies to hunt animals, and many other daily issues, that might externally resemble in contemporary world's various advising bodies. However, it was not government yet, first, because in these consultative bodies participated almost all members of a tribe, which means ruling members were not externally self-separated from the rest of the tribe. It is because there was nothing to hide from others. The second reason for the absence of government yet, it is the absence of commodity currency relationships among tribe members. However, this life-changing form of society had left a few times that would ubiquitously begin all of this greed setting process throughout the world.

Later, about near to 5,000 – 4,000 years BC, once a united society split up into three gradually more and more distinguishing classes such as ruling, entrepreneurs, and peasants. Naturally, most members of society related to peasants that employed in fields to grow wheat, rice, and other newly adopted plants, while significantly fewer people could be engaged in blacksmithing, fishing, or hunting might be considered entrepreneurs. Consequently, not all lands were irrigable, and irrigation was operated by means of ruling classes starting to find irrigable lands, construct of irrigation systems, and of course manage them. It was obvious that managers could not necessarily skills or time to work on land cultivation themselves, thus, they gave it to peasants to work on the land and share benefits equally or it depends. Thus, it was the starting point of the civil legal system, which emerge because of practical necessity rather than logical consequences. From this point of view, the founder of American legal pragmatism, Doctor Oliver Wendell Holmes's view is partly true when he argues that law had emerged not as a consequence of logic, but as a practical necessity to allow people to communicate productively.

Approximately 4,000-3,000 years ago BC as a result of a growing population and the emergence of a variety of new professions when people almost entirely transformed into producing society as well as strengthening contests between various tribes gradually aroused a strong necessity for efficient commodity exchange between producers. Because exchanging peasant's wheat for blacksmith's knives seemed disproportionate probably because of scope, amount, and weight. And this was one crucial element in transferring tribal society into another. This other one would be a great journey where humankind will be checked on stamina, ingenuity, and moral durability. Although, for thousands of years tribal society was also checked their stamina, ingenuity, and later moral durability. However, the basic distinction between these two forms of societies is former would be the exploitation of humans by humans, not by other species. This sounds ordinary and easy to accept, but there will be many inhumane

events, that will contribute to humankind's growth to another materialistic level of abundance, and at the same time morally and spiritually will fall to the bottom of greed and egoism.

2. Statement of law over the periods of Feudal, bourgeoisie, and capitalistic society. Lack of environmental knowledge and for this reason severe external conditions forced early people to be creative to survive, therefore they domesticated fire. As a result of this great discovery, all other things commenced from melting metals through agriculture, cattle breeding fishing, hunting, and blacksmithing. Afterward, all these new occupations created added value, which fostered the creation of classes that possess property and those that do not. Naturally, the former, or to be precise tribal ruling class started to abuse their positions to get more benefits from all those added values. Thus, by means of power and army mainly tribal leaders got more property and gradually began so to idolize themselves, which mankind did not even notice transformed society from tribal into slaveholding. And it was the first element of state emergence. For this reason, Max Weber's point is near to the truth, when he states, "A state is an entity which has the monopoly on the legitimate use of violence within its geographic boundaries". It should be recognized, that it did not occur instantly over several years and even did not happen over one generation. It took centuries. Thus, it is known that the first generally accepted state cities were created in Mesopotamia between two well-known rivers called Euphrates and Tiger located in modern-day Kuwait, Iraq, and Syria. That ancient state called Akkad, later Sumer substituted it. Then Babylon and many other states emerged due to the abundance of commodity-money relationships.

Slaveholders' main true duty came from human greediness relentlessly exploiting their fellow tribesmen mainly in fields because their main income was from agriculture. Hence, a few people were aware of their rights, state managing staff's responsibilities, and the value of life itself.

We assume that true slaveholding society lasted around 3,5 thousand years conditionally starting from 4 thousand BC and lasting up to 4-5 centuries AD. After pointed out centuries are related to other more severe forms of society, which will be described later in this article. Consequently, the law itself and comprehension of law by the population at that time was idiosyncratic. Law was totally stratified separating the population into nobles, priests, warriors, and commoners, and their social status was respectively. Power, all lands, and all welfare used to be considered as a king's or slaveholder's property. Once more, this stratification was based on property and social status. Although, the completely human society changed from one into another, however, means of subsistence remained same focusing on husbandry. There is a view that to further hold one's position some rulers had spread among people various rumors like kings were messengers or representatives of God on earth that initially worked among ignorant settlers. Because humankind is a believer creature himself and in most cases, a ruling class used this political technology successfully for a long time. However, we are not eager to state that all religions are fake. Some of them have something true value and deserve to be checked at least. For instance, Zoroastrianism, Judaism, Christianity, Buddhism, Hinduism, and Shintoism. These religions survived over the millennia and therefore deserve life. They survived because most of their pleas were

proved. For example, Zoroastrianism's main idea and motto is a noble mind, noble words, and noble actions, which in the contemporary world leading psychologists confirm it. Taking into account this irrefutable fact belief matters is also one of the natural rights of people. Therefore spending time to terminate it from the human mind is an unpromising occupation. One clear example is the Soviet Union, which unwaveringly fought against any form of belief, and today result is known to everyone. Where is this state known as the Soviet Union? Earth, the Sun, the Moon, and all other Lord's creatures exist, but the Soviet Union does not.

Nevertheless, slaveholding society created outstanding minds during its lifetime such as Socrates, Plato, Aristotle, Cicero, Democritus, Guy, Ulpian, Herodotus, Lao Tzu, and many others. Many works of them are nowadays considered as fundamentals of various sciences, and it is not in vain. Because they lived in the cornerstone period when humankind everywhere started to think, to reason. That is why had been created such sciences as philosophy, logic, art and many others. We reckon they are fundamentalists because no one stated their theories or hypothesis before. It is due to the fact, that before the slaveholding society, there was no need to warn someone with the far prediction of society. In tribal society, people lived with common goals, despite in slaveholding period, where the nobles aimed to double and protect their wealth, while slaves cared to earn bread to physically support themselves. In other words, there were no those levels of relationships, interactions, and communications. At least, these matters were divided into four types, nobles communicated with each other, and others with each other, respectively. However, when amounts of commoners (enslaved peasants, semi-slave peasants, and poor blacksmiths) gradually widened and their socio-economic conditions worsened naturally they started to complain and often engaged in bloody riots, which forced nobles to think deeply about ways to constrain crowds and hold own privileged positions in society.

The most prominent legal sources of that time were the Babylonian king "Hammurabi's legal acts", the "Legal Writings of Manu" in India, and the "Laws of Twelve Tables" in Rome kingdom. However, the common thing for all of these legal documents is that they were strictly stratified and, consequently did not consider the rights of all evenly, which very gradually and unnoticeably sewed a plant of anger in the souls of the population. This anger would change human society or would level up to a new form of society. Thus, by 4-5 centuries A.D., slave societies faced a crisis. Exploiting slave labor turned impossible and inefficient because of a lack of motivation in slaves' and catastrophically poor people's lives. Riots and bloodshed became a common thing in most societies, especially in the West. Out of desperation often, slaveholders also could not force slaves to labor. In order to raise the desire to be devoted to the crown, many slaveholders onset distributed lands and slaves to own officials, the latter presented some amount of rights to slaves as having insignificant property, getting married, and making agreements. It means that there was an insufficient amount of means of subsistence for slaves, freedom for semi-slaved peasants, and pieces of power for militaries and priests. As soon as slaveholders shared with welfare, everything seemed to come to its normal place. That is where the idea comes from: "One has to be able to share". As a result of sharing part of his power in the form of land and slaves, a new layer of the population called feudal lords slowly but consist-

ently emerged. Feudal society dates between 5 and 15 centuries and lasts around one millennium, which is around three times shorter than slaveholding society. This noticeable difference between these two forms of human society also ought to be a subject of reflection, in terms of social, political, and legal aspects.

The emerging new layer also became hereditary because a slaveholder was still needed in the army to defend his wealth and taxes to increase his abundance. The feudal lords provided this welfare since they also had their own lands and semi-slaves received by slaveholders based on loyalty and vassalage. Social relationships have significantly grown due to the diversification of layers of society. There were slaveholders in many states, feudal lords, free peasants, semi-free peasants, and slaves. Most of the former slaves gained free or semi-free status having rights to create a family, having their own accommodations, and few amount of salaries. Former semi-slaves enjoyed free status and were engaged in agriculture agreeing with the feudal to disproportionately share grown products in favor of the feudal. Nevertheless, such status was better than the previous because due to comparative freedom, free and semi-free peasants mastered newly cultivated areas, which positively influenced to economic growth. To feudal lords, the cost of enjoying a small amount of power and abundance obliged them to be loyal before the slaveholder. Despite the emergence of many new professions, the main means of subsistence still was agriculture, and a huge amount of land was distributed among hereditary feudal lords. Due to expanding irrigation territories and to oblige growing free or semi-free populations feudal lords were interested in launching new invades urging slaveholders to march to war against adjacent territories. Such empires from history were the Frank Empire, Arabic Caliphate, China Empire, Mongol Empire, Ottoman Empire, Byzantium and many others. In spite of the growing population and numbers of newly established states and kingdoms due to growing appetites and greediness, relationships or interactions were strictly constrained even though they were, observed among certain relatively close regions. Relationships with far distances were rare because of a higher level of risk of being grabbed by pirates, which is more excessive proof of our point. Commodity-money relationships and tax-paying systems flourished, The Great Silk Road carrying various goods from East to West by means of camel and horse caravans developed.

However, one vital foundational opening of this era is establishing tertiary education facilities in Europe such as Bologna, Oxford, Paris, Montpellier and Cambridge. Those initial universities were drivers of enlightenment and education, which contributed to the development of science in the long run. There were famous thinkers such as Ibn Khaldun, Al Bukhari, Al-Farabi, Avicenna, Thomas Aquinas, Marsilius of Padua, and Leonardo Da Vinci. Despite some economic development, most peasants still were forced to labor and contribute agricultural goods to the ruling class.

As a monotheistic religion, Islam was established and widely spread throughout North Africa, South Asia, and the Middle East. However, the law remained stratified, because of an abundance of added value, and no one reckoned to create a comparatively fair and equal community. Generally, well-known legal acts of this period were Salic truth, Magna Carta, Russian truth, Islamic law, 10 concepts of evil, Yasy of Genghis Khan, and the Code of Timur. This period is also associated with the evolution of the first Renaissance.

As a result of the extreme growth of economic relations by means of motivated, but still dependent on feudal, the agricultural population of most land owners (previous feudal) economically and socially saturated and dashingy desired more power than merely economic. The event that occurred in England in 1215 forced the King to sign the Magna Carta by Lords, which from the political perspective was the initiation of a new society. In fact, it was the starting point for the emergence of the legislative power of branches around the world, and later Montesquieu designed the theory of separation of power, where legislative power was considered for the adoption of laws for society. However, in essence, members of this body remain former feudal lords. We can derive from this case at least two inferences: first, uncontrollable economic growth would lead to the flame of political ambitions. Second, the lack or deficit of justice in the distribution of welfare might also lead political crisis. Historically, constraining the political ambitions of feudal lords turned out almost impossible when commenced era of great discoveries. Such as discoveries of ocean ways, possession of new lands overseas, and steamily growing urban lives.

All above-mentioned processes led to the emergence of a new form of society based on human exploitation but in a different form than the feudal one, and this new form entered into history as a bourgeoisie society, where cities and former feudal lords turned to, capital owners and the leading layer of society. The main difference of it was raising possibilities to produce goods, did not based in land working. Various types of services were raised such as shipbuilding, transportation of goods, banking services, and so forth because of the development of education and science. However, previously used to work in lands commoners slowly converted workers to fabrics, manufactures, and plantations. Slavery essentially reduced but raised hiring labor, many free but factory owners in mines, heavy production, and the shipbuilding sphere hired poor people for miserable payment. Exactly during the bourgeoisie society population of the world according to Reports of Population Matters campaign in the early 1800s reached 1 billion people. In terms of law, we have to point out, that exactly during this form of society humankind won its right to rest after the severe laboring 18-20 hours a day and seven days a week. Many exhausted commoners were compelled to raise their voices against insatiable owners of fabrics and other entities. Because of bloody riots among the labor population for fair labor conditions in the 19th century introduced Sunday as a non-working day, and later established an eight-hour workday a week. Aftermath appeared ideas of the Rule of Law, and accountable and open government before society. However, "power" is a complex social phenomenon that cannot be equated with categories such as 'law'. That is during this period of history was memorized with massive rebellions such as The Great English Revolution, The Great French Revolution, the American Revolution for Independence, the Revolution in Germany in 1848, and The October Revolution in Russia that were connected with political and power aspects of those societies.

However, it should be noted that human society has not been developed evenly in all regions of the world. For example, African nations lagged in the tribal form of society, while Central Asian countries lived in feudal ones mainly cultivating land. Alongside lagging in some regions in general, humankind reached a significant amount of discoveries launching the first railways in Europe, the invention of the au-

tomobile based on the internal combustion engine, creating the first transnational corporation, developing press and literature, in short, flourished second renaissance in the world. On the other hand, had started developing colonialism throughout the world. Once more humankind revealed its greediness and materialistic approaches. First established a new notion of "The world order" by contracting "Peace of Westphalia" in 1648, according to this onset created the notion of "state sovereignty", where every state was committed to obeying existing territories. The second world order was agreed after Napoleon's War "Congress of Vienna" 1814.

Thus, such development of events contributed to raising anti-bourgeoisie campaigns based on the views of Carl Marx and Friedrich Engels's. According to many historical and economic scientists' views, the developed period of bourgeoisie society is a capitalistic one, because the former was just the initial stage of capitalism in the world. Thus, the 20th-21st century might be evaluated as a capitalistic form of society, where hundreds of thousands of in the history feudal lords, then later bourgeois, and from the 20th-century capitalists had received their own shares in various businesses and had established relatively stable conditions of development after decades of battles metaphorically saying for tasty piece of cake or place for under the Sun. By means of legal acts, many countries declared the sacredness of private property, which was the core of capitalistic relations. In fact, previous colonialism had attained new shade, and the population of most poor countries was directed to developed and fast-developing countries for wages. As a result, forcing labor or human trade occasions have been flourished, which were new forms of slavery. The first worry, to be clear, is not that immigration does not contribute to overall economic growth, but that it does so at the expense of the less advantaged members of society, and thus at the expense of equality. Currently, hundreds of thousands of people in the world left their own countries either because of economic crisis or political instability. For example, Afghanistan, Somalia, South Sudan, Venezuela, Mexico, Iraq, Syria, Ukraine, Philippines, Bangladesh and many others. Humankind could not find really peace, prosperity, and unity since the Tribal Society Era. Though, contemporary statehoods' sacred duty is to provide legal interest of its citizens. However, at the same time except for developed countries most of Third world governments are physically incapable of providing rights such as jobs and social security for their citizens. People do have such rights – they are featured prominently in the International Bill of Rights – but they are unable to enjoy them, even given the best efforts of their governments. At this point we agree with Hanna Szymborska and Jan Toporovski's views that growing inequality of wealth tends to more rigid social stratification, or industrial feudalism, preventing the social mobility that is held to be the great advantage of free market capitalism.

3. Digital society legal science future.

Because of the improvement in human rights value and incredible socio-economic amelioration, the population of the world started to seek individual priorities in every aspect of life in most developed countries observed a fast reduction of people, youngsters preferred to live alone without family relations. Consequently, such approaches contributed to the further development of information technologies (IT) and artificial intelligence, which did not need a human workforce. Real communication between people declined in spite of the creation of many amenities.

Given the rocketing of digitalization around the world we can confidently argue that from the outset of the 21st century, humanity entered into a new form of society called digital society. And observing all ongoing event we can just do some predictions for the future with the sincere hope that our foreseeing will not be correct.

Conclusions

To sum up this brief analysis we can infer that contractions of scope and length of human society forms is also should be a matter of our attention to making necessary conclusions. Thus, if Tribal society and other early forms of societies lasted approximately several million years since human evolution, then Slaveholding society lasted about 3.5 millennia. The following form is the Feudal form lived for nearly 1.1 millennia, Bourgeoisie society lasted just 4.5 centuries, which is more than two times less. As for the Capitalistic form of human society where the majority of the population is living dates about 1.5 centuries for developed countries, of course. Because there are many nations and areas that still live in feudal or even in a tribal form of life. To be precise, most industrially developed countries that have a significant impact on the entire world have already entered into a Digital society, which along with some advantages inevitably has many cons. Soon, as a result of the deep development of digitalization matters, almost the whole population of the world will value and follow global culture instead of national ones, having personal priorities of well-being. In turnover of social relations will deal with a crypto-currency creating a global economy and global government, in turn. AI will reach so a high level, that humans will totally depend on it, and gradually will be considered spare parts of AI. At first glance, it seems something positive enhancing human interaction and interrelation; however, by means of the digital era, there will be a compact group of people who will manage it. Therefore, it will not provide true interaction with human freedom.

It will be established a common rule for the entire humanity, which might be named the “World principle of living” which according to it will be regulated every aspect of life on The Earth.

Gradually some languages such as English, Chinese, German, French, and perhaps Hebrew will be in a significant role in every aspect of life, while other languages remain on the periphery.

Most likely state borders will exist formally losing the current subject of legal and military essence, where everyone will pass freely for jobs and accommodation.

Most legal agreements will be concluded via devices without lawyers, which databases constructed according to the global government's rules. Consequently, in case of contradictions to the before-mentioned rules, those devices will not accept private legal agreements. It means public law will surpass private law and many individuals will be under constant trace losing their own privacy. And this might mean a new form of slavery again.

There will not be any World wars between different sides but the constant continued pursuit of dissent, who do not share and agree with the world order.

Transnational corporations will have their own staff, properties, and lands in any country managing and their legal status of them differs from national (local) governments.

The amount of population will catastrophically decrease due to human's egoistic lifestyle and substituted artificial intelligence machines.

A conclusion and prediction should be supposed, that gradually AI, which finally will lead disappearance of Homo sapiens as a living species, would replace humans. It is the best optimistic forecasting along with other ones for nowadays generation.

The best solution to this issue might be only one: ceasing further amelioration of AI, however, it is impossible due to human greediness and cowardice.

References

1. Borcan O., Olsson O., & Putterman L. State history and economic development: Evidence from six millenia // Journal of Economic Growth. 2018. № 23(1). P. 1–40. – <https://doi.org/10.1007/s11127-024-01186-w>
2. Catherine Pierce Wells. Oliver Wendell Holmes A Willing Servant to an Unknown God. Boston College, Cambridge University Press. 2020. P. 157.
3. Hanna Szymborska, Jan Toporovski. (2022) Why the distribution of wealth matters: Industrial feudalism and social democracy. PSL Quarterly Review. Vol. 75, № 302. – P. 2. – <https://doi.org/10.13133/2037-3643/17886>
4. Donnelly J. Human Rights as Natural Rights // Human Rights Quarterly. – 1982. – Summer. – Vol. 4. – №3. – Pp. 394–395.
5. Webber, J. A Democracy-Friendly Theory of the Rule of Law. Published Online // Hague Journal of Rule of Law, Springer. – 2024. P. 4. – <https://doi.org/10.1007/s40803-024-00240-5>
6. Joranger L. The Evolution and Integration of Life and Theory in Foucault's Work on Power. Published Online. Springer. Integrative Psychological and Behavioral Science. 2024. P. 2. <https://doi.org/10.1007/s12124-024-09862-8>
7. Gadomski M. Borders, Movement, and Global Egalitarianism // Res Publica Springer Link. Published Online 2024. – P. 5. <https://doi.org/10.1007/s11158-024-09674-y>
8. Tayyib. The Ideal State: A Model Based on Analysis of Savagery, Feudalism, Capitalism and Beyond. – ProQuest, 2024. ISBN: 9781735459141.
9. Harari Y. N. Sapiens A Brief History of Humankind. – London: Vintage Books , 2011. – 506 p.
10. de Grass Tyson N. Ends of the World. Natural History Magazine. – URL: <https://neildegrassetyson.com/essays/1996-06-ends-of-the-world/> (дата обращения: 01.09.2024).
11. Population Matters. URL: <https://populationmatters.org/the-facts/> (дата обращения: 01.09.2024).